

Г. ХЛЕБНИКОВ

В долине
Желтүрği

интересным
владельцам им. А. Сергеева
серьезно
Г. Сергеева

З. В. 899.

Г. Сергеева

В восьмидесятых годах прошлого столетия на китайском берегу Амура, в районе реки Желтуги, были открыты богатейшие месторождения золота. Сюда устремились представители самых различных национальностей и социальных групп, и вскоре на Желтуге возникло приисковое поселение. Жители его, в основном русские и китайские старатели, создали свою «республику», не подчиняющуюся ни русским, ни китайским властям. Здесь были выработаны свои законы, которые неукоснительно выполнялись.

Повесть Г. Хлебникова живо и интересно рассказывает о жизни этой своеобразной «республики», о большой дружбе русских и китайцев, о духе равенства, царившем среди старателей, — будь то русский политкаторжанин, разорившийся крестьянин или сбежавший от непосильного гнета мандаринов китайский труженик. Простой народ — вот герой повести.

Автор книги родился в 1915 году в селе Кипень Ленинградской области. В Ленинграде окончил школу ФЗО, работал на стройке. В 1934 году по путевке ЦК ВЛКСМ приехал в Комсомольск-на-Амуре и с тех пор стал его постоянным жителем и горячим патриотом.

Долгие годы был активным рабкором. С 1945 года работает в редакции газеты «Дальневосточный Комсомольск».

«В долине Желтуги» — первое крупное произведение Г. Н. Хлебникова.

Тяжелые камни

Медленно наступало майское утро. За ближайшей сопкой заалело небо, стало светлеть и здесь, в тайге. Орочон Кэсу, безмолвно просидевший ночь на открытом воздухе у тела умершей матери, наблюдал, как из темноты постепенно показались контуры берестяного конусообразного шалаша. Кэсу тяжело вздохнул и стал раздувать еле тлевший костер. Очень жалеет свою мать Кэсу. Ничего, что ей было за семьдесят, она еще хорошо ездил на лошади, не отставая от мужчин. Много знала мать, мудрая была женщина. Когда охотник Кэсу и его братья ездил на русский берег Амура к купцу Середкину, чтобы обменять шкуры добытых зверей на продукты и охотничьи припасы, они всегда брали с собой свою мать. Ее опасался так бессовестно надувать хитрая лисица Середкин, как надувал он других орочонов, годами находившихся у него в кабале.

Вот и на этот раз Кэсу с матерью держали путь в казачью станицу Игнашино, в которой находился торговый амбар купца Середкина. Большую часть пути проехали они, совсем немного осталось. И случилась беда — заболела мать.

— Плохо совсем мне, сын, — хрипло говорила старуха, держась темными костлявыми руками за грудь. — Дышать тяжело, воздуху мало. К костру положи меня.

В пот ударило бедного Кэсу. Не в родном стойбище заболела мать, как лечить? Правильно говорит мать —

к костру ее, прогреть надо. Самое верное средство у оро-
чонов от всех болезней — греть человека у жаркого ко-
стра. Накидал сухого валежника, огромный костер развел
Кэсу. Огонь жжет щеки, накалилась одежда матери и сы-
на, поддерживающего бережно ее голову.

Полдня полыхал костер на таежной поляне. Но все
тяжелее дышала мать. К вечеру она сказала:

— Не помогает огонь. Сильный злой дух вошел в ме-
ня. Умираю, сын. В землю зарой мое тело. — И сконча-
лась.

Эх, шаман был бы! Помог бы шаман, спас бы старуху.
Далеко шаман, а злые духи рядом.

Озабочен Кэсу. Почему мать велела зарыть ее тело
в землю — не успела объяснить. Не по закону получает-
ся. Но воля умершей — тоже закон. Так и сделает Кэсу,
как мать велела.

Когда совсем рассвело, Кэсу осмотрел пасшихся на
опушке двух своих монгольских лошадок, потом вырубил
сук крепче и отправился рыть могилу. Строго на север
отсчитал от чума шестьсот шагов и начал копать. Плохо
поддается крепкая, намытая речкой Желтугой почва. То-
пором рубит ее Кэсу, суком, как мотыгой, ковыряет. Сов-
сем мало вырыл, а лоб вспотел, дышать стало трудно.
Несколько раз отдыхал Кэсу и, чтобы развеять грустные
мысли, думал о весенней охоте. «Прохожу много дней —
охота хорошая окончится», — беспокоился Кэсу. Вот бы
сейчас сидеть в зарослях с берестяной дудочкой и подзы-
вать пронзительным криком оленя. Иной раз целое стадо
выходит на охотника, тогда не зевай!

Плохая мотыга у Кэсу, да и не умеет он, охотник, зем-
лю копать, непривычен. Легче на медведя пойти. Толь-
ко к вечеру готова была неглубокая яма.

Последний раз присев отдохнуть, Кэсу машинально,
брал комочки земли, мял их пальцами. Один комочек по-
казался ему слишком тяжелым. Кэсу постучал им по обу-
ху топора, и тяжелый камень замерцал красноватым цве-
том, очень похожим на цвет нового медного котла. «Медь,
однако», — подумал удивленный охотник и, сам не зная,
зачем ему этот камень, положил его в кисет с табаком,
привязанный к поясу. Потом еще несколько таких кам-
ней подобрал и тоже спрятал в кисет.

Над глухо ворчавшей за кустами Желтугой нависли
молочно-белые туманы и жалобно закричала вечерняя

птица выпь, когда Кэсу закончил похороны матери; Не знал он, что скоро, очень скоро люди потревожат покой старухи. Не знал и того, что сам будет виновником этого кошунства...

На другое утро Кэсу уже ехал по берегу горной речки Желтуги, поросшему купами ивняка и даурской березы. Кое-где зеленела жидкая пока еще поросль травы. А на деревьях уже трепетала нежная листва. Буйно цвела черемуха своим белым цветом, отражаясь кипенно в зеленоватой воде Желтуги. Но Кэсу равнодушно смотрел на весеннюю красоту тайги, горюя о матери.

Вот и правый берег Амура. Под сопкой на небольшой прибрежной полосе несколько убогих китайских фанз, построенных из ивняка и обмазанных глиной. У одной из фанз Кэсу остановился. Он привязал лошадей к кривому стволу ивы и осторожно постучал в дверь. Дверь отворилась, и из фанзы, пригибаясь, чтобы не задеть головой притолоку, вышел знакомый Кэсу китаец-рыбак Лю Цзинь-кунь. Круглое добродушное лицо его было заспанным.

— Охота удачная? — вежливо осведомился Лю.

— Беда у меня, мать умерла, — угрюмо ответил Кэсу.

Лицо китайца выразило самое горячее участие. Он захлопотал, решив угостить старого знакомого, но Кэсу отказался.

— Давай лодку. Свези, Лю, к русским, в Игнашино, к Середкину. Шкуры отдам — и в стойбище на Хинган вернуться надо. Плохо хоронил мать: песен не было, танцев не было, шамана не было...

Лю понимающе кивал головой так энергично, что черная как смоль длинная коса его змеей шевелилась за спиной. Лю взял весло и отправился с Кэсу к берегу. Они осторожно уселись в углый бат рыбака и вскоре уже подъезжали к левому берегу Амура, где казачки, весело перекликаясь, звонко били вальками белье на бревенчатом плоту.

Никакого зверя не боялся в тайге охотник, а здесь, в станице, страх брал его за сердце железной рукой. Впервые совсем один пришел он торговать к купцу Середкину. Всем встречным униженно кланялся Кэсу, таща мешок со шкурами.

Избы игнашинцев разбросаны далеко друг от друга.

Хватает в Приамурье земли, и амурцы селятся просторно, поэтому станица кажется большой. Кэсу миновал трактир, где у коновязи спал пьяный, раскинув руки. Рядом с трактиром стоял склад, построенный из гофрированной жести. Если бы Кэсу был грамотным, он прочел бы надпись на фронтоне черными буквами: «Склад торгового дома Е. И. Голдобиной». За складом показался дом Середкина. Пожалуй, он лучший в станице, построен из вековых лиственничных бревен, крыша из гофрированного американского железа. Высокий тесовый забор окружает тот дом, весело глядят на улицу большие окна с голубыми наличниками.

Охотник подошел к крыльцу, украшенному затейливой резьбой, и только было хотел подняться по ступенькам, как откуда-то выскочил разъяренный пес и, звеня цепью, яростно залаял, норовя ухватить пришельца за ногу.

Долго стоял Кэсу в нерешительности. Но вот звякнула задвижка, дверь открылась, и на крыльцо вышел сам купец. Это был высокий, плечистый, крепко сбитый человек средних лет. Изрыто редкими глубокими оспинами лицо, топорщится во все стороны редкая рыжая борода. Желтые кошачьи глаза смотрят холодно, сторожко, выражая непреклонную волю и жестокость. Плотное тело купца облегает хорошо сшитая сюртучная пара черного тонкого сукна, из-под мягкого воротника белой рубашки выглядывает бант пестрого галстука. Любит приодеться старый вдовец Середкин. Его громкий, уверенный, с легкой хрипотцой голос, широкие жесты, крупные волосатые руки, медленная речь, сдобренная порой шуткой, свидетельствуют о том, что Середкин — знающий себе цену человек, привыкший, чтобы к его словам прислушивались.

В станице многие побаивались и недолюбливали Пигмена Григорьевича Середкина. «Облапит — хребет ломает», — говорили о мертвой хватке купца Середкина, «входящего в силу». Середкин еще не нашел определенного «направления» и хватался за все, что сулило обогащение: держал небольшие прииски на мелких реках, впадающих в Амур, скупал пушнину у орочонов и эвенков, зерно у амурских хлеборобов. В станице у Середкина был амбар с товарами, которыми он снабжал золотоискателей, охотников и станичников.

Оттащив от Кэсу лающего пса, Середкин распахнул

дверь в избу и сказал, оскалив редкие зубы, что означало улыбку:

— Заходи, заходи, паря. Что-то припоздал ты ныне, А матушка как поживает?

— Помер матушка, — печально сказал Кэсу. — В тайге хоронил.

В глазах купца блеснул довольный огонек. Но он громко выразил сочувствие охотнику.

— Все там будем, — заключил Середкин и перекрестился. Потом, сразу приняв деловой вид, спросил: — Показывай, что привез ныне.

Внимательно осматривал каждую шкурку купец. И его лицо не выражало никаких чувств, хотя был он доволен — хорошие меха принес ороchon. С плохо скрываемой алчностью Середкин перебирал коричневые шкурки соболей, гладил рукой шелковистый мех, дул на него, высматривая, нет ли где затаенной штопки. А Кэсу тем временем вынимал из мешка шкурки лисиц-огневок, темно-коричневых выдр, золотистых колонков. Мягкой грудой лежит пушнина на чистом, выскобленном до восковой желтизны столе.

Осмотрев шкурки, купец, не торопясь, достал из резного ларца толстую книгу и начал листать ее, мусоля палец. Охотник со страхом смотрел на книгу. Даже мать не знала точно, сколько долга записано купцом на этих пожелтевших листах против имени Кэсу.

Середкин долго разъяснял ороchonу, сколько какого товара он брал в долг, сколько стоят принесенные шкурки. Но ничего не понял Кэсу. Отирая с лица обильный пот, он торопливо соглашался:

— Ладно, ладно, Середкин.

Купец отпустил ороchonу чай, табак, муку, кусок синей далембовой ткани, порох, свинец.

— Бери, паря, я добрый! Я не Ефремов Ипашка, который семь шкур дерет с лесного человека, — приговаривал Середкин. — Но половину даю в долг. Понимаешь? Осенью отдашь. Я тебе крепко верю, Кэсу. Ну, а теперь угостить тебя надо. Аринша! Куда ты запропастилась, Аринша!

В горницу вбежала краснощекая дочь Середкина.

— Самовар неси, Аринша. Огурчиков, графин со зверобоем. Изобрази живой рукой!

Кэсу наотрез отказался пить водку.

— Мать не велела, — твердо заявил он.

— Ну и зря, — недовольно заметил купец. — Водка — она мужику в пользу. Ну, не хочешь, — чай пей.

После угощения Кэсу отвязал от пояса кожаный кисет и стал набивать трубку.

— Моего закури, — сказал повеселевший Середкин. — Дрянь какую-то куришь. Высыпь его из кисета. Я тебе в подарок жуковского дам пачку. Вот это табак! Аринша, принеси пачку жуковского!

Через несколько минут в горнице вновь появилась Аринша и положила на стол пачку табаку, убрала чашки, закуску и графин с водкой и вышла, неслышно ступая босыми ногами.

Кэсу послушно высыпал из кисета истершийся в пыль табак, смешанный с ольховыми листьями. На стол с табачной трухой тяжело упали подобранные орочоном тяжелые камешки. Середкин услышал стук, взглянул на камни. Они заинтересовали купца. Он взял один камень огрубевшими пальцами, — и глаза его округлились. От волнения пот выступил на лбу Середкина.

— Это что за камешки? — почти шепотом спросил он охотника, поглощенного раскуриванием трубки.

— Медь, однако. Ребятишкам играть взял, — рассеянно ответил Кэсу.

— Верно, медь, — стараясь быть равнодушным, охотно согласился Середкин. Толстые пальцы его, перебиравшие камни, чуть заметно дрожали.

— Где нашел?

— Могилу когда копал, нашел.

— Место точное скажи, — опасливо оглянувшись на окна, попытался купец.

Орочон подробно рассказал, как найти то место на берегу Желтуги. Собираясь уходить от купца, Кэсу удивился, почему так вдруг подобрел Середкин.

— Понравился ты мне, паря, — говорил купец как можно приветливее. — Ладно, из оставшегося долга половину тебе скощаю. Я кого полюблю — шубу куплю. Так ты куда сейчас путь держишь?

— Пора, однако, домой. Жена, дети ждут, — ответил Кэсу.

Середкин был так приветлив, что захотел проводить Кэсу до Амура. На берегу, прежде чем усадить орочона

в лодку, он отвел его в сторону и сказал, глядя в глаза охотнику своими строгими глазами:

— Не говори о тех камнях никому ни слова. И о месте, где матери могила, никому не говори. Плохо очень будет. Понял ты меня?

Кэсу испуганно замотал головой. Он понял — Середкин может сделать плохо ему. Но он не понял, зачем нужна купцу эта тайна. И что это Середкин: то ласков, то строг к охотнику... Жалко, мать померла. Она объяснила бы Кэсу, что все это значит...

Купец долго смотрел, как охотник переправляется через Амур. И лишь когда тот выбрался из лодки на противоположный берег, Середкин, круто повернувшись, зашагал обратно, перебирая в кармане камни, подаренные орочоном.

Но не к своей просторной избе свернул купец, а постучался в оконце старой баньки, где жил инженер Лебедкин. Несколько лет назад он закончил институт в Петербурге и приехал по приглашению крупного золотопромышленника на далекий Амур. Лебедкин оказался знающим дело инженером, но потом стал часто выпивать. Ему отказали в выгодном, хорошо оплачиваемом месте. Увольняли и в других золотопромышленных фирмах. Ле-

бедкин скатился на самое дно, оказавшись в компании отчаянных пропойц. Середкин встретил инженера в одном из благовещенских кабаков, оборванного и голодного. Купец смекнул, что Лебедин может быть ему очень полезен, если его прибрать к рукам. А прибирать людей к рукам Середкин умел. И вот Лебедин очутился в станице Игнашино и живет на подворье купца Середкина. Он часто ходит по таежным рекам, отыскивая купцу богатые золотые россыпи. Но пока не было форта Лебедину. Всякий раз по возвращении его из тайги Середкин зло смотрел на распухшее от укусов мошки лицо инженера и, недобро ухмыляясь, говорил:

— Смотри, паря, и на харч не заработаешь.

Но если была хоть небольшая удача, Середкин щедрился и давал Лебедину денег. И тот запивал на неделю, две. Вот и сегодня он встречает хозяина сивушным запахом. Инженер сидит на топчане, застланном овчиной. Лицо его бледно. Соломенные волосы слиплись от пота. Он неподвижно глядит в одну точку, чему-то пьяно ухмыляясь.

— Продлжаешь? — хмурясь, спросил Середкин, кивая на стол, на котором стояла бутылка.

— Самую малость, сударь, — с пьяной развязностью проговорил Лебедин. — Зачем пожаловали к слуге покорнейшему?

— Дело есть важное. Садись сюда поближе. — Середкин смахнул со стола остатки еды и вынул из кармана красноватые камешки.

Опытный глаз инженера сразу определил, что это за камни. Но он без особого энтузиазма заметил:

— Обыкновенные самородки. Сфероиды. Где найдено золотишко?

Купец с презрением посмотрел на Лебедина и, негодуя, сплюнул:

— Обыкновенный ты олух, Лебедин, хотя и звание инженера имеешь! Да эти пять самородков в устье Желтуги из одного шурфа взяты! Понял, чем пахнет?

Безучастное лицо инженера выразило любопытство. Взвесив на ладони и осмотрев самородки, он определил:

— Чистое, примесей мало. Сопровождают кварц, пирит. На одном месте?.. Да, дело стоящее. А ведь мы два года ковырялись на Желтуге, а такого рудного столба не встречали.

Инженер задумался. Он снова смотрел куда-то в угол и, казалось, начал забывать содержание разговора. Но вот он хитро взглянул на купца, откинул со лба на затылок соломенные жидкие свои волосы и продекламировал:

«Все мое», — сказало злато;
«Все мое», — сказал булаг. —

Как это верно!

— Ты брось поговорки свои, — посуровел Середкин. — Немедля надо разведать место, инженер. Завтра же наберем артель — и айда за Амур.

— Зачем так спешить, Пимен Григорьевич? Успеем еще.

— Умный ты человек, а говоришь не знаю что. Да об этой находке скоро все прознают. Золото ить, не что иное. Немедля, говорю, искать надо.

— Китайцы нам шею не намылят? — поежился Лебедкин. — Их ведь места. В тысяча восемьсот восемьдесят первом году, помнишь, как бежали от стражи?

— Ништо! Уйдете.

— Посмотрю я на тебя, Пимен Григорьевич, нет у тебя жалости к человеку.

— Нет? Это верно, — жестоко согласился Середкин. — Для чего жалеть-то? В нашем деле жалость — вещь ненужная. Так-то, инженер. Либо ты наверху, либо мордой в грязь.

Нехорошо стало Лебедкину от тяжелого взгляда желтых глаз купца. Холодок пробежал по спине, поежился инженер. Купец заметил, что наговорил много лишнего, и сказал успокаивающе:

— Да ты не сумлевайся. Когда бежали, то было в восемьдесят первом, а сейчас тысяча восемьсот восемьдесят третий год идет. Год на год не приходится. Смекать надо..

— Я и смекаю. Вы газеты читаете? Очень напряженное нынче положение на границе.

Но возражал инженер от скуки и уже принял к исполнению приказание хозяина.

— Налить? — Лебедкин взялся за бутылку дрожащей рукой. — Одну только;

Середкин рубанул воздух ладонью: «Не хочу!» Встал, направляясь к выходу.

— Подожди, Пимен Григорьевич, — остановил его

инженер. Купец насторожился. — Хочешь, я тебе из Байрона почитаю? Овидия, может, а?

— Иди ты со своим Байроном, недосуг мне ляды точить! Ну, прощевай пока.

Прикрывая дверь баньки, Середкин услышал голос инженера:

«Все куплю», — сказало злато;

«Все возьму», — сказал булат.

Игнатова артель

Зная, что Середкин не любит проволочек, инженер решил на следующий же день заняться подбором рабочих, которые пойдут с ним искать золото. Это должны быть физически выносливые люди, бесстрашные (ведь идти-то придётся на чужую сторону), знакомые с поисками и добычей золота. Пусть не все будут обладать опытом старателей, но несколько знающих людей необходимо. Лебедкин знал, где искать таких работников. Вот уже третий месяц в станице гуляет старатель Игнат Неродов с товарищами, прокучивая добытое тяжким трудом золото. На днях Лебедкин видел Игната в трактире. Тот угостил инженера вином и сказал хриплым басом, почесывая волосатую могучую грудь:

— На последнее угощаю. Крышка нашему золоту. Через три дни в верховья Зеи уйдем.

— Пе жалко золотишка? — полюбопытствовал Лебедкин.

Игнат с удивлением посмотрел на инженера добрыми умными глазами и ответил:

— А для чего его жалеть? В тайге золота много.

Игната и его друзей и надеялся сегодня завербовать инженер Лебедкин на службу к своему хозяину.

На землю опускались неторопливые летние сумерки, когда Лебедкин решил, что пора идти на переговоры с Игнатом. Через несколько минут он уже входил в трактир. Слух резанули до боли в ушах пьяные крики посетителей трактира, звонкие переборы гармошки. В табачном дыму слабо желтел огонь керосиновой лампы, подвешенной к потолку над буфетной стойкой. Лебедкин сразу приметил могучую фигуру Игната. Он сидел со своими друзьями за широким столом и внимательно слушал шеп-

тавшего ему что-то на ухо мужика с узким лицом и хитрыми раскосыми глазами. Почти всех дружков Игнатовой артели знал Лебедин. Разношерстная публика. Вот этот огненно-рыжий парень с ястребиным носом, Илья Ключин, говорят, бежал с каторги. С раскосыми глазами мужичонка — из забайкальских коренных золотоискателей. Медлительный детина с черной повязкой на правом глазу, по кличке Одноглазый, ничего не говорит о своем прошлом. А если уж кто пристанет, скажет насмешливо:

— Родился в лесу, молился колесу, на крестинах своих не был.

Одноглазый был опытным золотоискателем. И его высоко ценил Игнат. «Чутье у него, нюх на золото, — говорил Игнат об Одноглазом. — Но главное — товарищ верный. На него всегда положишься — не выдаст».

Был еще в этой компании Гошка — молодой отчаянный парень, забияка, песенник и гармонист. Работал он плохо, здоровьем был слаб и часто прихварывал, но любил старатели Гошку за веселый нрав. Своими шутками и песнями он скрашивал скучную тоскливую жизнь артели.

Сам Игнат Неродов вышел из казачьей семьи. Его прадед поселился на Амуре еще в восемнадцатом веке. Дед и отец верно несли службу, охраняя восточные границы России. Игнат же отбился от дел извечных казачьих и стал бродягой-старателем. Уже много лет не заглядывал он в родную станицу Орловку, опасаясь гнева родственников и казаков-станичников.

Лебедин обошел танцующих посредине зала, пробрался между столами и встал позади Игната.

— На минуту не выйдешь со мной, Игнат? Дело серьезное есть, — вполголоса проговорил инженер.

— Их благородие секреты какие-то разводит. А нам, грешным, нельзя ли их узнать? — ехидно осведомился косоглазый мужик.

— Не зубоскаль, Яков, — сердито оборвал его Игнат. — А ты, инженер, и впрямь говори, что у тебя?

Помявшись, Лебедин объяснил, что требуются рабочие для разведки золота. Может быть, Игнат с товарищами возьмутся за это дело? Плата будет хорошая.

— Это к купчишке идти в кабалу? — презрительно сказал Одноглазый. — Мы свой фарг отыщем, пропади твой Середкин пропадом!

Отрицательно высказались и другие члены артели. Но

сам Игнат молчал, что-то обдумывая. И, когда возмущение старателей несколько ослабло, он сказал:

— Придется согласиться, ребята. С пустым брюхом в тайгу не пойдешь, голодному не фартит, сами знаете. У купца поработаем, а там опять свою жилу пойдем искать.

— Удача будет — не обидит хозяин, ребята, — добавил Лебедкин. Про себя усмехнулся: он-то знал «доброту» купца Середкина.

Недолго ломались старатели, согласились. Карман-то пуст. Договорились: с завтрашнего дня начать готовиться к походу. Где обнаружены россыпи и кем, об этом пока умолчал осторожный Лебедкин. Да никто и не пытался узнать. Понимали — бесполезно.

— По рукам ударили — и выпить теперь можно, — сказал Игнат.

Артельщики одобрительно зашумели. Скоро на столе появились полные штофы водки, закуска. Попойка продолжалась с новой силой. Угощали Лебедкина. Каждый старатель тянулся чокнуться с инженером. Лебедкин с опаской поглядывал на водку, как бы не хватить сверх меры. Вокруг стола чертом увивался Гошка с веселой рожей. Он то шутил, забавляя золотоискателей, то пустился в пляс, подыгрывая себе на гармошке с сильно потертыми мехами. А потом сел за стол со всеми, пригнулся к гармошке и, растянув меха, запел чистым звонким голосом сибирскую острожную песню:

Как по речке, по быстрой
Становой едет пристав...
Ох, горюшко-горе,
Великое горе!..
А с ним письмоводитель —
Страшный грабитель.
Ох, горюшко-горе,
Великое горе!..
Едут по великому делу,
По мертвому телу...

Весь трактир внимательно слушал певца, горячо комментируя особенно удачные места. Только трактирщик, толсторожий Ипат Ефремов, навалившись на прилавок тугом большим животом, выпирающим из жилетки, прогнусавил ехидно:

— Смотри, паря, как бы тебя в чижовку за такие песни не упрятали. Посидеть захотелось в тиши и уединении?

На купца зашикали:

— Молчи, пузо!

— Не любо — уши заткни.

— Не пужай чижовкой-то, не больно боимся.

Купец изобразил на лице невинную улыбку: «Пошутил, мол, и что ругаетесь?»

А Гошка допел острожную и опять пошел в пляс. В круг выходили все новые люди, неуклюже топтались, стараясь восполнить неуменье танцевать громким стуком каблуков. Здание трактира сотрясалось от топота. В густом табачном дыму тускло горела подвешенная к потолку керосиновая лампа, медленно раскачивающаяся от сотрясения.

Отказавшись от очередного подношения, инженер вышел из трактира и вдохнул всей грудью свежий воздух. На небе густо выслали крупные звезды. Спустившись с разбитых ступенек крыльца, Лебедкин повернул налево, к своей хате. Неожиданно перед ним выросла фигура человека.

— Господин инженер, это я, Петька Конев. Вы не бойтесь!

— Что тебе надо от меня? — раздраженно отозвался Лебедкин.

— Я слышал ваш разговор с Игнатом. Возьмите и меня на поиски. Я сильный, все по хозяйству могу делать, — упрашивал Петька.

Лебедкин молчал. Люди ему нужны, артель Игната всего из восьми человек. Но отец Петьки, казак, мог учинить скандал. Лебедкин высказал парню свои опасения.

— Не узнает отец, — убеждал Петька инженера. — Скажу, что на рыбалку к китайцам поеду на Дальнюю протоку. Возьмите! Край как надо заработать денег. Желательно хочу.

Поколебавшись, Лебедкин дал согласие. Обрадованный Петька, нетерпеливо выслушав условия сбора, скрылся в темноте...

В душную и пустую избу не хотелось входить инженеру. Он присел на лавку у окна. Встреча с Петькой напомнила ему недавний разговор с хозяйской дочкой Ариншей. «Полюбил Петька Ульку, урядникову дочь, — стреляя плутовскими глазами, тараторила Аринша. — И Улька его любит до смерти. А отец-то ее и слышать не хочет

о женитьбе. Не отдам, говорит, свою дочь за голодранца. Какой он казак, когда коня хорошего не имеет».

Удастся ли Петьке заработать столько денег, чтобы принял гордый урядник его сватов? Кто знает? На душе инженера стало грустно. Была и у него когда-то любимая девушка, были мечты. Ничего не осталось. Год за годом проходит — и все ниже опускается Лебедкин, грубеет его сердце, тупеет ум. На сколько его еще хватит?..

Через три дня рано утром, еще до восхода солнца, отряд Лебедкина готовился двинуться в путь. Купец Середкин самолично осмотрел, как навьючены лошади, все ли взято, что намечено по списку, лично им составленному.

— Федька! — подозвал он приказчика. — Проверил, нет спиртного в тюках? Смотри у меня, чтоб ни синь-пороха! — И тут же предложил: — Перед дорогой посидим, братцы.

Все сели: кто на бревна, кто прямо на траву.

— Ну, с богом! — скомандовал через минуту купец.

Как ни старался Середкин избежать любопытных глаз, не удалось отряду уйти незаметно. Когда проходили мимо трактира, дверь открылась, и оттуда вывалилась ватага запоздалых гуляк. Верховодил ими худощавый мужик с белесыми волосами и козлиной бородкой. Он был одет в красную шелковую рубаху навыпуск, в бархатный жилет, на ногах лакированные сапоги со шпорами, на голове черный котелок.

— Это что за чучело? — невольно улыбнулся Лебедкин.

— Иван Бобер гуляет. Пофартило ему на Амазаре, в три дня разбогател. Теперь вот не знает, как истратить капитал, — ответил Игнат.

— Гляди, варнак, только начинает! — с завистью проговорил Яшка, семеня коротенькими ногами рядом с Игнатом.

На берегу Амура у зарослей орешника еще один человек повстречал отряд Лебедкина. Но увидел этого человека только нарочно приотставший казачий сын Петька. Из-за кустов выбежала Ульяна. Она торопливо сунула в руки Петьке какой-то узелок, обняла его и тихо сказала:

— Не забывай, Петя. Ждать буду.

— Смотри, не давайся отцу, окрутит с кривым лавочником...

— Не поддамся. Тебя люблю...

Амур переехали на просторном купеческом баркасе. Условились с китайцем Лю Цзинь-кунем, что будет доставлять отряду продукты, и двинулись в путь. Впереди ехал на лошади Лебедкин — места ему знакомые, потом шли выючные лошади, а за каждой два — три старателя. Солнце поднялось высоко. Стало жарко. Люди шли, путаясь в сплошных местах зарослях тальника, страдая от гнуса и комаров. У таежного ручья сделали привал. Один из мужиков-переселенцев оглянулся вокруг и сказал тоскливо:

— Чужая кругом земля, оторопь берет. А вдруг маньчжуры дознаются?

— Не каркай, — резко оборвал мужика Игнат. — Знал, куда идешь. Потом, почему земля чужая? Божья земля. И мы божьи. Выходит, в самый раз. И если бы первый год ходили сюда за золотом. А и китайцы золотишники к нам ходят. Пусть роют. Китайцы и женьшень собирают в нашей приморской тайге. А женьшень стоит дороже золота. Так-то, браток.

Такое объяснение, как оно ни было примитивно, успокоило участников похода.

В те времена границу здесь свободно переходили и китайцы и русские. Шла оживленная беспошлинная взаимная торговля жителей обоих берегов Амура — подданных России и Китая, узаконенная в свое время Айгунским договором. Но в 1880—1882 годах на границе в районе Приамурья время от времени начали появляться маньчжурские военные отряды. Об этом знали золотоискатели отряда Лебедкина, и их тревожила перспектива встречи с маньчжурами. Но жажда наживы была сильнее страха.

Оставляя позади себя притоптанную молодую траву, отряд медленно двигался по долине реки Желтуги. В этих местах распадки и невысокие сопки были покрыты разнолесьем, типичным для даурской суровой земли. В самой долине деревья росли купами. Отдельными ерниками на возвышенностях гнездилися монгольский дуб. Часто попадались даурская береза и лиственница. В иных заболоченных местах с трудом приходилось продираться сквозь сплошные заросли краснотала. На некоторых деревьях висели причудливые волокна мхов.

— Ишь ты! Как борода у лешего, — удивлялся мхам мужик-переселенец. — А лес-то богатый, земля какая, ба-

тюшки! Луга заливные, сена-то, сена-то! Вот где землицу бы взять! — мечтательно вздохнул он.

— Земля и на нашей стороне такая, — угрюмо заметил Игнат. — Но пока она, кроме травы, что-нибудь родить начнет, хлеб например, так пуп надорвешь. Лошадь небось не на что купить?

— Где там! — вздохнул мужик.

— Вот и рассуждай. — Игнат умолк, давая понять, что не намерен поддерживать беседу.

Но на мужика-переселенца нашла говорливость, которой он скрывал свой страх перед неизвестностью. Мужик рассказывал, как он ехал с семьей в Сибирь на вольную землицу, какие испытывал лишения и беды в дороге.

— Когда в самую Сибирь выехали — чую, хоть и мучительно от дороги тяжелой, от голодухи, что вроде свободнее дышать стало, на душе вроде полегчало. Отчего бы это, думаю. Обратился к старику, попутчику. Объясни, говорю, отец, почему полегчало на сердце? А тот в ответ с улыбкой: барского дома в этих краях нет, вот облегчение и есть тебе. Верно говорил старик. Барского дома нет, вот оно что!

— И здесь не всегда от плети уйдешь. Захотят — найдут, — зловеще заметил Яков.

— В самый раз, — смиренно согласился мужик.

— А ты не подставляй спину-то, беги, — посоветовал Игнат. — Глупого да труса плеть всегда быстрее отыщет...

Наступил полдень, и Лебедкин увидел вдали за изгибом Желтуги старый берестяной шалаш, служивший орочонам своеобразной «гостиницей», когда они ходили на Амур выменивать у купцов товары. Здесь и умерла мать орочона Кэсу. Люди приободрились и зашагали быстрее. Послышались шутки присмирившего было весельчака Гошки.

Вскоре отряд остановился у чума. Развязывали лошадей, готовили обед, строили временные шалаши. Лебедкин, Игнат, Одноглазый, Яшка — все заядлые золотоискатели — не вытерпели и, взяв инструмент, отправились искать могилу старухи. Вот небольшой холмик в высокой траве. Постояли. Потом Игнат поплевал в ладони и взял лопату. То же сделали Яков и Одноглазый.

— Начнем, — сказал Игнат и вонзил лопату в мягкий грунт.

Всем было немного не по себе: не то совестно, не то страшно.

Стали осторожно рыть землю. Галька с лязгом скатывалась с лопаты. Увлечшись, старатели не заметили, как солнце заслонила лиловая грозовая туча и день сразу потускнел. Подул холодный, порывистый ветер, пригибая верхушки деревьев, рябью покрывая светлую водяную гладь Желтуги. Наконец могила была открыта. Игнат и Яков взяли туго запеленутое в оленье шкуры тело старухи, чтобы вытащить его из ямы. В это мгновение мелькнула молния и грянул гром. Словно огромное полотно разорвали над головой чьи-то могучие руки. Яков вздрогнул и выпустил тело из рук.

— Свят, свят! — суеверно забормотал он, крестясь и озираясь на небо.

— Чего бросил? Берись, раззява! — злобно крикнул Игаат. Но кричал он, чтобы скрыть собственный страх. Его тоже напугало такое предзнаменование.

— Может, обратно зароем? — тихо заметил Яков. — Человек ить...

— Мы ее на сопочке, вон там, под дубом, похороним, — сказал после раздумья Игнат.

К стану возвращались под проливным дождем. Сопки, тайга смутно виднелись сквозь сетку водяных струй. Вода в Желтуге была черная и бурлила, как кипяток. Старатели забились в тесный чум, мало спасавший от дождя. Мокрые, замерзшие и мрачные сидели они молча, избегая смотреть друг другу в глаза. Каждый думал о своем. Знали, что молчание в таких случаях—лучшее средство предупредить ссору, взаимную-неприятность, припадок малодушия. Этому их научила тяжелая таежная жизнь старателя.

К вечеру дождь перестал. Тучи разогнало. Золотоискатели развели костры и начали сушить одежду, варить ужин. Все повеселели. А там Гошка вынул завязанную гармонь, и впервые в этих местах раздалась мелодия раздольной русской песни.

— Может, проверим могилу-то старухину? — спросил Лебедкина Игнат.

Инженер, обжигаясь чаем, долго не отвечал. Потом сказал:

— Ладно, позже проверим. Пусть ребята успокоятся. Гром напугал их сегодня. Суеверный народ, учитывать надо это обстоятельство.

Золото

Четвертый день отряд занят пробивкой шурфов в намеченных инженером местах. Тяжелая это работа! Петра Конева и дома не баловали, не нежили. Сильные Петькины руки не боятся физического труда. Но здесь, в этой Полине, небо с овчинку показалось, а работа только начата. Плотная почва из прессованного песка, глины и обкатанной гальки плохо поддается кайле. Лопата скрежешет о гальку, никак не подцепишь грунт. А тут еще жара. В яме, окруженной высокой травой, тихо. Здесь раздолье комарам, гнусу и слепням. Вся эта нечисть зло кусает лицо, шею и руки Петьки, расчесанные в кровь. Во время перекура Одноглазый посоветовал:

— Ты, паря, не скреби морду, а терпи, когда тебя комар или мошка кусает. Потом будет легче, обвыкнешь.

«Хорошо говорить — терпи!» — устало думает Петька.

Игнат несколько раз заглядывал в шурф, дно которого ожесточенно долбил кайлой Петька.

— Не спеши. Горная работа не поспешности, а ума и спорости требует. Это тебе не грядки под огурцы копать. Золото еурьезных людей любит. Примечай, паря!

Игнат спустился к Петру и несколькими рассчитанными ударами кайлы отвалил порядочную глыбу грунта.

— Яму сделай, а потом к ней отваливай куски, — пояснил Игнат, передавая кайлу парню.

— А чего же золота не видать, дядя Игнат? Скоро до воды, поди, доберемся, а золота и в глаза не видели, — с жадным любопытством уставил Петька серые большие глаза свои на чернородого Игната.

Тот усмехнулся добродушно:

— Кутенок ты, Петька. Да ты на золоте стоишь и золото лопатой выкидываешь из ямы. Здесь весь грунт золотом начинен. Я тебе уже покажу золотишко, паря, а то, вижу, у тебя старательского азарту нету...

Внимательно приглядывался к каждой лопате грунта Петька, но не видел и признака золота. «Вот брешет, черт бородатый!» — недовольно думал он.

Но вскоре убедился, что Игнат был прав. Как-то он окликнул Петьку:

— Иди золото смотреть!

Игнат и Лебедкин стояли на коленях у ручья, впада-

вшего в Желтугу, и осторожно промывали породу в железных лотках.

— Садись, гляди, — сказал подошедшему Петьке Игнат. — Вот гальку и песок смоем водой, останется золото.

Лотки в руках золотоискателей медленно вращались. Сбегала мутная вода с песком. Гальку выгребали руками. Вот последнее движение — и на дне лотка маслянисто зажелтела на солнце тонкая пленка золота.

— Вот оно! — торжествуя произнес Игнат.

— На редкость богатое содержание, — согласился равнодушный, как всегда, Лебедкин, теребя жидкую бородку грязными пальцами. — Правда, определенного чего-нибудь еще нельзя сказать, но первые пробы оптимистичны. Если и дальше разведка будет так же успешна, эти россыпи можно будет назвать богатейшими. Посмотрим, что нам плотик покажет.

— Плотик, я считаю, близко, господин инженер, — сказал Игнат. — В моем шурфе, у Одноглазого, у Якова и Гошки уже ложный плотик показался.

— А что такое плотик? — обратился к инженеру Петька.

— Да ты, оказывается, любопытен, молодой казак, — тонко рассмеялся Лебедкин. — Ну, это хорошо. Когда-нибудь я тебе расскажу о добыче золота. Но сейчас мне не до лекций. Скажу только, что плотик — это постель, обычно коренной породы, на которой покоятся верхние слои россыпи. И на плотике самые богатые слои россыпи залегают. Тут большей частью и самородки находят.

Не все понял Петька, но, увидев своими глазами золото, увидев, с каким бодрым воодушевлением работают его товарищи по артели, сообразил, что он не прогадал, уйдя на Желтугу зарабатывать деньги.

Ни жара, ни дождь, ни тучи кровожадных насекомых не останавливали золотоискателей. Страдая от жажды (некогда сбегать лишний раз к ручью), люди долбят землю. У некоторых на ладонях, отвыкших от кайлы и лопаты, кровавые мозоли. «Ништо!» Питание день ото дня все скуднее — тают запасы, а китайца Лю Цзинь-куня все нет. «Ништо, ремни подтянем!» Заболел и умер внезапно один из мужиков-переселенцев, нанятых купцом для строительства балагана, шлюзов и прочих плотничных дел. В три дня сторел молодой мужик от непонятной тя-

желой болезни. «Может, все так? Ништо, один раз помирать, копай!»

Люди видели воспаленными глазами только серый квадрат обнаженной земли в своей яме, забыв об окружающей их природе. Из всей артели только Петька и Гошка находили минутку, чтобы подсмотреть, как к ручью выбежал напиться олень, но, учуяв людей, скрылся в кустарнике. Однажды на разработки вышло из тайги чем-то напуганное стадо кабанов. Неуклюжие на вид животные пулей промчались мимо опешивших людей. Один кабан сплеховал и угодил в глубокий шурф. В этот день старатели с аппетитом ели кабанье мясо.

Бывалый золотоискатель Игнат проникся уважением к горному инженеру Лебедкину. Поистине ума палата у этого тщедушного на вид человека в куцем мундире. Игнат не терял времени на /пустые побасенки с инженером, как Яков, а выпытывал у Лебедкина сведения, касающиеся добычи золота. Лебедким охотно рассказывал. При этих беседах часто присутствовал и Петька Конев, чем-то полюбившийся Игнату. Лебедкин не только умный человек, «о и свет повывавший. Один из бывших хозяев инженера несколько лет назад посылал его в Америку, в Калифорнию, изучать золотопромышленное дело.

— Тихий океан, Америку посмотрел, но ничему, почитай, не научился, — посмеивался Лебедкин. — Был у нас такой инженер Пукалов. Лет двадцать пять назад изобрел он способ промывки песков. Так вот этому способу, называемому «русским», и хотел научить меня" американец. А я и так его знал отлично.

Под присмотром Лебедкина плотники уже построили зимовье — жилище для старателей из бревен, с земляным полом, пилили доски для шлюзов и станков вашгердов и бутар. Новые пробы усиливали убежденность инженера, что россыпи содержат много золота, и надо было, согласно договоренности с купцом, готовиться к зимним работам. Обилие ключей и ручьев облегчало промывку песка. Но следовало подумать и о способах забора воды из самой Желтуги, подвозке золотосодержащего грунта К местам промывки. Все нужно делать с учетом небывалых масштабов золотодобычи. «Не поднимет мой лабазник такой ноши», — с иронией думал инженер, высчитывая потребность рабочих, материалов — и денег, денег! Пока

добудешь золото, много надо потратить денег. А в эти места можно капитал вложить безбоязненно...

На глубине шести аршин работает теперь Петька. Тут от сырой земли несколько прохладней, да и мошка не так кусает. Над шурфом — ворот. В деревянной бадье один из переселенцев вытаскивает наверх грунт, добытый Петькой. Рассказы о «бороздках», «карманах», карстовых воронках и пещерах, наполненных самородками, разожгли воображение парня. Не жалея сил, врубается он в грунт, все более твердый, чем глубже шурф. «Скоро плотик будет, — предполагает Петька. — А вдруг найду что?!» И это «вдруг» наступило так неожиданно, что парень растерялся. Он чуть не крикнул во все горло: «Золото нашел!» Еле сдержался. Дрожащими руками стал выбирать поблескивающие даже здесь, в тени, золотые самородки и торопливо прятать за пазуху.

«Все, теперь убегу! — лихорадочно размышлял он, ощущая тяжесть у левого бока. — Хватит с меня. Пропадешь еще здесь, а там, в станице, Уля ждет». А как убежать незаметно? Дорогу он найдет, Желтуга выведет к Амуру. Продукты? «Корни жрать буду!» Никто не увидит Петьку. Но над ямой раздается спокойный голос Игната:

— Зря голову ломаешь, паря. А ну вылазь!

Петька покорно полез по грубо сколоченной лестнице, срываясь со скользких от грязи перекладин. Выбрался, встал перед Игнатом, вспотевший, сильно похудевший за дни старательства. Игнат посмотрел беззлобно в глаза парня и так же беззлобно приказал:

— Вынай самородки, паря.

— Какие? — пытаясь выразить на лице удивление, хрипло произнес Петька.

Страшный удар свалил его с ног. Он упал в кусты тальника и долго не мог прийти в себя. А когда очнулся, то увидел себя лежащим у шурфа. Кругом стояли золотоискатели и молча смотрели на него. Игнат смачивал его лоб водой из берестяного теска.

— Ожил? — сурово спросил Игнат. — Встань!

Петька встал. В голове шум. Ухо, по которому пришелся удар, сильно зудело. В горле встал горький комок, хотелось завывать по-собачьи от обиды и боли.

— Вынай самородки, — повторил приказ Игнат. Он молча принял золото, взвесил его на черной огрубевшей широкой ладони. По-прежнему без злобы посмотрел на

Петьку: — Никогда, паря, не бери золото себе, коль работаешь с артелью. Запомни. Это воровство. Только молодости твоей жалко, а то бы до смерти пришибли тебя. Чуешь? А сейчас за работу. Айда по местам, ребята!

Не скоро потухла в душе у Петьки обида на Игната. Но тот сумел все же снова расположить к себе паренька, жаждущего покровительства в этой грубой семье золотоискателей, людей замкнутых, много раз несправедливо обиженных, замученных тяжелой работой и нуждой.

Все чаще попадались теперь старателям самородки. Золото ссыпали в кожаные мешочки и прятали в избушке Лебедкина. Ключ хранился у инженера на гайтане. Так посоветовал сделать Игнат Неродов. «Для верности. Золото иной раз и хорошего человека в татя оборачивает», — заметил он.

Могилу оронки все же раскопали. Но больше ни одного самородка не нашли на этом месте. Решили опять здесь же похоронить труп старухи. «А то душа ее будет бродить по прииску, страх нагонять на людей», — убежденно говорил Яков.

Петька вскоре подружился с Гошкой. Работал тот хуже Петьки, урок свой, установленный Игнатом, часто не выполнял, и ему попадало от артельщика и инженера. Петька нередко помогал Гошке выдолбить нужную часть грунта. Гошка, задыхаясь от натуги, набрасывал землю в бадю и, посмеиваясь, говорил:

— Отец у меня из «сынков». В него я такой неудачливый.

— Это как понимать — из «сынков»?

— Лет двадцать назад в приамурские станицы пригнали из Забайкалья много штрафных солдат. Их разместили по казачьим семьям и назвали «сынками». Вроде приемыши. Мать мне рассказывала. Ни работник, ни приемный сын такой солдат. Бесцельный он человек, беспутный. Ну и все они неудачливые были. Многие ушли, куда глаза глядят, а некоторые, как мой отец, крестьянствовать пытались, да ничего не вышло. Беднота. Я своего отца и в личность не помню. В тайге замерз, соболя хотел поймать...

У старателей кончались продукты, осталось лишь немного сухарей. Лебедкин сообщил об этом рабочим. Говорил он вяло, чуть насмешливо, словно его, представителя купца, нисколько не трогало такое событие.

— Уходить надо, что ж умирать с голодухи? — слышались недовольные голоса.

Лебедкин посмеивался. Он знал, что эти люди, увидевшие золото, никуда не уйдут отсюда с пустыми руками. Твердо знал. И все знали, что не уйдут. Потому с такой надеждой посматривали на Игната, когда он поднялся с чурбака, на котором сидел, чтобы высказать свое мнение.

— Уходить нам, ребята, с такого места расчёту нету.. Так и толковать об этом нечего попусту. Надо харчи доставать...

А вечером Игнат заметил, что инженер крепко выпивши.

— Где вина достал? — недоумевал Гошка.

Пытались найти у инженера спирт — безуспешно. На другой день Лебедкин уже не выходил из своей избушки. Старатели, увидев в окне его распухшую физиономию, качали головами. Работы по изысканию золотой россыпи приостановились. Посоветовавшись, рабочие решили отправить инженера в Игнашино и просить помощи у купца Середкина.

Не мешкая, Игнат посадил инженера на коня, сам сел на другого и отправился в путь, наказав продолжать пробивать шурфы. За старшего остался умный и властный Одноглазый.

Вернулся Неродов в сопровождении трех китайцев верхами, привез продукты. В числе приехавших был и знакомый старателям Лю Цзияь-кунь. Он сообщил, что остальные китайцы — Ван и Чжу — его родственники.

Игнат неторопливо привязал коней, умылся. Потом уселся с китайцами за стол, установленный под открытым небом, и, вынув из мешка снедь, начал потчевать гостей. И только кончив с трапезой, Игнат собрал у стола всех рабочих артели. Зорко осмотрев присутствующих, он коротко сообщил, что Лебедкина довез и сдал Аринше, дочери купца. Середкин участвовал в какой-то драке и сейчас лежит в целебнице в Благовещенске. Говорят, что очень плох хозяин.

Все молчали, не выразив особого сожаления.

— Вот те и нанялись к купцу. Лучше бы уж свою бутару трясли, — с сердцем произнес Одноглазый.

— А тебе кто запрещает? Тряси, — спокойно заметил Игнат. — Затем и собрал вас, чтобы посоветоваться. Хо-

зьяна у нас сейчас нет, надо самим дело вести. А дело стоящее. Лебедкин хоть и хмелен и вроде рехнувшийся, а правду говорил мне всю дорогу: «Игнат, держись этой россыпи. Игнат, мы с тобой открыли новую Калифорнию, получше Американской. Амурскую Калифорнию мы открыли. Так бы я и прииск назвал — «Амурская Калифорния». Однако таким чистом людей, — Игнат обвел взглядом всех, — мы дело не поднимем. Со мной вот приехали сюда китайцы, будут с нами зологишничать. Нужно, чтобы сюда побольше народу сходилось, тогда возьмем золотишко.

— Гуртом и батька легче бить, — вставил один из плотников, украинец.

— Ты поручи мне, Игнат Иванович, я весь Амур оповещу о Желтуге, — попросил Яков. Его не смутил дружный смех товарищей. — Верно говорю. Одному шепну — и полетит молва, как птица.

— А не вышибут нас с хороших мест? — засомневался кто-то.

— Не вышибут. Мест всем хватит, — уверенно сказал Игнат. — Отныне, значит, ведем прииски и добычу на свой страх и риск. Кредит нам открывает Ипат Ефремов.

— Кулак прижмет нас энтот, — угрюмо заметил Яков.

— Купцы все одинаковы, — хладнокровно ответил Игнат. — Да и самим зевать не следует. А без кредита нам не выдюжить.

— Ни в жизнь, — поддержал мужик-переселенец. — Капитал нужен в любом деле. Если бы теперь у меня был капитал, да я разве подался бы на прииск? Да я бы...

— Помолчи ты! — грубо оборвал его Игнат. И тот умолк, испуганно заморгав слезящимися глазами. — Стало быть, насчет кредита согласны? Хорошо! А все вопросы, касающиеся нашей здесь жизни и работы, будем решать сообща, миром. Так во всех артелях старательских заведено. Кто говорить хочет?

Все молчали. Жадно слушавший Игната Петька вдруг вскочил на ноги и, запинаясь от волнения, сказал:

— Я, дядя Игнат, могу ребят из села привести. Есть хорошие парни. Ей-богу, станут работать по совести.

— А самородки не будут прятать за пазуху? — лукаво осведомился рыжий Илья Ключин и был доволен, что уязвил парня в большое место, видя, как тот скрылся за спинами старателей.

— Пусть едет. Но только фартовых ребят веди, сопляков не надо нам, — великодушно разрешил Игнат.

В тот же день уехали из лагеря Яков и Петька скликать народ в богатую золотом долину реки Желтуги. Оставшиеся дружно взяли в руки кайлы и заступы.

Китайцы начали строить себе жилье, готовясь основательно поселиться на новом прииске. Они оказались людьми общительными, вежливыми и быстро познакомились с обитателями Желтуги. Старатели уже переименовали на свой лад некоторые китайские имена, называли Лю — Лексеєм, Вана — Ваньчой.

— Ты не так, Ваньча, слегу кладешь. По-нашему, забайкальски, вот так надоть. Дай-ка, покажу, паря, — не утерпел забайкалец, наблюдая, как Ван делал каркас фанзы.

А здесь мужик-переселенец допрашивает китайца:

— В Китае есть помещики?

Китаец трясет головой, не может понять. Мужик объясняет. Понял китаец. Лицо его принимает сердитое выражение.

— Еся, — говорит он. — Шибко его плохой.

— Да уж куда хуже, — соглашается мужик. — А пахнут у вас чем? Тоже Сохой Андреевнй, чать?..

Старатели-китайцы как-то сразу стали обоими В этой группе очень разных, но одинаково гонимых нуждой людей.

Сватовство Петьки

Велик и многоводен Амур. Он начинается там, где сливаются воедино мутные воды забайкальской реки Шилки и хрустальные воды Аргуни. Больше двухсот верст бежит Амур, прорезая хребет Большого Хингана. Горы то подходят к самому руслу, то уходят, чтобы уступить место прибрежным лугам. Здесь еще неширок Амур, всего с полверсты. В безветрие слышен разговор людей на другом берегу. И неглубок в верховье Амур. Но дальше, пробежав сотни верст и вобрав в себя Зею, Бурею, Сунгари, Усури, Тунгуску и другие большие и малые реки, Амур становится одной из величайших рек мира.

В шестидесяти верстах от слияния Шилки и Аргуни, на высоком левом амурском берегу, поросшем сосновым

бором, раскинулась станица Игнашино. Сюда, к знакомым берегам, упрямо налегая на весла, гнал лодку Петька Конев. Тревожные мысли бродили в голове Петьки. Как встретит он Улыку? Обрадуется ли она? Что он скажет невесте? На лице парня можно было легко прочесть все его мысли. И их угадал Яков, сидящий на корме с рулевым веслом.

— Уряд икова дочка с ума нейдет? — спросил Яков, скаля желтые зубы.

Петька недовольно мотнул головой и насупился.

— Не сердчай, я так, — миролюбиво сказал Яков. И верно, в его голосе не слышно было обычной издевки, за что недолюбливали Якова старатели. Петька признательно взглянул на Якова.

Лодка, шурша дном о песок, подошла к берегу недалеко от устья речки Игнашиной, несущей по камням свои светлые воды в Амур. Петька и Яков выпрыгнули па отмель, оттолкнули лодку. Так и не сказавший за весь путь ни одного слова китаец-лодочник молча уехал на ту сторону.

Яков и Петька входили в станицу, когда их окликнули. Нескольких девчат, разряженных по-праздничному, стояли у тесовых ворот крайней избы.

— Не на свадьбу ли спешишь, Петьча? — крикнула одна из девок.

— А что, аль опоздал? — отшутился Петька.

— Выходит, опоздал. Через три дня женится на твоей Улке лавочник. Верно слово!

Известие ошеломило Петьку. Он растерянно посмотрел на Якова. Тот отвел глаза.

— Как же, дядя Яков?

— Держись, паря, — неопределенно посоветовал смущенный Яков.

— Встретимся где? — дрожащим голосом произнес Петька.

— Ладно, уж я тебя найду, коль понадобится, — уклончиво ответил Яков. — Ступай домой.

Поздно вечером Яков сидел в тесной избе старого приителя Егора Лапшина, Егор уже много лет промышляет золото по речкам и ручьям Забайкалья и Приамурья. Он, как и многие его земляки, с детства был приучен к золотому делу. Отличался он от односельчан тем, что целиком посвящал себя поискам золота, тогда как другие

видели в старательстве только дополнительный доход. Егор же Лапшин стал профессиональным золотоискателем. Вот Егору первому и решил рассказать Яков о желтугинских богатых россыпях. Хотел удивить Егора, но был удивлен сам. Когда он сказал коротко о поисках золота в долине Желтуги, Егор улыбнулся:

— Эва, хватился, паря! О Желтуге до Благовещенска, говорят, слушок дошел. И читинские золотишники запрос делают: не вранье ли, мол, про желтугинское шальное золото?

Поправив пальцами дрожащий огонек сального каганца, Егор подробно расспросил Якова о том, каков знак золота, сильно ли затопляет шурфы водой, какова толщина торфов и песков.

— Мало окатанное золото, говоришь? Значит, коренная жила близко, — уверенно заметил Егор. — В реке не шупали песок? Зря. В прошлом году я с плота хорошо мыл. Черпаком песок со дна доставал — и в бутару. Хоть и небогатый, но верный заработок.

В сенях что-то гроыхнуло. Егор насторожился. Нагнувшись к Якову, он прошептал:

— Гости у меня летные, с бубенцами. Понял?

Яков кивнул.

— Они как раз на Желтугу пробираются. Одежду надо только достать, еду какую. — И прибавил голос: — Заходи, ребята, не бойсь!

Согнувшись, в низкую дверь вошли двое. Одеты они были в какую-то серую рвань, обуты в берестяные лапти. Егор угощал молчаливых гостей чаем. По резким движениям рук Яков сразу определил, что это беглые каторжники. Совсем недавно они носили кандалы.

Внимательно слушали Яков и Егор печальную историю каторжан. Не впервые им приходилось такое слушать. Но каждый раз жалость к людям сжимала их огрубевшие в жизненной борьбе сердца и кипела злоба на мучителей. Долго в этот вечер горел каганец и причудливые тени людей шевелились на бревенчатых стенах избы и черном потолке. Глухо и, казалось, равнодушно гудел голос каторжника, и перед Яковым и Егором вставали ужасные картины: похожие на могилы сырые и темные рудники, где заживо гниют люди, закованные в цепи, наказание каторжан плетью, когда палачи секут спины до костей и часто экзекуция кончается смертью.

— Царю бы жалобу подать. Узнал бы царь, нагнал страху супостатам, — с тоской сказал Яков.

— Дурак ты, Яшка, — круго оборвал его Егор Лапшин. Он стиснул зубы так, что желваки заиграли под туго натянутой кожей скул. — Карийские золотые рудники-то самому царскому дому принадлежат. Прикидывай, что к чему.

— На царя надежды нет никакой, — согласился каторжник. — Он вроде гнета на возу, а солома — мы, народ...

Второй петух прогорланил за стенкой, когда улеглись вповалку спать на полу в бобыльской хате золотоискателя Егора Лапшина.

Петька не ожидал, что отец встретит его спокойно. Как-никак, убежал он из дому, не спросившись отца. Степан Конев, казак лет пятидесяти, с чуть заметной сединой в бороде и пышной шевелюре, молча открыл сыну дверь. Пряча глаза, Петька вошея в избу, разделся.

— Исть хочешь небось, — проговорил Степан, словно сын пришел с рыбалки или с пашни, а не с «непутевого промысла», как называли казаки старательское дело.

В ответ Петька только судорожно проглотил слюну.

Отец неторопливо накрыл на стол. Ели молча. Но потом понемногу Петька разговорился. Он рассказал все, что знал о Желтуге, о богатых россыпях золота, о старателях. Конечно, умолчал о том, как неудачно утаил самородки. Знал, что батя еще добавил бы ему железным своим кулаком.

Хоть и молчалив и суров был отец, но любил его Петька, привык все говорить ему, не скрывать. И сегодня он хотел попросить отца о большом одолжении, но не знал, как приступить. За этим и ехал сюда, рвался в Игнашино, придумывая правдоподобную причину.

— Тять, просить тебя буду, — собрался наконец с духом Петька. — Хочу сватать дочь урядникову Ульку. Давно мы с ней уговор имеем... Да вот как отец ее... Закидывала она через мать словечко, дыбится он. А тут кривой лавочник, говорят, подбивается. Сходи, отец, посватай Ульку.

Степан с любопытством смотрел на сына. Все был под-росток, и вон, гляди, жениться пора пришла.

— От ворот поворот не получить бы нам, паря, — отозвался Степан. — Урядник-то не нам чета. Он в станичном правлении силу имеет, опять же богат. А у нас с тобой изба пустая да корова. Нет, брось и думать, сынок. Найдешь другую невесту. Да и не так уж хороша та Улька.

— Не говори так, отец, — прервал Петька. — Любость у нас. Ты сам, учил: слово дашь — крепись. А что ж выходит? Отказаться от слова своего?

Сумел убедить Петька отца. Заранее предчувствуя неудачу, Степан все ж приоделся в казачий потертый мундир, прицепил шашку и, взяв сына, пошел сватать Ульку.

Урядник Криворучко неприветливо встретил гостей. Только старые традиции гостеприимства удержали его, чтобы не захлопнуть дубовую дверь своей пятистенной избы перед носом непрошенных, нежеланных посетителей. Смушаясь под пристальным, суровым взглядом хозяина, Степан доложил о причине визита. Широкое лицо урядника со шрамом на лбу — медведь оставил отметину — медленно наливалось кровью. Только шрам оставался белым.

— Смеяться надо мной пришли, голь перекатная! — в бешенстве прохрипел урядник, оправляя душивший воротник мундира.

— Я такой же казак, как ты, Криворучко, — с достоинством отвечал Степан.

— Не такой! Не ровня ты мне. Голодранец ты, и весь твой род голодранный, беспортошный. «Такой, такой», — передразнил урядник. — А ну, марш отселева! Неча воздух в избе портить.

Петька не стерпел. Подскочил к уряднику, дрожа от негодования:

— Продать хочешь дочь лавочнику кривому, подороже продать!

— Молчать! — заорал Криворучко, наступая на парня. Степан молча стоял у дверей.

Из боковой горницы выскочила Улька, бросилась в ноги отцу.

— Батя, люблю я Петра. Отдай за него, — плакала Улька.

На мгновение урядник опешил, потом опомнился, взял сильной рукой дочь и швырнул ее на руки подоспевшей матери.

— Вон из моего дома! — закричал урядник. — Сва-
ты нашлись! Я вас, сукиных детей, проучу ужо, погодите.

Пристыженные возвращались отец с сыном домой. А в станице уже каким-то чудом знали о их неудачном сватовстве. Девки, стайками стоявшие на улице, прыскали в рукав и оживленно перешептывались, когда Коневы проходили мимо.

— Свадьба-то скоро, Петьча? — спросила разбитная бабенка Степанида, соседка Коневых. — Может, погулять пригласишь?

Лучше в таких случаях промолчать, сделать вид, что не трогает тебя злая шутка. Скорей отстанут.

...Ночь. Луна висит над сопкой, освещает притихшую станицу, серебрит реку. Рано ложатся спать в Игнашино. Лишь изредка брехнет пес, нарушая тишину. Плачет Улья, уронив голову на плечо Петра. В густых зарослях хмеля за баней спрятались они, чтобы поговорить. С большим трудом удалось Петьке вызвать Улю на свидание. Крепко сторожит урядник дочь.

— Я с тобой на прииск убегу, — шепчет девушка, глотая слезы.

— Нельзя тебе. Не велено приводить туда женщин, — уныло отвечает Петька.

— Что ж делать-то?

— Сам не придумаю.

Расстались в тоске...

На другой день Петька отыскал Якова в избе Егора Лапшина. Пришел сказать, что задержится, не пойдет сегодня на Желтугу, как на днях уговорились.

— Это почему? — спросил Яков, подозрительно глядясь в расстроенное лицо парня.

Петька поведал о своем неудачном сватовстве и добавил, как можно спокойнее:

— Порешил убить лавочника.

— Тут дело серьезное, а он баловством занимается, — сердито сказал Яков, не зная, что делать с Петькой.

Молча слушавший их разговор Егор наклонился к уху Якова и что-то пошептал ему. Белесые бровки Якова поползли вверх. Не сдержавшись, он прыснул и махнул рукой. Петька, приняв секретный шепот на свой счет, обиделся и хотел было выйти, но Егор задержал его:

— Стой, паря. Больно ты горяч. Как конь застоялый, так и рвешься на волю. Отказал, значит, Криворучко?

— Наотрез. Плетью грозил.

— Ишь, чертов боров! Но придет Время, уломать его еще можно. А сейчас надо лавочника отпугнуть. Пошли-ка со мной.

Лавочника застали дома. Он только что приехал из Благовещенска со свадебными подарками невесте, тестю, родне. Счастливый жених урядниковой дочки сидел за столом и хлебал жирные щи. Изрытое оспой лицо его обрюзгло и красно, он часто утирается полотенцем, тяжело отдувается.

— Чего пожаловали? — нахмурился лавочник. Не любил и побаивался он золотоискателя Егора Лапшина, никогда не ломавшего перед ним шапки.

— Не больно ласково встречаешь, — насмешливо проговорил Егор, без приглашения садясь у стола на лавку.

Петька остался стоять у дверей. Ненависть к хозяину дома горела в его глазах, не умеющих скрывать и лгать.

— Заслужи ласку-то. К варнакам у меня особого расположения нету, — пробурчал лавочник, положив на стол крашеную деревянную ложку.

— Постараюсь. А сейчас у меня к тебе деловой разговор будет. Слушай внимательно, — глаза у Егора стали колючие, как шилья. — Ты про дочь урядникову, Ульяку, забудь, от женитьбы на ней сегодня же откажись. Иначе тебя поджечь могут, да и самого пристукнуть. Ведь едешь же за товарами. Места-то наши пустынные...

Задрожал лавочник — пуглив был, трусоват. Знал об этом Егор и пугал наверняка.

— Я в полицию пожалуюсь, атаману станичному!

— Никто тебе не поверит, чтобы Егор ввязался в такое дело из-за девки. Высмеют тебя. А слово сдержу свое.

— Не сдержишь, Егор, пугаешь ты меня! — тонко взвизгнул лавочник, подсакивая на лавке.

— Как сказал — исполнится. Перед святой иконой говорю, — Егор широко перекрестился.

Оставили лавочника в страшном смятении.

А вечером прибежала Ульяка в условленное место за баньку. Радостная, ног под собой не чувствует.

— Наотрез отказался кривой со мной венчаться, — задыхалась от счастья Ульяка. — Отец рассердился, выгнал кривого. Кобеля на него спустил. Весь пинжак ему пес распорол.

В тот вечер долго говорили Петька и Улька о будущем своем счастье. И клялись в верности друг другу. Петька обещал намыть много золота, чтобы богатством завоевать расположение упрямого урядника...

Новости о богатых россыпях, рассказанные Петькой друзьям, быстро стали достоянием молодежи Игнашино и других соседних сел. Парни сбивались в артели и, не мешкая, уходили на Желтугу. Фарт не любит людей ленивых и медлительных.

Якову пришлось отказаться от роли популяризатора желтугинских богатств, поскольку слух о них пошел по Амуру, Шилке, Аргуни, Зее. Пора было возвращаться на Желтугу. На берегу долго ожидали перевоза. Яков молча курил, поплеывая в воду, а Петька смотрел на станицу, на дом урядника.

По тропе, ведущей к прииску, Яков и Петька определили, что много людей и коней прошло по этим местам за их отсутствие. Недалеко от Желтуги они нашали караван из пяти тяжело навьюченных монгольских лошадок. Погонщик крикнул старателям:

— Прииск скоро, ребята?

— За сопочкой будет. — Яков окинул его взглядом. — А тебе для чего прииск?

Возчик хохотнул:

— Не мне прииск, а я нужен прииску, вернее приискателям. Товары везу им, купец я, паря.

«Ишь, амбарники. Чуют наживу, — с одобрением подумал Яков о купцах. — Значит, расти прииску».

Всего несколько дней отсутствовали Петька и Яков, но сильно изменился вид долины. Появилось множество палаток. На склонах увалов и в низине темнели евежевыкопанные ямы шурфов. В ряд с тремя хижинами Игнатовой артели стояло четыре—пять свежих срубов новых зимовьев. Много китайцев пришло сюда.

Игнат встретил посланцев радушно.

— Слышал о всех ваших делах, — усмехнулся он в бороду. — А народишку подвалило славно. И купец пошел к нам. Казаки даже везут провиант, инструмент. Знают, шельмы, где пожива! Артель наша, Яков, уже не должна Середкину, полностью с ним разочлись. Есть тут золото, Яков. Ну, отдыхайте и по ямам! Дело не ждет!

„Где река Желтуга?“

В ставню постучали. Этот стук хорошо знаком Степану Коневу. Посыльный станичного начальника седоборый Варфоломей собирал жителей Игнашино на сход. Это он так стучит ореховым батожком — требовательно, торопливо, покрикивая:

— Хозяин, на круг, казаки ждут!

Собирался сход обычно на поляне у винного склада Голдобинной. Когда Степан подошел, здесь было уже порядочно народу. Бородатые дюжие казаки в фуражках с желтыми околышами и в штанах с такого же цвета галунами, но без мундиров, сидели на бревнах и вели неторопливую беседу, скупно бросая слова. Слабый ветерок относил в сторону махорочный дым. Мальчишки, тоже почти все в форменных казачьих шапках, стрижами носились меж взрослыми.

Все дружно встали, побросали недокуренные cigарки, когда урядник Криворучко подошел к столу, установленному на площади. Он был одет в мундир, при сабле, всем видом своим выражая власть над собравшимися людьми. Урядник внимательно осмотрел собравшихся зоркими монгольскими глазами, словно отыскивая кого-то, и, взмахнув рукой, произнес:

— Казаки! Как вам известно, на той, на китайской стороне, старатели нашли золото и начали его разрабатывать. Незаконное дело, казаки. Не наша земля, и соваться туда не надобно.

— Китайцы у нас все годы золотничают, — крикнул кто-то.

— И то верно! — поддержали его.

Урядник не слушал возражений. Он рубил воздух рукой и продолжал:

— Пусть бы старатели безродные, беглые каторжные шли на Желтугу. Сыны ваши, казаки, идут туда. Подумайте, станичники. Арестуют ваших сынов в Китае, никто их выручать не станет. Вернуть надо немедля всех парней с Желтуги, других не пускать и старателям чинить всякие препятствия.

Один из старых казаков подошел к Коневу, вытянул сморщенную жилистую шею и, указав на Степана костлявым пальцем, прокрипел:

— Вот он, виновник, Степан. Своего сына пустил к китайцу, а тот прочих сманил.

Люди заволновались. Степан почувствовал на себе злобные взгляды.

— Не посылал я сына, казаки. Сам убег со старателями. Если уж винить кого, так Середкина: он Петьку нанял, сговорил, — громко сказал Степан.

Может быть, весь этот разговор принял бы неприятный оборот для Степана Конева, но внимание схода привлек один из богатеев станицы — Ипат Ефремов. Прищурился хитрые глаза, он резко высказался против урядника.

— Я согласен, что молодежь, сынов наших, надо немедля отозвать с приисков. Негоже казакам, хранителям границы, дурной пример показывать. Но не согласен я, станичники, с господином урядником, когда он говорит, что надобно старателям чинить всякие препятствия. Этими днями бывал я, казаки, в Покровском и в Амазаре. Там тоже порешили казаков и парней на Желтугу не пускать, а торговле со старателями не мешать. От этой торговли большая выгода всем должна быть. Надо и нам торговле не чинить препон. Законы и наши и китайские торговлю разрешают.

Так и постановил сход, как предложил Ипат Ефремов, краснобай, оборотистый купец и золотопромышленник, которого по окончании контракта ежегодно зло кляли обманутые им старатели.

Жители Игнашино, уже не таясь, стали перевозить на тот берег муку и сухари, бочки с квасом, мясо, инвентарь и лошадей. Все это по высоким ценам сбывалось старателям Желтугинских приисков. Казани привозили домой золотой песок, туго завязанный в уголки платков. Парней же постепенно возвращали в станицы.

Сын Степана не появлялся домой. Урядник дважды предупреждал Конева, что тот должен вернуть парня. Однажды Степан забил досками окна и дверь своей убогой хаты, отвел единственную коровенку сестре на двор, попросив ее присмотреть за животинкой, и направился с мешком за плечами к берегу Амура. Жену давно схоронил Степан и теперь, без Петьки, совсем стал бобылем.

Стоял жаркий июльский день. Амур — как зеркало, ни малейшего ветерка. Нудно жужжат слепни и комары. Прикидывая, с кем бы перебраться на правый берег, Степан увидел двоих людей, тянувших бечевой груженный доща-

ник. Ноги их утопали в песке, человек, шедший впереди, шатался от усталости и тяжело дышал. Поравнявшись со Степаном, первый снял форменный чиновничий картуз, утер обильный пот с полысевшего лба и спросил дрогнувшим от усталости голосом:

— Скажи, сударь, где река Желтуга?

— На что тебе она? — угрюмо отозвался Степан.

— Как, вы разве не знаете? — встрепенулся владелец лодки. — Ведь там богатые золотые россыпи, Калифорния!

— Тебе-то они на что? — упрямо повторил Степан.

— Как на что? Мы будем добывать золото. Мне сын поможет. Это мой сын, Иван, студент университета. — Тщедушный молодой человек с нарочитой вежливостью раскланялся, — И дочь Маша со мной едет. Спит она, уморилась, — голос лысого стал ласковым. — Машенька, выходи подразмяться, к станции приехали, — крикнул он.

Брезентовый полог лодки приоткрылся, оттуда выглянула девушка лет восемнадцати, довольно миловидная, и опять скрылась.

— Риск — благородное дело, — тараторил чиновник. — Я сказал детям: фамилия Новиковых всегда шла навстречу опасностям и выигрывала...

«Ну, ты, пожалуй, ничего не выиграешь со своими птенцами», — подумал Степан. Болтовня старика начала угнетать его.

— Евгений Петрович, вылезайте, — крикнул старик, обращаясь к лодке. — Ничего опасного.

На носу лодки лежал человек, укутанный серым солдатским одеялом. Его сразу не заметил Степан. Человек откинул одеяло, потянулся с хрустом и встал. Это был могучего телосложения мужчина лет тридцати, с небольшой каштановой бородкой. Длинное лицо, голубые глаза с нависшими надбровными дугами, широкий лоб, увенчанный рано начинающейся лысиной. Он внимательно осмотрел село на берегу, Степана, присевшего на корму лодки и сказал насмешливо чиновнику:

— Вы слишком доверчивы, милостивый государь. — И к Степану: — Это что за село, милейший?

— Станица Игнашино, — нехотя ответил Степан.

— Славно. Следовательно, мы почти прибыли к цели. — Евгений Петрович прошел по колыхающейся лод-

ке к корме, откинул полог и сказал: — Маша, вылезайте, вот вам моя рука.

Евгений Петрович и Маша прыгнули на песок. Молчаливый студент уже разводил костер, пристраивая над огнем почерневший от копоти медный чайник.

Старый чиновник, очевидно очень словоохотливый, продолжал посвящать Степана в подробности своего путешествия. И несколько раз повторил, довольно хихикая:

— Евгений Петрович Розов — врач. Великое дело! Забой в дороге — он тебя вылечит. Он хороший врач!..

Чиновник со своей семьей ехал на лодке на буксире за пароходом. У станицы Орловки машина парохода сломалась. Старик решил двигаться дальше на веслах. На берегу к нему подошел Розов, один из пассажиров парохода, и попросил взять его с собой. Он, Розов, тоже пробирался на Желтугу. По пути Розов рассказал чиновнику и его детям о себе. Учился в Петербурге, имел уже практику. В 1881 году, после убийства Александра II, был заподозрен в причастии к народовольцам и сослан на поселение в Приамурье.

— А вот девку-то ты зря везешь с собой, — заметил Степан, когда чиновник ненадолго умолк. — Слышал я, не дозволяется там женскому полу проживать.

Старик заохал, засуетился, но все же решил оставить Машу в Игнашино. Здесь же сгрузили Новиковы часть поклажи.

Чиновник охотно согласился взять Степана на дощаник. Степан и Розов сели за весла, и лодка, подгоняемая сильными гребцами, быстро заскользила по сверкающей глади реки...

Зеленые горы высятся по обе стороны. На небольших прибрежных низинах то и дело попадаются куртины оранжевых саранок, как будто нарочно высеянных заботливым садоводом.

В молчании проехали несколько верст. На правом берегу показалось незаметное издалика ущелье. У берега две убогие глиняные фанзы.

— Подгребай к фанзам, — скомандовал Степан. — Здесь речка Албазиха в Амур впадает. А выше, верстах в двадцати, в Албазиху впадает Желтуга...

Дальше пошли пешком. Навьючив на плечи тяжелые

мешки, отец и сын Новиковы брели по таежной тропе за бодро шагавшими Степаном и Розовым. Но даже изнурительная ходьба не умерила говорливости старика. На коротких привалах Новиков все рассказывал о золотой лихорадке, охватившей жителей Благовещенска. Стоило двум—трем «удачникам» побывать здесь и рассказать о золоте Желтуги, как масса служилого люда, ремесленники побросали свои дела и мастерские и уехали или готовятся уехать на новые прииски.

— Всё продают до нитки и — в путь! Ну, и я, глядя на всех, лавку табачную побоку, кое-что из домашних вещей продал — и на Желтугу. И. заметьте, господа, я многих опередил, — старик довольно хихикнул. — Как вы думаете, будет мне фарт?

Никто не ответил чиновнику. Да он и не требовал ответа. Он говорил сам с собой, размышляя вслух.

Сделали привал. Розов лежал на спине и смотрел в бездонное синее небо. Он думал о том, как в это время сотни коренных золотоискателей и прочего люда спешат к берегам чудесной реки Желтуги. Едут на лодках по быстрой Шилке и Зее, по Бурее и Ниману, идут по широкому Амуру бечевою, плывут пароходом, шагают пешком, преодолевая горные кручи, вымеривая усталыми ногами бесконечные версты по тучной земле зейской равнины. И каждый, как вот этот старикан, надеется твердо, что его ожидает фарт.

Розов так ясно представил себе этих людей — старых и молодых, уверенных в успехе и сломленных судьбой, лишь по привычкедвигающихся к золоту, что ему даже послышались их грубые простуженные голоса. Они спрашивали, как этот старик Новиков: «Где река Желтуга?»

Вон она — шумит неумолчно с правой стороны. Совсем недавно прошли по сочной траве долины первые старатели, промятая тропу. А сейчас здесь, хотя и плохая, но колесная дорога: видать, добыча нешуточная — купец зря в тайгу не пойдет.

...Степан разыскал Петьку в зимовье у Игната. Петька покраснел от смущения. Неловко поздоровался с отцом, косясь на Игната. Тот спокойно продолжал ремонтировать сапог, надетый на «лапу».

— За мной пришел, батя? — нахмурился Петька.

Степан молчал. Сбросил заплечный мешок на нары,

постоял посреди избы и, поклонившись, удивил Петьку неожиданной просьбой:

— Игнат, возьми меня в артель. С сыном буду.

Игнат не повел и бровью, бросил только:

— Ладно. Спать с Петькой будешь.

Помявшись, Степан сказал:

— Не один я к тебе, Игнат. Еще тут трое, вроде баре.

— Пусть зайдут.

Спутники Степана вошли в зимовье. Розову пришлось сильно пригнуться, чтобы не зашибиться о притолоку.

— Зачем пожаловали? — неласково осведомился Игнат, не поднимаясь с нар.

— Много наслышались о золоте... — начал было заискивающим тоном чиновник.

Розов сделал ему знак молчать и стал объяснять сам:

— Пришли добывать золото. Разрешите составить компанию?

Розов, видимо, сразу понравился Игнату. Он отодвинул какое-то тряпье с нар и пригласил вошедших сесть.

— Добывайте, — сказал Игнат. — Прииски наши вольные. Но как с такими руками рыть золото? Несподручно будет. — Игнат выразительно посмотрел на белые руки Розова.

— У нас ведь каждый сам работает. Тут на чужом хребту в рай не уедешь, — съязвил Гошка, незаметно появившийся в зимовье.

— Справимся, — усмехнулся Розов, бегло взглянув на Гошку.

— А господин чиновник? — не унимался Гошка. — Лакеев-то здесь нету, дураков то исть.

— И мы с сыном выдюжим. Не гляди, что на вид не тово... Мы с ним...

Иван, сморщившись, резко дернул отца за рукав. Старик сконфузился и умолк.

Игнат велел Петьке проводить чиновника с сыном и Розова к китайцу Лю.

— Он их у себя в фанзе пока пристроит. А там свое зимовье построят или купят.

Идя по поселку, Розов с любопытством присматривался к его обитателям. Тут жили русские, китайцы, ко-

рейцы. Лю и его земляки встретили гостей доброжелательно и радушно. Помогли умыться, накормили, уступили место на канах. Над дверью фанзы на дощечке чернел таинственный иероглиф. Розов спросил Лю, что он означает.

— По-нашему, «фу» — счастье, — улыбаясь, ответил Лю.

На другой день было воскресенье. Петька знакомил отца с приисками и поселком. Более трех десятков изб с плоскими дерновыми крышами уже образовали ровную и широкую улицу, в конце которой стоял кабак с зеленой пихтовой веткой над крылечком.

— Улицу золотишники назвали Мильонной, — объяснял Петька. — Есть тут выдумщики у нас. Так и зовут теперь — Мильонная. А вот площадь у кабака, «Орлинное поле» дали имя. Потому у кабака старатели всегда в орлянку играют.

— Скоро все у вас делается, — усмехнулся Степан...

Незавидное жильё зимовье. Это обыкновенный сруб из бревен, с маленькими окошками и дверью, закопаченной в пазах мхом. На бревна, заменяющие потолок, насыпан толстый слой земли. Пол земляной. В некоторых избах, как вот и у Игната, пол из бревен, слегка отесанных с верхней стороны и кое-как уложенных. Отапливаются зимовья русскими глинобитными печами. Большую часть помещения занимают нары!

Узнал Степан от сына, что Игнат Неродов стал на прииске старшиной, все его слушаются, что есть еще три младших старшины и артельщики, что скоро все участки золотоносные застолбят, что многие артели «страсть сколько фартовых мест позахватывали!»

— Ты что-то хмурый стал, — прервал свой рассказ Петька, заботливо глядя в глаза отцу. — Не заболел? Нет? Ну что ж, будем добывать золото?

— Будем, сын, — бодро согласился Степан. — Авось и нам пофартит!

Сердцем он почувал, что сын еще о чем-то хочет спросить. Догадался. Потрепал Петьку по плечу. Потом порылся в карманах шаровар, вынул расшитый шелком кисет и протянул сыну.

— Совсем забыл! Улька наказывала передать в собственные руки.

Петька схватил драгоценный подарок...

Негоцианты

Сентябрь стоял теплый и солнечный — бабье лето. Настоящая дальневосточная золотая осень. Бездонное голубое небо, чистый воздух, сдобренный пряными запахами полей, окружающих Благовещенск. Ветром продувает широкие улицы города, застроенные в основном деревянными одноэтажными домами. На все это жадно смотрит Пимен Григорьевич Середкин.

Побледневший после долгого пребывания в частной лечебнице, Середкин впервые вышел на улицу. Он полной грудью вдыхал свежий воздух, по-детски радовался голубому небу, оранжевым листьям, медленно опадавшим с клена. Встречные люди казались ему приятными и добрыми. Обычно тихие улицы Благовещенска сегодня были многолюдны. Бойко торговали лавки, шум вырывался из открываемых дверей ресторанов и трактиров. На заборах красовались огромные афиши, зазывая зрителей на представления приезжего цирка. Знакомое Середкину оживление амурской столицы. В осенние дни сюда съезжались со всех приисков Приамурья тысячи старателей, значительно увеличивающих население города. Владельцы и управители золотопромышленных компаний приисков Верхне-Зейских, Ниманских, Бутинских, Мало-Хинганских и десятков других жили в Благовещенске. К ним и являлись сюда за расчетом золотоискатели. Большинство их нанималось снова, получая задатки. Это была буйная и непокорная вольница. Трактиры, кабачки, игорные дома, подозрительные притоны переполнялись бесшабашными гуляками, растрачивающими деньги, заработанные тяжким трудом. По вечерам люди опасались выходить в одиночку на неосвещенные улицы.

Немного прошел Середкин — взяла одышка. Пришлось нанять извозчика. Через несколько минут дрожки остановились около богатого особняка, выстроенного из красного необлицованного кирпича. Бросив извозчику двугривенный, Середкин поднялся на высокое крыльцо. Он несколько помедлил, прежде чем дернуть ручку звонка. Хозяин особняка торговец хлебом Никифор Буянов когда-то был компаньоном Середкина по добыче золота. Но давно пошел в гору Буянов, а Середкин так

прозябает в станичном амбаре. Как-то его встретят в ном доме?

Дверь открыл лакей с огромными бакенбардами, со гротим лицом. «Ишь, словно губернатор», — подумал Про лакея Середкин и спросил заискивающе:

- Никифор Петрович дома изволит быть?

— Как доложить? — осведомился лакей.

— Середкин, мол, купец игнашинский.

Пимена Григорьевича заставили довольно долго сидеть в приемной. Наконец дверь открылась, и навстречу Середкину вышел сам Буянов. Он постарался выразить па лице радость по поводу встречи и пророкотал басом:

— С благополучным выздоровлением тебя, дорогой. Проходи в гостиную. Чем изволишь приказать угостить тебя? И сильно, видать, ранили тебя жулики? Наслышан...

— Какие жулики? — нервно дернул плечами Середкин.

— Мне говорили...

— Врут! Никто на меня не нападал. Я со скалы упал, расшибся. Жилу с приказчиком Федором рассматривали на Крутой сопке.

Буянов скрыл недоверчивую ухмылку в бороде, аккуратно подстриженной и выкрашенной хной. Он усадил гостя, пододвинул ящик с сигарами. Середкин жадно глядел на все эти признаки барства, не переставая удивляться, как это из сермяжного купца Никифор превратился в такого барина. «Вот что делают с человеком деньги», — с завистью думал Середкин, раскуривая непривычную сигару. Ему не терпелось узнать, чем живет золотопромышленник, что изменилось за время вынужденной его бездеятельности. Буянов мог его проинформировать. Он хотя и считался специалистом по хлебной части, однако зорко следил за развитием золотодобычи и не раз удачно ссужал деньги различным золотопромышленным компаниям. Да захочет ли говорить Буянов?

— Чем, говоришь, живет мир? — неторопливо начал хозяин. — Во-первых, сейчас, сударь, у всех на языке Амурская Калифорния. С ума все походили.

— Это что за Калифорния?—насторожился Середкин.

— Открыли богатейшие россыпи на правом берегу Амура, в долине реки Желтуги. Сначала я думал —

врут. Нет, оказалось — правда. Оттуда уже немало народу с золотом пришло в Благовещенск. Люди как посмотрят на такое богатство, так и бегут на Желтугу. Да что с тобой, братец? — удивился Буянов, видя, как побавровело лицо гостя и надулись жилы на крепкой воловьей шее.

— Грабят, Никифор, грабят, тати! — удушливо прохрипел Середкин.

Буянов недоумевал.

— Меня грабят, — рычал Середкин. — Мои ведь россыпи желтугинские. На свои кровные розыски там вел...

И Середкин подробно рассказал об открытии золота в долине Желтуги. Он перемежал свою речь проклятиями в адрес Игната, Лебедкина, приказчика Федьки, спрашивал у Буянова совета, как ему теперь быть.

— Крест ставь на свои права в Желтуге, — безжалостно сказал Буянов. — Там теперь тысячи людей, попробуй заяви о своих правах. Потом не забывай, места-то не наши и законы там российские не действительны. Да там, говорят, и китайские законы не действительны. Что-то вроде Запорожской Сечи. Одним словом, вольные прииски.

Хотя здравый смысл подсказывал, что права на прииски им потеряны, Середкин не мог с этим примириться. Он твердо решил ехать на Желтугу. «Припугну ребят, может уступят участок», — размышлял купец.

Ему уже не терпелось уйти от гостеприимного хозяина, явно хваставшего перед старым приятелем своим богатством. Но уйти так-то нельзя, обидится Буянов. И Середкин рассеянно тянул нить нудного разговора «для прилику».

Задребезжал звонок в передней. Лакей ввел в гостиную толстого коротконого человека в черном сюртуке и клетчатых панталонах со штрипками. Плюхнувшись в кресло, коротконогий запричитал тонким бабьим голоском:

— Без ножа режут, разбойники! Нигде управы не найду. Генерал-губернатору писал. В полиции был. Все сочувствуют, обещают, а на что мне обещания? У меня деньги буквально уплывают из рук ежедневно!

Толстяк — золотопромышленник, владелец приисков на Нимане Попов — причитал не зря. Неделю назад он

выдал двумстам старателям по двадцать рублей задатку. Почти все они, за исключением пяти больших стариков, прогуляв задаток, подались на Желтугу. Было над чем задуматься не одному Попову, и другие золотопромышленники оказались без рабочей силы.

Середкин со злорадством слушал причитания толстяка, чувствуя в душе некоторое облегчение. «Не одного меня!»

Вскоре еще раз прозвенел звонок в передней особняка Буянова. Лакей громко произнес:

— Господин Келлер, представитель гамбургской торговой фирмы Диксон и компания.

— О! Я вижу здесь собралось много негодяев! — широко улыбаясь, говорил Келлер, атлетического сложения высокий мужчина в смокинге, в бархатных штанах и желтых гетрах. — Люблю деловой люди, деловой разговоры.

Акцент выдавал немецкое происхождение визитера. Келлер удобно развалился в кресле и непринужденно болтал, скаля крепкие лошадиные зубы. Буянов отлично знал, что зря не будет навешать его представитель фирмы Диксон и К°. Он ожидал, когда гость начнет высказывать причину визита. И вот Келлер стал осторожно выпытывать сведения о ценах на пшеницу, о фарватере Амура в верховье. Он хотел знать, как относятся купцы и золотопромышленники к Желтугинским приискам. Пожалуй, из-за этого и пришел Келлер к Буянову.

— Говорят — Калифорния. А не миф эта Желтуга? — спрашивал Келлер, зорко следя за выражением лиц собеседников. И по улыбкам, по недоумевающим взглядам, по репликам он почти угадывал истинные мысли хитрых пройдох, старавшихся перехитрить его, Келлера, коммерческие способности которого высоко ценит фирма.

— Желтугинские прииски? Выдумка старателей!

И Келлер делал вывод: «Значит, действительно богатые россыпи».

— Ходят ли пароходы до Игнашино? Навряд ли. Перекаты часты, особенно в нынешнем году.

И снова Келлер отмечал про себя: «Пароходы пройдут до Игнашино».

— Стоит ли вести торговлю на Желтуге? Мое мнение — невыгодное предприятие.

Келлер: «Торговать! И немедленно. Будет большой, как говорят русские, барыш».

После ухода немца купцы долго сидели молча. Хозяин с чувством превосходства посматривал на Попова и Середкина. Ему-то везло чертовски. Желтугинские старатели уже едят его, буяновский, хлеб, щедро оплачивая золотом. И с каждым днем все больше будет желтугинского золотого песка в сейфе Буянова. Без хлеба не живет человек!

Келлер — опасный противник и конкурент. Как ни сдержан Буянов, он всегда начинал сердиться, вспомнив об иностранных торговцах в Приморье и Приамурье.

— Вот кто истинные грабители русского предпринимателя! — высказывался Никифор, неслышно шагая по мягкому ковру перед собеседниками. — Из года в год все больше пшеницы завозят к нам из Маньчжурии. Все рынки забили дешевым зерном. Понятно, что мужик в Приамурье перестает сеять хлеб, разоряется...

— Называется это порто-франко. То есть нас, купца русского, это «порто» без порток оставит, — хихикнул Попов.

Промышленники правы были, когда говорили о хлебобородах Приамурья, хотя их беспокоила лишь угроза собственному обогащению. Действительно, в восьмидесятые годы на Дальнем Востоке беспощинно торговали самыми различными товарами американские, английские, немецкие, японские фирмы. Иностранные фирмы завозили в край дешевую маньчжурскую пшеницу. Иностранные капиталисты вместе с русскими «коллегами» беспощадно грабили дальневосточную окраину России, задерживая ее экономическое и культурное развитие.

Середкин не знал точно, что он будет делать, попав в долину Желтуги, но чутье опытного хищника подсказывало ему: надо ехать туда, где золото; там можно нажиться. План действий он выработает на месте. Купец догадывался, что Буянов уже приложил руку к новым приискам. Он-то хорошо изучил натуру Никифора. Не любит тот, как Середкин, сам рыться в россыпях, собственной рукой опечатывать бутару, чтоб работники не крали золото. Его дело торговля, тайная скупка золота, ростовщичество. Умеет жить Никифор! Каждый раз, когда Середкин отмечает его купеческие качества, зависть терзает сердце Пимена Григорьевича, считающего

себя неудачником. «Вести дела — как рыбу ловить: терпение надо иметь. Ты ж, Середкин, как увидишь — поплавок дрогнул, так тянешь леску. Ан рыбы нет». Так говаривал Буянов в минуты откровенности. Прав, чертов сын! Вот и в последний раз подвела торопливость".. Да что вспоминать!

...Если уметь слушать, то самую достоверную информацию о приисках можно получить из уст старателей. Только отсевай факты, явно придуманные для прикрасы, Середкин хочет побольше узнать о Желтуге. Поужинав, он продолжает терпеливо сидеть в зале маленькой ресторации «Бугара». Много разного люда облепило грязные, заставленные посудой столики. И здесь, как и в богатом особняке, говорили о новом месторождении золота. Дверь ежеминутно хлопала, впуская новых посетителей. Вот в ресторацию вошел рыжий парень с крючковатым, как у ястреба, носом. Парень щеголевато одет, на руку небрежно брошена синяя поддевка. Очень знакомо лицо парня.

— Илья! Ключин! Иди-ка сюда! — заорал Середкин, махая рукой парню.

Тот медленно подошел к столу.

— Садись, — пригласил Середкин. Лицо его расплылось в улыбке.

Илья сел. Снял картуз и погладил непокорные свои красные кудри.

— Давно оттуда? — спросил Середкин.

— С неделю, — недружелюбно ответил Ключин.

— Не привирают про Желтугу?

— Нет, купец, есть золотишко. Пошупай сукно. — Середкин помял пальцами рукав поддевки. — Аглицкое. В магазине за пятьдесят целковых купил. Смекаешь? А ведь у меня не одна поддевка..

— Мой участок, как думаешь, отдаст артель? Ведь долина большая, а почин с меня, с моей догадки начался.

Ключин пристально посмотрел в глаза купца. Тяжелый это был взгляд. Мурашки побежали по спине Середкина. Но виду не подал, не дрогнул, — кремь человек купец Середкин, волк таежный.

— Наведайся туда, сам узнаешь, а мне недосуг. Я твои дела вести не подряжался. — Илья стукнул тяжелым кулаком по столу и гаркнул: — Эй, ребята, желтугинец гуляет! Подходи, всех угощаю за свой кошт! Оставайся, Середкин, задаток твой тебе вернуть могу.

— Бог с ним, с задатком. — пробормотал купец. — В другой раз поговорим, а сейчас домой мне надобно.

А Ключина окружила толпа незнакомых людей. Илья швырял деньгами и пил со всеми, кто лез к нему со стаканом...

Через день Середкин с туго набитым дорожным саквояжем сидел на пристани в ожидании посадки на пароход. Сотни грузчиков, русских и китайцев, подбадривая друг друга окриками, рысцой бегали по сходням, таща на баржи мешки с мукой, бочки с копченой и соленой рыбой, какие-то ящики. Артелями грузили тяжелые листы железа, части машин, бревна и доски. Сколько добра уложено в штабеля, упрятано в приземистые сараи складов, привезено в ожидающих разгрузки пузатых баржах! Досада берет Середкина: «Не мое!»

На пароходе Середкин узнал, что большинство набившегося на палубу рабочего люда едет тоже на Желтугинские прииски.

Пароход, хлопая по воде плицами огромного колеса, установленного на корме, медленно двигался по реке, преодолевая довольно сильное течение. Путешествие обещало быть долгим. Пользуясь тихой и ясной погодой, пассажиры первого класса целыми днями сидели на верхней палубе под полосатым тентом. Середкин быстро познакомился с обитателями первого класса, узнав о каждом всю подноготную. Часто к беседующим на палубе подсаживался помощник капитана, красивый мужчина лет двадцати пяти. Звали его Василий Рублев. Он был весел и словоохотлив. Его белое юношеское лицо, светлые глаза выражали непосредственность неиспорченной природы. О многих вещах он судил довольно смело и откровенно. Среди пассажиров был мешанин Марковский, как отрекомендовался сухопарый сизоносый мужчина с рыжими усами. Марковский очень неопределенно высказался о цели своей поездки в верховья Амура. Но и без того все догадались, что он направляется на Желтугу. Туда же ехали и персидский подданный и забайкальский культурный деятель, как называл себя господин в кителе, в клетчатом жилете и канареечного цвета узких брюках. Играя брелоком, он небрежно говорил:

— Намереваюсь изучить отношения русских и китайцев на нашей границе. Занимает меня также проблема ассимиляции маньчжур. -

Приходил под тент и старый капитан, которого матросы в шутку звали амурским крокодилем. Как и все старики, капитан любил потчевать пассажиров бесконечными воспоминаниями. Еще юнгой пришлось ему плавать на первых пароходах по Амуру, построенных тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году шилкинским заводом.

— «Аргунь» и «Шилка» звались эти посудины, — рассказывал капитан. — «Аргунь» несколько лет плавала в низовьях. А вот «Шилку» вскоре переделали на баржу, тихий ход имела. Но в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году на рейде амурском появились еще два русских парохода — «Амур» и «Лена». Скажу вам, господа, хорошие были корабли!..

Китайский берег пустынен, как и русский. На китайском берегу часто можно увидеть стога сена. Это казаки по договоренности с китайской пограничной охраной косили для себя сено. Иногда пароход встречался с китайской фелюгой. Лодка окрашена в черный цвет. Большой четырехугольный парус, навес посредине, укрытый соломенными циновками. Китайцы — гребцы и рулевой — с любопытством глядят на пароход и приветливо машут руками.

Однажды утром пароход повстречался с несколькими плотами, на которых плыли целые семьи. Здесь же стояли лошади, коровы. Ярко горели костры. Люди были одеты в рванье, на ногах лапти, а многие вообще босы.

— Переселенцы едут, — объяснил помощник капитана одной из пассажирок, заинтересовавшейся обитателями плотов. — В нынешнем году много стало переселенцев.

— Наш Амур скоро станет азиатской Миссисипи, — сказал «культурный деятель», играя брелоком.

— Не скоро, сударь, — возразил Рублев. — Для этого нужны люди. А правительство плохо организует переселение на Амур. Вот и выходит, что за двадцать три года, с 1859 по 1882, в Приамурье переселилось всего восемь тысяч семьсот четыре души обоего пола. Значит, по триста семьдесят девять человек в год.

— Вы, оказывается, знаете переселенческое дело, — заметил «культурный деятель».

— Вожу чиновников, переселенцев, невольно изучишь.

— Мужик российский лежебок. Он боится подняться с места, — сказал тучный господин в золотом пенсне.

— Не в этом причина, милостивый государь, — сухо отозвался помощник капитана. — Правительство ничего почти не делает для облегчения участи переселенцев. И вот вам результат: половина переселенцев, отправившихся из Томска в Благовещенск, умирает в пути от болезни и голода. А из тех, кто добирается до Амура, немногие пускают корни на новом месте. Немало народу возвращается обратно в Россию.

Большинство пассажиров первого класса враждебно слушало молодого речника.

— Остер язык у молодого человека, — сказал Марковский, когда Рублев ушел.

— Смутьян, — утробным голосом произнес господин в пенсне. — Вот такие, острые-то, царя убили...

Между Улус-Модоном и Кумарю пассажиры натерпелись страху. Старая латаная машина парохода откачала, якорь бросить замешкались, и судно погнало по течению на скалу, далеко выдававшуюся с правого берега в воду. Опытный капитан удачным маневром избежал крушения.

Пока команда ремонтировала машину, стояли у берега. Мимо потерпевших аварию пробежал снизу белый пароход «Изумруд», таща на буксире баржу.

— Пароход торгового дома Диксон и компания, — сказал капитан. — Новый корабль. Ход хороший!

Середкин восторженно. Он напряг зрение, рассматривая пароход. На мостике рядом с капитаном стоял Келлер, весело скаля лошадиные зубы.

«Ловкач, мерзавец! — со злобным одобрением подумал Середкин. — И ведь когда успел?»

Середкин принимает решение

Пароход подходил к станции Сгибневой. Здесь решил высадиться Середкин, не желая раньше времени показываться в родной станции. Он укладывал свой саквояж, когда в каюту вошел помощник капитана.

- Как вы думаете пробираться на Желтугу? — спросил молодой человек Середкина.

- Обыкновенно. Куплю лошадку, на тот берег перемахну — и берегом до Албазихи.

- Разрешите составить компанию?

— Вы на Желтугу? Позвольте, сударь, а что вы там намереваетесь делать? — с любопытством спросил Середкин.

— То же, что и вы. Золото добывать, чего ж более.

— Ну, я-то, допустим, не собираюсь мыть золото, — отвернувшись, пробормотал купец, а громче добавил: — Едем, сударь. Дорога никому не заказана. Так-то. А капитанан отпустит?

— Капитан меня отпускает с удовольствием, — улыбнулся Рублев.

Прошло два дня, и четыре всадника на мохнатых забайкальских лошадках въезжали в долину светлой Албазихи. Совершенно неожиданно в последнюю минуту за Середкиным и «капитаном», как звал купец молодого кормчего, увязались «культурный деятель» и мещанин Марковский. Отделаться от них было трудно, и Середкин — согласился. В конце концов какая разница? Пусть себе едут.

Красива тайга осенью, когда первые утренники прижгут листву. Только ели стоят зеленые. Дубы, клены, липы — все другие деревья лиственных пород оденутся в дорогой наряд из литого золота. Природа-художник не жалеет самых ярких красок, чтобы расцветить тайгу перед долгим зимним оцепенением.

Спутники ехали молча. Лошади, всхрапывая и косясь на воду, переходили ручьи, постукивали копытами по каменистой выемке тропы в крутом боку сопки. Только стук этот да клекот молодых коршунов в небе нарушали торжественную тишину тайги.

Приисковый поселок появился перед глазами внезапно, когда всадники выехали на высокий увал. Справа, сквозь бронзу листьев ивняка и черемухи, серебром сверкала река Желтуга. Слева двумя правильными рядами выстроились бревенчатые зимовья. Адалыпе — темные дыры шурфов. В низине, на склонах сопки чернеют фигурки старателей, дымят костры. Слышатся людские го-
— ржание лошадей, веселый перезвон кузнечных мо-
— . Вся эта огромная площадь похожа на муравей-

ник. Здесь корчуют пни, там на козлах мужики ритмично дергают продольные пилы, разваливая толстые бревна на доски и плахи. Плотники строят новые зимовья. Десятки свежих бревенчатых срубов, кругом горы смолистой щепы и свежего мха.

— Эх, размахнулись! — только и нашелся сказать Середкин.

Спросили проходившего мимо мужика, как найти Игната Неродова.

— Старшину-то? — отозвался тот и взглянул на солнце. — Должно быть, на Орлином поле, с перваками говорит.

— С новыми старателями, — догадался Середкин. — Много народу идет?

— Страсть! Сегодня сотни полторы наехало. А всего на прииске сейчас тысяч пять будет старателей. Скоро поделят все россыпи. Уже сейчас только бедные пески остались,

— Ты их проверял? — раздраженно заметил купец.

— Люди проверяли, — уклончиво отозвался мужик.

Орлиное поле представляло собой довольно просторную площадь, очищенную от тайги. Там, где площадь смыкалась с Миллионной улицей, по сторонам были построены два больших деревянных здания. По ярко наклепанным вывескам издали можно было догадаться о назначении этих домов. Направо вывеска коротко гласила: «Виноторговый склад Е. И. Голдобинной: Распивочно и на вынос». На здании налево реклама была поподробнее. На жести по голубому фону золотые буквы извещали, что в здании ресторан и гостиница «Марсель», владельцы Ипат Ефремов и Жан Потье, что имеется «бакалея лучшая, товары разные, доставленные из Гамбурга оптовым торговым домом Диксон и К°».

«И тут Голдобина и Диксон! А Ипат и тот ловчее меня оказался!» — с завистью подумал Середкин.

Привязав коней, спутники пошли к центру площади, где толпилось человек двести народу. Все со вниманием слушали неторопливую речь бородатого высокого широкогрудого мужчины, одетого в черного сукна поддевку, с белым шелковым платком на шее, в бархатном картузе с высокой тульей. Это был Игнат Неродов. Он стоял на помосте, срубленном из бревен, обнесенном периль-

цами. На столбе, выходящем из угла помоста, висел хпудовый бронзовый колокол.

«Настоящее вече», — подумал Рублев, любивший, и все молодые начитанные люди, аналогии.

— Участки все получите, — разъяснял Игнат, — но пока сбейтесь в артели человек по десять — пятнадцать. Главного выберите. Артельщику и отведут старшины участки. Но наперво надобно, чтобы вы себя жильем обеспечили. Иначе назад прогоним, откуда явились. По-камест все.

— За мной идите, кто на золото жаден, — недобро усмехаясь, сказал появившийся в толпе Одноглазый. Он тоже стал старшиной. Ему поручили возглавлять новый участок.

Старатели беспорядочной толпой повалили за быстро шагавшим старшиной. С ними ушел и Рублев. Середкин же стоял у помоста, ожидая спускавшегося Игната.

— Не ждал? — насмешливо спросил Середкин, протянув широкую ладонь Игнату.

— И во сне не снился, — спокойно признался Неродов, глядя добрыми глазами на купца, и с тонкой иронией заключил фразу: — Полагал, что где-нибудь прихлопали тебя, варнака.

— Вижу, в гору пошел, — скрывая смущение, съязвил Середкин, критически осматривая полную фигуру Неродова.

— Не все под гору, купец. В гору интереснее. Тебя виднее, и тебе виднее, — усмехнулся Игнат.

Купец не хотел ссориться. Он осторожно начал выяснять возможность вернуть богатый золотиносный участок, а главное — хотя бы часть намытого артелью Игната золота.

— Мое добро, на мои деньги все начато...

— Вернули тебе деньги, — скучающе сказал Игнат.

Середкин обозлился. Надулись жилы на лбу. Зло прохрипел:

— Контракт у меня! Как бы тебе на Кару не прогуляться, когда домой вернешься.

— Руки коротки, купец, — не повышая голоса, отвечал Игнат. — Зря яришься. Что с возу упало, то пропало. Ты лучше иди к Ипату, он тебя поучит уму-разуму. А мне скажи спасибо, что я ребят на тебя не натравил. До Амура бы плетью гнали.

Середкин сразу обмяк и стих. Признававший только силу, он понял, что настаивать на каких-то правах здесь нет никакого смысла...

В гостинице «Марсель» большой зал отведен под буфет. Тесно установлены грубо оструганные деревянные столы, за которыми могут разместиться человек сто. На стенах олеографии. Лампы на проволоке свешиваются с потолка. Около стойки стоит орган. На стене за буфетной стойкой полки, заставленные бутылками с яркими этикетками. Ипат в красной шелковой рубаше, в белом переднике важно восседает за стойкой и пьет чай из блюдца. В зале почти пусто.

Потное рябое лицо Ипата Ефремова расплылось в притворной улыбке, а глаза злые, волчьи. Оглаживая красными ладонями жирные волосы, остриженные в скобку, он выбрался из-за стойки навстречу Середкину. Провел гостя в «кабинет». Говорили, словно ощупывая друг друга, не спрятал ли что за пазухой.

— Кто этот Жан, компаньон твой? — небрежно поинтересовался Середкин.

— Француз. С деньгами приехал. Оборотистый.

— Не нагреет тебя, паря?

— Тот не родился...

— Гляди.

С особым удовольствием слушал Середкин сведения о коммерции на приисках. Цепкая память мгновенно фиксировала цифры. Аж слюну глотает купец! Мясо, которое в Благовещенске стоит четыре рубля пуд, здесь — десять — пятнадцать рублей. Пуд сухарей вместо трех рублей двадцати копеек продается по двенадцать рублей. Вместо пяти рублей за топор платят десять. За лист кровельного железа желтугинцы, не торгуясь, отдают десять рублей, бутарного — восемьдесят рублей, за бочку из-под вина для возки воды — двадцать рублей. Бутылка ланинской шипучей воды стоит двенадцать рублей, фунт свечей — четыре рубля.

— А золотишко как идет?

— Дороже трех с полтиной за золотник старателю не дают скупщики, — ответил Ипат. — Ну, а в Айгуне не дешевле четырех рублей. Есть расчет, — захихикал Ипат, колыхая ожиревшим животом.

— Знамо дело.

— А денег в Желтуге мало. В большом почете здесь

деньги и по высокому курсу идут. Расплачиваются больше сырым шлиховым золотом. Золотник тут «штукой» зовут и вес его дробный заменяют игральными картами и спичками. Как на Олекме, помнишь? Один золотник — четыре карты или девяносто шесть спичек.

Ипат рассказал, как слухи о дороговизне на Желтугинских приисках взбудоражили торговцев и обывателей Забайкалья. Даже некоторые иркутяне стали продавать дома, пожитки, закладывать все и отправлять на Амур один транспорт за другим с провизией, мануфактурой, бакалейным и мелочным товаром. Такой же ажиотаж царит в Верхнеудинске, Нерчинске и особенно в Чите.

— Кто же все они?

Ипат понял. Вывел гостя на улицу.

— Видишь, вокруг площади строятся. Лавки, трактиры будут. Аламасов вон там бани возводит, пекарню построил уже. А над зимовьями флаги замечаешь?

Середкин и раньше заметил небольшие флаги над избами. Одна полоса золотисто-желтая, другая — черная.

— Где флаги, там торговля ведется, — пояснил Ипат.

Середкин насчитал пятнадцать флагов. Один трепыхался и над коньком гостиницы «Марсель».

— Француз, говоришь, компаньон? — рассеянно спросил Середкин.

— Француз. Тут, кроме русских, китайцев порядочно старается. Есть и корейцы, немцы, поляки, орочны, якуты. Торгуют больше молокане, в розницу. Китайцы, однако, торгуют тоже, японцы... А ты что будешь делать? — спросил на прощанье Ипат.

— Торговать, — твердо произнес Середкин.

...Рублев шел позади оживленно галдящей разношерстной толпы. У многих на плече лопаты, ломы, кирки. Только теперь сообразил «капитан», что не запасся инструментом, и досадовал на себя. Задумавшись, он чуть было не угодил в яму, но его предупредил сочный мужской баритон:

— Осторожнее, молодой человек. Вы мне на лысину наступите.

Рублев увидел голову мужчины, торчавшую из ямы. Лицо говорившего было приветливо. Высокий лоб с залысинами, голубые глаза, надбровные дуги нависли над

ними, чуть вьющаяся бородка. Человек протянул сильную белую руку, оголенную до локтя, и попросил:

— Помогите выбраться.

Легко вымахнул ловкое большое тело свое из ямы. Присел на чурбак и указал на место рядом:

— Садитесь, сударь.

Молодой речник заколебался, видя, что толпа золотоискателей ушла далеко вперед.

— Не спешите, — улыбнулся незнакомец. — Вы пришли на знаменитую Желтугу добывать золото, не так ли?

— Разумеется.

— Вот поэтому я вас и задержал. Из моей артели на днях ушло пятеро старателей. Намыли золотишка и не терпят ребят промотать его. Будете работать со мной?

Обрадованный «капитан» дал согласие.

— И прекрасно. Вы пока погуляйте, присмотритесь, а я пойду на промывку. Простите, ваше имя? Василий Миронович Рублев? Прозвали «капитан»? Так и будем звать. Я врач. Розов. Евгений Николаевич. До вечера, мой капитан.

Рублеву недолго пришлось ждать врача — по случаю субботы золотоискатели пошабашили засветло. Молодого речника все интересовало здесь, в этом небольшом поселке. Население его состояло из людей самых различных сословий, возрастов и национальностей. И одежда на золотоискателях самая разнообразная. Старатели медленно разоблачаются, развешивая мокрое рванье на ветви деревьев для просушки. Рядом с синим дырявым халатом китайца висят бархатные, выпачканные в глине штаны, дальше — потрепанный чиновничий мундир, пестрядинные штаны, а здесь щегольской бешмет с газырями.

Розов познакомил Рублева со Степаном Коневым и его сыном, с Яковом, Гошкой, деликатным, все время улыбающимся Лю и сумрачным и молчаливым Ваном. О Ване Розов сказал:

— Преинтересный человек, участник оригинальнейшего революционного движения тайпинов.

— Тайпины? Что это такое? — спросил Рублев.

— Я сам толком не знаю. Что-то вроде пугачевщины. Народный бунт против тиранов.

Новые знакомые Рублева сидели на поваленном около зимовья кедре и вели неторопливую беседу.

— Видел сегодня Середкина, — сказал Яков. — Потянуло живореза на жареное.

— Купцы тоже нужны, — миролюбиво отозвался Степан.

— Все они хапуги! — сердился Яков.

— Купеза надо, толико шестный его надо, — улыбаясь, заметил Лю.

— Нет их честных-то, Лексей. Верно говорю, — не сдавался Яков.

В конце Миллионной показался всадник. Мелкой рысцей лошадь приближалась к зимовью Степана. Вглядевшись, Петька воскликнул:

— Батя, да ведь это ороchon Кэсу!

Верно, это был Кэсу. Он устало слез с лошади, поклонился и сел на корточки, бормоча приветствие.

— Зачем сюда, Кэсу? — спросил Яков.

— Работать миня здесь. Дома народ весь помирай от черной болезни. Охота один плохо, на сердце плохо, — бормотал Кэсу. — Тут прииске мой родича есть, с ними лучше будет.

Яков нарушил наступившее на минуту молчание:

— Эх, Кэсу! В руках держал золото и проворонил. Богачом бы был, голова бестолковая.

— Воронил, — добродушно согласился Кэсу.

— Ты что, золота не видел, Середкину самородки отдал? — спросил Степан.

— Медь думал. Не думал, что деньги.

Внимание от Кэсу отвлекло появление отставного чиновника Новикова. Вид у него был унылый и болезненный. Фуражка подвязана к подбородку бабьим платком, лицо опухло от укусов мошки, покраснели от воды пальцы старческих рук. Испуганно глядя на Степана, Новиков скороговоркой произнес:

— Слышали, опять сегодня человека убили. Третьего в этом месяце. На Медвежьем ключе. Из-за лотка подрались. Один другого как хлобыстнет поленом, сразу до смерти. Что делается, господи! В какую ямину я попал, старый пес, да еще сына, дочь ташил! Безобразие здесь!

— А что ежели убивца, скажем, китаец, так сдавать на суд в Китай, а русский — в Россию переправлять? — размышлял Яков.

Новиков, заметив, что его слушают, торопился излить свои жалобы. Старику не повезло в Амурской Калифорнии. Пески ему попались бедные, сам и сын часто болели. Так что оставался он в большом убытке. Вступив в артель, он внес свой пай на расходы: покупка зимовья, инструментов, лошади. Ухаживать бы надо, но не с чем, денег нет. Дочь еще надо содержать. Новиков долго благодарил Степана за кусок сала. Дал на ужин добрый казак, а то голодными бы легли спать с сыном.

К врачу обратился:

— Мне бы пилюлей каких приспособовали. Душит по ночам кашель. И сыну бы...

— Нет у меня медикаментов. Вам нужно бросить зотишничать, вредно для здоровья.

Новиков только махнул рукой: где ж, мол, бросишь, авось объявится золото...

В зимовье полутьма. Две свечи, горящие на грубом столе, не справляются с темнотой. Стены закопчены, из щелей торчит белый мох. Потолок уложен из тонких бревен, пол тоже бревенчатый, слегка отесанный топором.

Розов уложил Рублева на нары по соседству. Он негромко рассказывал ему о местных обычаях и нравах. Рублева интересовала каждая деталь.

— Выходит, что прииски не подчинены никакой государственной власти?

— Да, обстановка довольно любопытная, — согласился Розов. — Правда, пришлось избрать артельных старшин и старшин полей. Прииски разбиты на поля, отведенные нескольким сотням старателей каждое. Таково управление. Все поставлено на молчаливом согласии не мешать друг другу.

— Республика, — удивленно заметил Рублев.

Розов с мечтательной улыбкой взглянул на собеседника.

— Нечто отдаленное. И представьте себе, очень дружно живет народ. А ведь люди разные: русские, китайцы, корейцы, якуты и так далее. Уважают друг друга, обычаи национальные, привычки.

— Наглядное подтверждение учения Фурье, Руссо, Оуэна? — промолвил Рублев. — Но а как же убийство? Этот чиновник сегодня жаловался...

Розов помрачнел. Закинул руки за голову, помолчал И проговорил сердито:

— Есть паршивые овцы. Сюда, как мотыльки на свет, слетаются разные авантюристы. Но их немного. Впрочем, поживете — сами увидите.

Розов повернулся и вскоре уснул или притворился спящим. Рублев стал вслушиваться в разноголосый шум. Некоторые старатели подгуляли и громко разговаривали, стараясь перекричать друг друга. За столом шла азартная игра в карты, сопровождаемая крепкими восклицаниями:

— Ты чем идешь, голова? Туза давай!

...— Гляжу, однако, едут верховые, — монотонно гудел чей-то голос. — Ну, взяли меня, давай конопатить, надставлять да пристукивать. От таких лещей бессловесный и бездыханный остался я.

...— Вы знаете, к чему призывали «Московские ведомости» после убийства Александра Второго? — слышалась речь интеллигента из другого угла зимовья. — Эти господа требовали от правительства усилить репрессии против передовой части интеллигенции. А вы говорите — гласность! Да-с!

...— Мне бы тысячу, — слышался страстный шепот. — Я б на Зею, к землякам, дом бы пятистенный, лошадей бы штук пять...

...— Добег я тогда до самого Урала. Верст сто до родного села осталось. Схватили...

— Били?

— Эх, били, братец! Как жив остался...

Усталость взяла свое. Уши Рублева словно кто-то заткнул ватой, и он уснул здоровым сном.

Ссора

Январь 1884 года выдался на редкость даже для здешних мест холодным. Старатели, проводившие большую часть суток на открытом воздухе, простужались, обмораживались. Особенно тяжело переносили лишения старик Новиков, сын его Иван и им подобные люди, никогда до этого не занимавшиеся физическим трудом,

...Быстро промелькнул короткий ночной отдых. Новикову казалось, что он только пришел в зимовье: болели

от усталости руки и ноги, ломило поясницу. Со вздохом старик слез с нар, осторожно разбудил сына. Проснулись и другие старатели. Кряхтя, поругиваясь, одевались при слабом свете огарка сальной свечи, торопливо пили пахнувший березовым веником чай.

Перед уходом на ямы артельщик каторжник Серьга, когда-то прятавшийся в Игнашино у Егора Лапшина, отозвал старшего Новикова и сказал негромко:

— Сын твой кашляет Нехорошо. Побереги парня.

— Малинки я ему сушеной... — забормотал старик.

— То-то, малинки, — с укоризной произнес Серьга. — Убираться ему надо отсель. Тут привычные и то сдают.

Старик и сам замечает, что здоровье сына ухудшается. Но что он сделает? Нельзя бросить промывку, когда начинает улыбаться фортуна. Вчера, например, каждый член артели получил по сорок золотников, почти полфунта! Может, обойдется? Еще хоть недельку, а потом можно отправить сына в Благовещенск...

На улице крепкий мороз сгоняет остатки сонливости. Ярко светит луна. Над поселком тянутся к звездному небу белые столбы дыма. Из всех зимовьев выходят люди и, держась артелями, гуськом движутся на свои участки. Утреннюю тишину грубо нарушают людской гомон и скрип снега под сотнями ног. Разносятся по тайге визг санных полозьев, конское ржанье. Поселок сейчас похож на военный лагерь, готовящийся к наступлению на невидимого врага, что скрывается вон в той темной таежной чащобе. Далеко по долине Желтуги, насколько хватает взгляд, искря, разгораются костры, чуть тлевшие всю ночь.

Новиков смотрел на эту хорошо знакомую картину и молчал. Молчал и сын, идя за отцом по узкой тропе. Только пересекая Орлиное поле, старик на минуту остановился, протер концом грязного шейного платка слезящиеся глаза и сказал с нарочитой веселостью:

— Смотри-ка, Ваня, Середкин гостиницу на днях откроет.

Сын промолчал. Он мельком взглянул на новое здание, украшенное вывеской с огромными буквами: «Гостиница «Тайга». Середкин». На просторной площади появились теперь десятки вместительных, наспех от-

строенных сооружений. Торговые фирмы, отдельные купцы торопились занять бойкие места на Орлином поле.

Больше часа затрачивают Новиковы и их товарищи, пока доходят до ручья, впадающего в Желтугу. Здесь, в распадке, в устье безымянного ручья их шурфы. Узкий распадок весь изрыт ямами в невообразимом беспорядке. Но золотоискатели, видно, хорошо ориентируются в этом хаосе. На берегу ручья, в центре разработок, установлена бутара. Несколько артелей по очереди моют на ней золото. Сегодня очередь артели Серьги. Поэтому старшина ставит больше народа на подноску песков. Артель еще не обзавелась лошадьми.

Самая трудная работа — кайлить грунт в шурфе. Когда подходит очередь Новиковых, то у старика от страха мурашки бегают по спине. Серьга уже два дня делал поблажку Новиковым.

— Не могу больше. Артель! — сочувственно говорит он старику. Тот, стараясь быть бодрым, отвечает:

— Ничего! Мы с сынком в крайний шурф полезем. Ты нам только к баде поставь порасторопнее кого.

— Ключин вернулся, соколик, — усмехаясь, промолвил Серьга. — В лоск проигрался, пропился в Благовещенске. Ключина к тебе приставлю.

Прежде чем взяться за лопату самому, Серьга очень тщательно осматривает сохранность всех колышков, которыми отмечен артельный участок. Место в распадке оказалось особенно золотоносным, и здесь дорог был буквально каждый вершок земли. Поэтому всегда следовало опасаться, как бы соседи не передвинули колышки, увеличив за чужой счет свои участки.

Ключин, казалось, нисколько не унывал оттого, что оставил по-глупому все золото, добытое в течение многих недель труда, с опасностью для жизни вынесенное с Желтуги на Амур и дальше до Благовещенска. Он сыпал прибаутками, рассказывал благовещенские новости. Только глаза всегда были строги, даже когда он смеялся. Рыжий чуб задорно торчал из-под шапки. Широкая грудь Илюшки оголена. Не мерзнет сибиряк, работает без рукавиц.

— Я закаленный на семи сибирских реках, на семи морозах, — посмеивается Ключин.

Срываясь с обмерзших ступенек лестницы ревматическими ногами, первым в яму спускается старший Но-

виков. Его охватывает могильная сырость, и сильнее ноют больные суставы ног и рук.. Старик собирает со дна ямы остатки костра, насыпает в бадью. Следом в яму лезет сын. Ключин сочувственно смотрит на кашляющего Ивана.

— Ты б попробовал панты достать. Здорово помогают, говорят, — с грубоватой заботливостью советует Ключин.

— Верно он говорит, — оживляется Новиков. — Надо китайцам насчет пантов наказ сделать. Они достанут.

Зима нынче малоснежная. Глубоко промерзает грунт, очень тяжелый в этих местах. За ночь не больше трех четвертей оттаяло в шурфе. Правда, слой этот как раз золотиносный. Отец и сын сосредоточенно бьют кайлами, еле различая инструмент. Свет луны не попадает в яму, а свеча, установленная в нише, вырубленной в стене, дает мало света. Скрипит над головой деревянный ворот. Еще одна бадья ушла наверх. Работа не мешает разговарившемуся Ключину.

— Сегодня бадью легко таскать, потому что с золотом она. А вообще-то трудная наша работа. «Золото мыть — голосом выть». Всю жизнь отец искал золото, бродил по тайге. Мечта у него была найти шальное золото и разбогатеть. Голодал, замерзал не раз в тайге, но не бросал этого занятия.

— Что ж, нашел? — крикнул из глубины ямы Иван.

— Нашел, Ваня! — отвечал сибиряк, опуская бадью в шурф. — Отправился однажды на Селемджу. Полгода, почитай, пропадал. Потом его эвенки нашли на берегу ручья в шурфе мертвого. «Гнездо» батя откопал, полные карманы золота набил. Только не увидели мы с матерью этого золота. Там и похоронили отца эвенки. А я считаю, вредность одна рабочему человеку от золота. То есть не умеем мы, старатели, его расходовать. Возьмем вот меня. Намыл я за лето двадцать фунтов. За месяц его спустил.

— Так ты брось золотишничать, — предложил старый Новиков.

— Не могу. В крови у меня этот азарт. Дед еще хаживал на Урале за камушками, за золотом. И отец опять, — отвечал Илюшка.

— Нет уж, мы с толком потратим свое золото, Ванюша, — рассуждал Новиков. — Возьмем Машу и мах-

нем в Петербург. Ты хотел бы поехать в Петербург, Ванюша?

Иван только глубоко вздохнул. Отец продолжал развивать планы будущих путешествий, необыкновенных обретений. А руки привычно сжимали кайлу. Все новые порции дымящегося на морозе песка вытаскивал на поверхность неунывающий Ключин.

С облегчением бросили наземь кайлы отец и сын Новиковы, когда Серьга скомандовал шабашить на обед. Морщась, ели невкусную чумизу с сухой рыбой, грызли крепкие, как гранит, ржаные сухари. Новиков-Старший мочил их в ледяной воде. Беззуб старик.

— Хлеба мяконького бы сейчас, — мечтает он вслух.

— Хорошо, что сухарь есть, — сердито замечает Серьга. — Да и то за фунт Середкин берет сегодня по золотнику.

— Мыслимое ли дело! — восклицает чиновник.

— Не хошь, говорит, не бери, не навязываю. Случаем пользуется купец, — в голосе Серьги слышно привычное согласие с поведением купца: «Такова уж жизнь: кто кого прижмет».

Недалеко от артели Серьга работает в своих ямах китайская артель Лю, а там и артели Розова и Степана Конева. Они тоже окружили артельные котлы, обедают. Парни весело переругиваются, подтрунивают друг над дружкой. И звонче всех голос Гошки, смешливее всех его прибаутки.

А после обеда первая проверка циновок. Тут уж никого не заставишь работать. И хотя стыдит Серьга, покрикивает на старателей, однако вся артель постепенно собирается у бутары и следит за отборкой золота. Серьга с помощью Ключина вынимает циновки, аккуратно стряхивает и снимает золото вместе с оставшейся галькой. Они хорошо видны, золотые песчинки, отполированные породой. Только самородки выделяются на лом золотом фоне темными красноватыми пятнами. Затая дыхание, стоят старатели, зорко следят за каждым движением артельщика. Обросшие, в обледенелой одежде, грязные, они похожи на каких-то чудовищ. Живут только глаза на этих почерневших от мороза бородатых лицах. Восхищение, алчность, удивление выражают они.

— Сегодня намыв побогаче будет, — восторженно шепчет сыну Новиков, радостно хихикая в воротник за-

мызганной шинели. Сын кашляет в ответ, прижав руки к груди.

Серьга священнодействует. Вот он смыл, стряхнул циновки в небольшую деревянную колоду, налил туда несколько ведер теплой воды и долго ворочает березовой толкушкой в золотой каше, удаляя лопаточкой гальку и грязь. Потом сливает воду и ссыпает золото в железный лоток. И вот наконец высушенное на костре золото аккуратно ссыпают в мешочки. Наметанный глаз у старателей. Они с точностью почти до одной доли успели по объему определить вес намытого металла. Лица людей расплываются в улыбке. Удача!..

После короткого обеденного отдыха работа возобновляется. Старатели трудятся с большой охотой. Кстати, само звание «старатели» подтверждает лишний раз выносливость русского человека. Рабочий прииска, вначале крепостной, а впоследствии вольнонаемный, в свободное от работы время, в праздники с разрешения владельца прииска добывал золото, «старался». Золото сдавал владельцу по установленной цене. Племя старателей, страшно бедствуя и голодая, из года в год обогащало золотопромышленников, золотоскупщиков, торговцев, никогда не теряя надежды разбогатеть самим.

Желтугинцы грели камни, жгли костры, таскали воду в бездонный, дымящийся белым паром чан. Грохотала галька по железной решетке бутары, покрикивал на замешкавшихся артельщик.

В яме, где работали Новиковы, кончался золотоносный слой. Решили рыть землю подкопом. В сторону соседней артели можно подрывать пески на три аршина. Скрипит ворот, бадя ходит вверх груженная, вниз — пустая, гулкая. Отец и сын врезаются кайлами в стену, отваливая большие глыбы замерзшего грунта. Вдруг с силой вонзенная в землю кайла Ивана провалилась в пустоту. Грунт рухнул, и в образовавшемся большом отверстии показались двое видных по пояс людей с кайлами. Это были рабочие соседней артели. Оказалось, они уже перешли во владения артели Серьги, отправив десятки бадей черного золотоносного песка наверх.

— Вы что же, разбойники, делаете? — плачущим голосом заговорил чиновник. — Зачем в чужие пески лезете?

Широкоплечий мужик с квадратной головой и злыми медвежьими глазками криво усмехнулся и молча стал подгребать песок к себе.

— Оставь, говорю! Не то артель позову, — прохрипел старик Новиков с необычной для него злобой. Он протянул руку и ухватился за черенок лопаты квадратноголового. Тот по-волчьи оскалился и ткнул лопатой Новикова в грудь. Старик слабо охнул и, как мешок, рухнул на землю.

Иван на мгновенье растерялся, потом кошкой бросился на обидчика и вцепился ему в горло худыми грязными пальцами. Тот пытался освободиться от закорючавших на горле рук. Второй золотоискатель выругался и ударил юношу по голове кайлой. Кровь залила лицо Ивана. Он молча упал, придавив своим телом ноги отца. Соседи торопливо выбирались из ямы. Наверху истощенно кричал Ключин:

— Па-а-арь, наших убивают!

Новиков пришел в себя. Он привстал и с ужасом увидел, что сын лежит с разбитой головой.

- Ваня, очнись! — бормотал старик, отирая рука-

вицей кровь с виска сына. Убедившись, что сын мертв, Новиков взвыл тонко, по-собачьи.

А наверху разгоралась драка. Артель Серьги, бросив работу, кинулась избивать соседей. Дрались кулаками, лопатами, кольями. Сталкивали друг друга в ямы, обливали водой. Все громко и люто ругались, крикая, опускали свинцовые кулаки на вражеские головы. Скоро в побоище ввязались и другие артели. Розов, Степан Конев, подоспевшие Игнат Неродов и Одноглазый бежали среди дерущихся, пытаясь разнять их.

— Опомнитесь, братцы! — надсадно кричал Игнат. Он вовремя пригнулся, и увесистый кол просвистал над головой.

— Прекратите безобразие, — призывал в другом месте Розов. Он не заметил, как сзади подкрался квадратноголовый и, хищно прищутив круглые медвежьи глазки, замахнулся ломиком. Отжил бы на этом свете врач Розов, но спас его китаец Ван. Железной рукой он удержал в полете лом и ударом в пах свалил с ног нападавшего. Розов благодарно взглянул на Вана.

С трудом успокоили разбушевавшихся золотоискателей. Игнат взобрался на поленницу дров и ожидал, когда охающая, стонущая от побоев и ран толпа станет слушать его. Внизу стояли Розов, Петька, Степан, Рублев, Ключин, Серьга, Одноглазый.

— Считаю, братцы, — начал Игнат, — непорядок будет, если мы такие драки допускать станем.

— Это противно самым примитивным требованиям общежития, — поддержал его Розов непонятными для многих словами.

— Мы сюда не драться пришли, а золото добывать, работать и жить в мире. Так вам что? Аль не нравится без битья? По кулаку и плети заскучали?

— Обоюдная драка-то, — миролюбиво шепелявя, заметил мужик-переселенец. Три передних зуба вышибли переселенцу в сегодняшней перепалке.

— Какая бы ни была, надо распри всякие прекратить, — гремел Игнат во всю силу своих могучих легких. — А убивцу надо разыскать и с приисков изгнать.

— Самого бы его пристукнуть, — слышался чей-то голос.

— Розог бы ему.

— Закона на это нет!

— Не найдете убийцу, — говорил Розов, все еще находясь под впечатлением драки. Он шел в поселок с Игнатом, Лю, Ваном, Рублевым, Степаном и другими знаковыми старателями.

Новиков не помнил, как вытащили его и сына из ямы. Не видел, как люто дрались артели, отстаивая свои права. Не видел вырванных из бород волос, выхарканных на снег зубов. Поддерживая под руку старика, Ключин довел его до бревна, усадил, рассказывал, хвастая:

— Я одного как смазал ломиком, рука враз хрустнула, словно бы ветка. А мне ухо варнаки колом задела, порвали ухо, чтоб их. Сейчас я его тряпкой обмотаю, а то кровяца за ворот каплет, щекотно спине и липко.

Старик безучастно сидел над трупом сына, не слушая, что говорит Ключин. Подошел Серьга, кривя от боли губы (по спине огрели колом), и сказал чиновнику:

— Хоронить надо сына-то. Чего уж тут...

Не сразу понял старик. Он вяло поплелся за носилками. Недавно Иван с отцом носил на них пески, а сейчас сам лежит на этих носилках, неудобно свесив голову и ноги. Старик заметил, как собака подбежала к тому месту, где лежал труп, и стала лизать красное пятно на снегу. Серьга зло пнул пса в бок ногой.

«Его кровь», — наконец догадался Новиков.

К вечеру похоронили Ивана Новикова, так и не увидевшего Петербурга и родного Благовещенска. Старик стоял в стылой тишине над могилой. И пусто было у него на душе. Почему-то одна только мысль удручала старика: «Провалится, поди, земля над могилкой, когда снег растает».

Весть о гибели Ивана Новикова заставила старателей еще раз задуматься над дальнейшей жизнью на приисках, где нет никакой организованной власти. Но, народ беспечный, они не долго предавались печальным мыслям.

Ночью

Как-то придя к Игнату Неродову, Розов увидел любопытную картину. У дверей своего зимовья стоял Игнат в синей косоворотке, в черном жилете, с непокрытой головой. Перед Игнатом топтался в талом мартовском снегу босыми, посиневшими от холода ногами мужик-пере-

селенец. Вид у переселенца был самый жалкий: он разут, в натальной рваной рубахе, в пестрядиных штанах, волосы и борода всклокочены. Опухшие глаза и трясущиеся руки говорили о лютом похмелье. Переселенец с надеждой смотрел снизу вверх на могучего и спокойного Неродова.

— Ты что пришел жалиться? Иль я тебе мировой судья, иль становой пристав? — спрашивал Игнат.

— Так кому жалиться? Должен же кто ни есть рассудить, чтобы по-божецки было, — хрипел переселенец.

— Пню вон еловому!

— Человеку можно жалиться, не пню. Человек может по-справедливости разобрать все, как есть.

— Человек тебя и обыграл. Как быть-то теперь? — насмешливо заметил Игнат.

Мужик умолк и растерянно развел руками.

Розов узнал необычного просителя. Этот переселенец уже не раз хвалился Розову и Игнату, что скоро поедет за Амур, домой. «Намыл золотишка», — тихо добавлял он, чтоб не услышали. На Зее у него остались отец и мать старые и жена с ребятишками. Живут у справного земляка в амбарушке. «Теперь я развернусь, все в аккurate будет, потому — золото!»

И вот бос и наг переселенец. Что случилось с ним? Кражи были очень редки в поселке.

— Посмотрите на него, — обратился к Розову Игнат. — В карты обыграли молодца дочиста, как липку очистили. Даже армяк проиграл и сапоги. Что стоишь, умная голова? В зимовье заходи, без ног останешься! — крикнул мужику Игнат. Тот торопливо юркнул в зимовье и сел поближе к печке на нары.

— Что с такими делать — ума не приложу, — недовольно сказал Игнат, усаживая доктора за шербатый стол. — Почитай, каждый день приходят ко мне, словно к мировому: «рассуди». И все больше проигравшиеся, как вон этот молодец. Голые являются. Последнее время люто играть в карты стали, и фармазоны картежные появились. Околпачивают дураков-то. А я чем помогу?

Вопрос был адресован переселенцу, тот уныло мотнул нечесаной головой.

— Обижают, говоришь, — продолжал Игнат. — Не давайся в обиду.

— Так ведь слабость наша, — прошепелявил переселенец, кривя щербатый рот.

— Тогда терпи. Слаб — мучайся сам, других не тревожь, не травми сердце.

— Слабому надо помочь стать сильным, — проговорил Розов, сам вслушиваясь в слова неожиданно родившегося в мозгу афоризма.

— Легко сказать, — отозвался Игнат.

Несколько минут сидели молча, каждый думая о своем. Вдруг Игнат неожиданно ударил кулаком по столешнице и начал ругать переселенца. Но странно: чем сильнее выражения подбирал Игнат, тем оживленнее становилось лицо переселенца, в его глазах загорелась искорка надежды. И действительно, все окончилось тем, что Игнат дал переселенцу взаймы на экипировку, предварительно оговорив, чтобы тот карт не брал больше в руки, не пил, не слабился, не то будет бит, как собака.

— Надо что-то другое придумать, не кулаком угрожать, — сказал Розов, когда переселенец ушел.

— Чем же, коль не кулаком? — усмехнулся Игнат.

— Будить в человеке совесть, чувства человеколюбия.

— Не у всякого совесть-то разбудишь. У иного так спит, что из пушки вдарь — не поможет.

Разговор с Игнатом и переселенцем целый день не выходил из головы Розова. И он принял решение побывать в том зимовье, где мужика обыграли, и попытаться убедить его обитателей не грабить с помощью карт своих же товарищей. Розов надеялся, что сможет задеть нужные душевные струны этих грубых, невоздержанных людей.

Темна мартовская ночь. Только когда привыкнут глаза, замечаешь неясные очертания зимовьев, и то если близко подойдешь. Розов шагает посередине Миллионной, держа путь к крайним избам, где особенно бойко идет карточная игра. Сырой весенний ветер рвет полы полушубка, мешает идти, дуя прямо в лицо. Тревожно шумит тайга, начинающаяся сразу за зимовьями. Красными светлячками горят кое-где костры. Порой костер раздует ветром, и сноп искр взлетает к черному небу.

Вот и зимовье, где проигрался переселенец. Он днем указал его Розову. Врач тихо подошел к маленькому окну, затянутому бумагой, и прислушался. Нестройный

шум раздавался в избе. Поправив меховую шапку, Розов решительно взялся за деревянную скобу и рванул на себя дверь. В нос ударил прокисший воздух. Пахло немывыми человеческими телами, водочным перегаром, табаком. Клубы табачного дыма делали неясными лица игроков, обступивших стол. Одни играли, другие лихо-радочно следили за ними. На столе перед каждым игроком — золотой песок в мешочках, смятые денежные бумажки. Когда банкOMET сдает карты, все стихают. Но вот карты открыты, банкOMET довольно улыбается, а его партнер, отчаянно махнув рукой, бросает карты и просит, растерянно оглядывая всех:

— Братцы, кто займет? Может, отыграюсь...

— Ишь, чего захотел, — слышатся насмешливые голоса.

— Иди-ка домой, пока портки целы!

Розов всматривался в лица и почти никого не узнавал. Только банкOMET показался знакомым. И врач припомнил. Этот человек приходил как-то к нему с предложением совместно открыть на прииске аптеку. «Вы врач, я фармацевт. Дела у нас пойдут великолепно». Фармацевту было за сорок. Мешки под глазами, синие жилки на носу, желтое одутловатое лицо, плешь, как тонзура у католического монаха. На пухлых пальцах кольца. Одет незнакомец в длиннополую шинель, на голове кожаный картуз с длинным козырьком. Не понравился Розову человек, не понравились его пороссячи белые ресницы, глазки с красноватыми белками, блудливо бегающие. Трусость и отчаянная дерзкая наглость светились в этих глазах. Несколько позже Рублев заметил Розову вскользь, что этот фармацевт, пожалуй, мнимый. «На пароходе, когда мы ехали с ним по Амуру, он представлялся забайкальским культурным деятелем».

«Культурный деятель» ловко подгреб к себе короткопалой рукой золотой песок в мешочках и кучку бумажных денег, потом начал с профессиональной быстротой тасовать замасленные потрепанные карты. Проигравшего старателя выталкивали из-за стола. Один из игроков ударил его по шее, крикнул грубо:

— Вылазь, тебе говорят!

Розов стиснул зубы от негодования и подошел вплотную к играющим. Его заметили. Кто с любопытством, а кто со злобной настороженностью смотрели на пришель-

ца. «Культурный деятель» продолжал улыбаться, но в глазах его загорелся хищный огонек. Кивнув плешивой головой, «деятель» проговорил иронически:

— Милости просим, сударь! Что вас привело в наш фаланстер?

— Не вернее ли назвать вертеп? — злясь, ответил Розов.

— Зачем же так резко? У нас невинная игра, по маленькой, ну и светская беседа, — «культурный деятель» хихикнул, его поддержали довольным ржанием игроки.

— Я бы вам посоветовал перестать обманывать простаков! — крикнул Розов. — Вы интеллигентный человек, а, похоже, заворачиваете этой шайкой. Не одного уже старателя обобрали в этом вертепе.

Игроки угрожающе зашумели:

— А ты кто такой?

— Такой же, как вы, золотоискатель.

— А если такой, не учи. Много вас найдется, учителей.

— Что с ним валандаться? — гудел чей-то бас. — Засветил ему звезду в ухо — и разговору конец!

— Спокойно, братцы, — вмешался «культурный деятель». — Зачем громкие фразы? Надо тихо-благородно. Вы, может, милостивый государь, пожелаете сгонять партийку? — он выразительно щелкнул колодой карт.

Розов пропустил мимо ушей ехидное предложение «деятеля». Врач надеялся, что люди поймут его и поддержат, если им все объяснить. В конце концов азартная игра выгодна лишь горстке счастливых или явных шулеров, что всего возможнее. Большинство же старателей страдает от пагубной страсти к картам. Как только им получше все растолковать?

— Господа! — начал Розов.

— Тут господ нет! — визгливо закричал кто-то.

. — Проваливай откель пришел!

Из темноты избы к врачу вплотную подошел квадратноголовый. Его медвежьи глазки были злобны. Он положил тяжелую руку на плечо Розову и сказал свистящим шепотом:

— Уходи, барин. Не лезь на рожон...

Весь кипя от негодования, Розов шагал в темноте, не разбирая дороги, спотыкаясь о какие-то пни и кочки. Когда Розов, по его расчетам, поравнялся с зимовьями,

в которых жили золотоискатели-китайцы, он ясно услышал сзади шаги человека. Врач остановился. Никого. «Пустяки», — подумал он и двинулся дальше. Но не прошел и десяти шагов, как от удара чем-то тяжелым по голове потерял сознание и рухнул на снег...

Не знает врач, сколько пролежал в бесспамятстве, а очнувшись, не сразу припомнил случившееся. Лежал он на нарах в зимовье. Ярко горели две свечи. На голову чьи-то заботливые руки укладывали мокрую тряпку.

— Где я? — спросил Розов, пытаясь приподняться. Голова болела, в ушах стоял неприятный звон.

— Лежи, тебя покой надо, — торопливо проговорил знакомый голос с китайским акцентом. — Лежи, твоя у Лю и Вана, друзья.

Осмотревшись, Розов увидел около себя Лю, Вана, Игната, Одноглазого. Были здесь и Гошка с Рублевым. Лица у всех встревожены. Теплая волна подошла к сердцу Розова. Он был до слез растроган таким вниманием товарищей.

— Жив, значит, — радостно пробасил Игнат. — Ну, теперь вижу, должен ты, паря, оклематься.

Заметив, что Розов хочет все же подняться, Игнат протестующе затряс головой и прижал врача огромной своей ручищей к постели.

— Не дури, паря! В силу войди, потом вставай, а то повредишь что в голове. А мы-ка пойдем все к домам.

— Посидите, поговорим. Я ведь врач, Игнат. Я знаю, что голова моя в порядке, только оглушили меня немного, а так — кости целы, и кожа не поранена даже.

Ночь еще чернела за окном. Лю угостил всех чаем в маленьких фарфоровых чашках. Приятели врача выражали возмущение предательским поступком неизвестного. Укоряли и Розова, что пошел в позднее время один к незнакомым людям.

— Вы наивны, извините меня, — сердито сказал врач Рублев. — К кому вы обращали ваши филантропические речи?. К волкам!

— Не все там были волки, дорогой, — мягко возразил Розов. — Вы знаете, что говорил на этот счет Руссо?

— Не читал, только слышал о Руссо. Но это не меняет дела.

— Погодите. Руссо знать следует. Великий француз сказал, что человек по природе своей добр и непорочен.

И если он падает в нравственном отношении, то вина здесь в политическом строе.

Розов начал рассказывать о Руссо, о его идеях воспитания человека. Хотя Розов употреблял слова и термины, непонятные для таких людей, как Игнат и Одноглазый, слушали его внимательно.

— Видать, душевный был человек, — вздохнул Игнат, когда Розов кончил рассказывать. И, помолчав, добавил. — А одному-то ходить к варнакам не надо было.

Гошке давно хотелось вставить слово. Он нетерпеливо ерзал на месте и рассеянно улыбался, обдумывая свое. И как только наступила пауза, он торопливо сказал, обводя всех озорными глазами:

— Я знаю, кто доктора стукнул. Никто, кроме его, не мог. Еще в прошлой драке из-за Новиковых я видел, как он, убивец-то, замахивался ломом на доктора. Так что поймать варнака и всыпать ему.

— Нельзя мстить по одному подозрению, — укоризненно отозвался Розов.

— Это так, — согласился Игнат.

— Закон должен быть, — вздохнул Лю.

Одноглазый взглянул на Лю и сказал с горечью:

— Закон, говоришь? Вот он у русского мужика закон где сидит, — похлопал себя Одноглазый по затылку ладонью. — Закон! Сказал! — И, оживляясь, договорил. — Эх, да мы здесь что живем? Вольно живем! Не видим стражника, исправника, станového не видим. Помещик не бьет нас по морде, в волостном правлении не секут за недоимки, писаря не грабят. Разве не счастье так вот жить, как птаха вольная: захотел — лети, захотел — отдохай на ветке зеленой. А ты говоришь — закон! Кандалы для человека те законы.

— Закон нужно, — настойчиво повторил Лю.

Розов с любопытством ожидал, чем кончится спор.

— Закон придумали богатые, помещики, князья, — горячился Одноглазый. — Потому законы и во вред народу. Вон Руссо-то, что говорит?

— Руссо не против законов, — заметил Розов. — Нужны справедливые законы обществу.

— Сначала тогда требуется помещиков всех изничтожить, прихвостней ихних, — Одноглазый зло скрипнул зубами.

— У нас так было, — заговорил до сих пор молчав-

ший Ван. Глаза его, безразличные ко всему и словно сонные, сейчас вдруг вдохновенно засверкали, спина выпрямилась. — На юге великий Хун Сю-цюань поднял бедных людей на борьбу с мандаринами, с богатыми помещиками. Великие помощники были у Хун Сю-цюаня — доблестные мужи Ян Сю-цин, Ли Сю-чен, Ши Да-кай. Они собрали большое войско, заняли много городов и образовали государство Тянь го.

— «Небесное государство», значит, — помогал Лю. Он с восхищением смотрел на Вана, подсказывал другу, говорившему по-русски с трудом, русские слова, переводил невольно вырывающиеся у рассказчика китайские слова.

— Не на небе, на земле захотели люди сделать Тянь го, — говорил Ван, раскачиваясь корпусом крепкого тела. — Еще называлось новое государство Тайпин.

— «Великое благоденствие», — пояснил Лю.

Ван рассказывал, как могучее движение простого народа потрясло Китай в течение полутора десятилетий, как укреплялось изо дня в день Тайпин тянь го. Вся помещичья и монастырская собственность была конфискована, а помещики перебиты.

— С такими законами я согласный, — не утерпел Одноглазый, жадно слушавший сбивчивую речь Вана.

Ван поведал, что земля, согласно законам тайпинов, делилась по едокам. Крестьяне объединялись в общины. Каждая община была обязана совместно обрабатывать землю. К общине прикреплялись ремесленники. Женщины ткали, шили платья. В городах выдавались пайки: городской люд, организованный в отряды, работал бесплатно и получал паек. Работать должны были все граждане тайпинского государства. В армии тайпинов была строгая дисциплина. Грабежи не допускались. Многие предметы роскоши уничтожались, чтобы покончить с тем, что отличало богатых от бедных. Мебель жгли, жемчуг толкли в ступе и высыпали в реку.

— Их ты! — восторженно восклицает Гошка.

Печально звучит голос Вана, когда он говорит о конце тайпинского государства. Виной этому — черная измена богатых участников восстания. Один из вождей тайпинов был помещик Вэй Чан-хой. Он предал войскам богдыхана лучшего полководца тайпинов Ян Сю-цина. Ян был убит. И было еще много измен. Жестоко

расправились ненавистные китайскому народу маньчжурские власти с участниками тайпинского восстания. Море крови было пролито. Многие доблестные люди заплатились жизнью.

— А что с главным вождем стало, поймали его? — спросил Гошка.

— Хун Сю-цюань не дался врагам в руки. Он проглотил золотую острую пластинку и умер, — ответил за Вана Лю.

Пораженные услышанной историей, русские долго молчали.

— Ты откуда все так знаешь про тайпинов? — спросил Гошка у Вана.

— Я сам четыре года был в армии тайпинов, — ответил тот. И все невольно взглянули на него — свидетеля и участника многих славных битв против богатых, гражданина Тянь го...

Незаметно подкрался рассвет. На улице послышались шаги и говор людей. Расходились по домам молча, коротко прощаясь. Ушел в свое зимовье и Розов, сопровождаемый Рублевым и Гошкой.

— Вот тебе и китайцы. Я-то думал — покорный народ, всего боится. А они на богдыхана пошли. Помещик тот — сволочь. Зря они с помещиком-то связались. Он их и продал.

Розов с улыбкой слушал рассуждения Гошки и смотрел, как разгорается на востоке заря, окрашивая бледное небо в нежно-розовый цвет. Начинался новый день.

Пассажиры шхуны „Альбатрос“

Капитан и владелец шхуны «Альбатрос» Джон Хопкинс — старый опытный моряк, настоящий «морской волк», посевший в многолетних плаваниях по морям и океанам. Но последний, крайне рискованный рейс из Сан-Франциско в далекий русский порт Владивосток сделал его раздражительным. Вот и сегодня очень волнуется старина Хопкинс, опасаясь за сохранность своей быстроходной шхуны. Владивостокская бухта Золотой Рог покрылась молочно-белой завесой тумана, и судно приходится вести вслепую, непрерывно трезвоня в колокол.

— Джо, смотри в оба! — покрикивал иногда капитан матросу, стоявшему на носу.

Но все обошлось благополучно. Вскоре ветер разогнал туман, и шхуна, войдя в бухту, бросила якорь. Хопкинс облегченно вздохнул, отдал приказание спустить шлюпку, а сам угловатым старческим почерком записал в судовой журнал: «12 мая 1884 года прибыл в порт Владивосток. До 11.00 в бухте Золотой Рог стоял туман. Больных среди членов экипажа и пассажиров нет».

Написав слово «пассажиров», Джон Хопкинс скупо улыбнулся. За недели странствования с этим сбродом он-то узнал, что это за пассажиры! Многим из них давно пора на виселицу. Остальные заслуживают по меньшей мере длительного тюремного заключения. Там, во Фриско, Хопкинс видел, какой народ принимает на борт. Но все же пассажиры превзошли все его предположения. Всю дорогу эти бандиты грызлись между собой, как собаки, играли в карты и кости, не раз пускали в ход ножи. Больных среди пассажиров нет, но двоих, не подавших признаков жизни после очередной поножовщины, пришлось выкинуть в океан еще на пути к Гонолулу. У берегов Японии молодцы, перепившись, решили, что обойдутся без капитана и намеревались выбросить за борт Хопкинса и весь его экипаж. Самообладание Хопкинса и помощь вставших на его сторону пассажиров Карла Фассе, Дэна Келлена, Джонни Апрайта спасли капитана и матросов от смерти. Его неожиданные сторонники оказались вооруженными кольтами и по очереди сторожили судно.

После стольких передраг понятно, с какой радостью ссаживал старина Хопкинс своих пассажиров в незнакомом русском порту. Он и сейчас толком не знал, зачем понадобилось этим парням ехать в такую даль, чтобы быть повешенными за преступления или убитыми в обоюдной драке. Правда, если верить спокойному и рассудительному немцу Карлу Фассе, то все они едут добывать золото на неведомую реку Желтугу. Экий варварский язык! Никак не выговоришь первую букву, как это делает Карл Фассе, ловко разговаривающий по-русски. Поэтому к нему и льнут некоторые пассажиры. Но Фассе разборчив в выборе товарищей. Он принял под свое покровительство только четверых: ирландца Келлена, американцев Джонни Апрайта, Уинка Восткотта и

Джорджа Блэнка. Неожиданно, уже при высадке, группа Фассе пополнилась еще одним человеком. Матрос шхуны молодой француз Пьер Традью, сдружившийся с ирландцем Келленом, решил покинуть судно и тоже идти искать счастья на далекую реку. Он объявил о своем намерении капитану.

— Ну что же, мальчик, — подумав, промолвил капитан Хопкинс, — иди, я не могу тебя держать. Но из жалованья я вычту у тебя неустойку. Контракт есть контракт.

А когда последний пассажир покинул шхуну, Джон Хопкинс шумно вздохнул, словно свалил с себя гору, и хрипло рассмеялся.

— Ну и типы, скажу тебе, — обратился он к помощнику.

— Да, сэр. Не хотел бы я с ними встретиться еще раз, — ответил тот.

Небрежный осмотр документов, и пассажиры Хопкинса разбредаются по узким крутым улицам города, ища пристанища. Во всей толпе американцев одному Фассе понятен был язык русских. Да и на земле этой не совсем чужим считал себя Карл Фассе.

Родился Карл Иоган Фассе в семье прибалтийского немца, владельца булочной. С детства Карл отличался честолюбивыми замыслами. Отец одобрял его мечты стать богатым, ученым человеком. Карл старательно учился. Он закончил горный институт в Петербурге и стал инженером. Теперь перед молодым человеком открылись большие возможности. Так думал старый Фассе, так думал и сын его Карл. Он едет на Урал на государственный железоделательный завод. Но не долго здесь работает Карл Фассе. Он участвует в неблагоприятном деле: неудачно сбывает краденое у казны железо. Кто-то не получил взятку, и Карлу с сообщниками грозит тюрьма. Фассе бежит за границу. Во многих странах побывал он. В поисках счастья Фассе попадает в Америку, в Калифорнию, вот уже несколько лет привлекавшую внимание таких, как он, искателей. Здесь после некоторых неудач судьба опять становится благосклонней к Карлу. Подолбив кайлой крепкую калифорнийскую землю, Фассе решает, что добывать золото легче иным путем. Он становится разведчиком новых месторождений. Знание геологии помогает ему. Пользуясь невеже-

ственностью большей части старателей, Карл Фассе облекает поиски россыпей в мистическую форму. Он ходит в разведку с магической еловой палочкой, которая в нужных местах указывает, где залегает в земле драгоценный металл. Труд Фассе щедро вознаграждается. Но не такой он человек, чтобы довольствоваться хорошим доходом. Надо иметь высокий доход. Фассе бродит по приискам и вкладывает все свои деньги в очень выгодное предприятие по скупке земель в предполагаемых местах постройки железной дороги у одного из городов Калифорнии. В бешеной схватке железнодорожных магнатов лопались, как мыльные пузыри, аферы мелких хищников, вроде Фассе. Сбыв свои участки за бесценок, Фассе намеревался поступить на службу к какому-нибудь капиталисту, но тут услышал от соотечественника-немца, проездом остановившегося в Сан-Франциско, о россыпях Амурской Калифорнии. Он решает ехать в Россию немедленно.

...Остановились в переполненной гостинице «Золотой Рог». В буфете Карл Фассе заметил на столе газеты, С любопытством развернул он первый попавшийся номер. «Владивосток» — называлась газета, «год издания первый». Просмотрел объявления на первой полосе, статью о планах строительства железной дороги в Сибири, об итогах работы постоянной пароходной линии Одесса — Владивосток. Одна короткая заметка особенно заинтересовала Фассе. Он внимательно прочел ее, вникая в каждое слово. В заметке передавалось содержание беседы с господином Келлером, представителем Гамбургского торгового дома Диксон и К^о. Он сообщал, что дом Диксон и К^о успешно ведет торговлю в Приамурье. Выгодными клиентами дома являются торговцы Желтугинских приисков, население которых продолжает непрерывно возрастать.

Все сообщения о Желтуге Фассе прочел по несколько раз. Наиболее тщательно он изучил корреспонденцию, в которой было сказано, что в Амурской Калифорнии старатели добывают по пятнадцать золотников металла на сто пудов песку.

— Черт возьми! Совсем не так уж плохо! — воскликнул Фассе. — Даже если и несколько преувеличено.

— Я начинаю надеяться, что мы не зря болтались

столько дней в вонючей лохани этого безмозглого Хопкипса, — сказал Джордж Блэнк.

Остальные тоже высказали свое удовлетворение. Значит, есть такая Калифорния.

В другой заметке говорилось: «Нам сообщают из Нерчинска. Доброжелатели городского головы Переломова просили от мешанской управы бумагу об отпуске им ярицы (из городского хлебозапасного магазина) якобы на посев, но сами намеревались употребить ее на прокормление партии, снаряженной ими в Игнашинскую Калифорнию. Городской голова в их просьбе отказал, пояснив отказ тем, что просители хлебопашеством не занимаются, а для спекуляции же отпуск хлеба не производится».

Сообщения о Желтуге подняли настроение у Фассе и его попутчиков. Приобретя все необходимое, американцы наняли подводы и отправились в путь. Больше всех было вещей у Бланка. Он вез из Сан-Франциско три увесистых кожаных чемодана, ревниво охраняя их всю дорогу. «Уж не золото ли тащит на Амур Джо», — посмеивались товарищи над Бланком. Он огрызался. Узколобый, со злобными и красными, как у кролика, глубоко посаженными бегающими глазами, с узким сухим ртом, Блэнк очень скоро стал вызывать отвращение к своей особе. Золотоискатели редко обращались к нему с просьбами и смеялись над ним реже. Люди грубые, даже они не одобряли лютой жестокости, которая часто из-за пустяковой ссоры вспыхивала в глазах Бланка.

Зато общим любимцем компании был двадцатидвухлетний француз Пьер Традью. Жизнерадостный и общительный, прямодушный и честный, Пьер напоминал этим людям, что и они были когда-то юными и чистыми. И это делало их более сдержанными. Пьер без конца распевал парижские песенки, в который раз принимался рассказывать о том, как он из Марселя попал в Сан-Франциско. И никому не надоедала в новой интерпретации история Пьера.

Очень далекие от всего, что не касалось золота, наживы, золотоискатели все же невольно поражались величием природы Уссурийского края. Бескрайняя тайга, горы, полноводные реки. И очень редкие поселения человека. Осматривая от комля до вершины огромные

деревья, путешественники только посвистывали, качая головами.

По ночам их не раз пугало зловещее «мяуканье» тигра, вышедшего на охоту. Видимо, в этих таежных пустынных местах он считал себя полновластным хозяином.

— Мало приятного быть слопанным такой кошкой накануне достижения цели, — ворчливо жаловался Блэнк, больше других трусивший при ночных серенадах тигра.

Потом плыли по Уссури до Хабаровки на китайской фелюге. Затем пересели на пароход, выпросив у жителей Хабаровки подробности о пути на Желтугинские прииски. Группу Фассе догнали многие их спутники по шхуне «Альбатрос». Как и в океане, калифорнийские золотоискатели и аферисты продолжали азартные игры и драки, вызывая возмущение русских. Нескольких особо заядлых озорников капитан высадил на пустынный берег, несмотря на ропот их приятелей.

В облике поселка Желтугинских приисков Карл Фассе нашел много общего с такими поселками в Калифорнии. Там они возникали, как грибы, и потом пустыли, разрушались так же стремительно, когда истощались вблизи золотые россыпи. Печать временности лежала и на каждом зимовье поселка, окрашенном охрой балагане, больших бревенчатых домах-гостиницах. Назывались они «Тайга», «Марсель», «Беседа», «Калифорния». День был воскресный, и на Орлином поле, куда добрались, отыскивая пристанище, американцы, было многолюдно. Принарядившиеся в чистые рубахи старатели шумно играли в орлянку, молодежь с треском выбивала «битой» сложные построения «городков». В стороне шел оживленный торг на местном базаре. Жители ближайших сел, русские и китайцы, навезли сюда мяса, муки, овощей, картофеля, всяких других крестьянских припасов. Не торгуясь, брали старатели продукты, отсыпая золотой песок в ладони торговцев спичечным выверенным коробком. Но не все покупали. Между рядами ходили оборванные неудачники, пяля голодные глаза на хлеб, сало, соображая, как бы украсть, что плохо лежит.

Фассе и его друзья, посоветовавшись, направились к гостинице «Калифорния», предполагая, что ее хозяин-американец. Они и прошли бы поле незамеченными, если бы не встретился пьяный, огромного роста бородастый

детина в рубахе распояской. Он встал перед Фассе и спросил:

— Кто такие будете?

— Мы американцы, — ответил Фассе.

— Мериканцы? Хошь — по морде смажу.

Фассе невольно оглянулся на товарищей. Ирландец Дэн Келлен сообразил по жесту русского, что тот собирается ударить их жоака. Он заслонил Фассе своим телом. Келлен был рослый малый и знал толк в боксе. Ловко увернувшись от удара русского, Дэн стукнул его в подбородок. Клацнув зубами, детина сел на землю. Очнувшись, он удивленно посмотрел на ирландца, потрогал подбородок и сказал миролюбиво:

— Молодец, хорошо драться умеешь!

Хозяин гостиницы и верно оказался американцем. С большим трудом удалось найти у него на время угол для спанья.

— Стройте зимовье, — посоветовал он, — или купите. Будет стоить рублей двести. Почти фунт золота...

Владелец гостиницы охотно рассказал Фассе о принципах и организации работы артелей на прииске. Все работы, говорил он, производятся на правах артельной и только отчасти индивидуальной собственности. Каждому вступающему в артель вменяется в обязанность производить работу наравне со всеми. Золото ежедневно делится поровну. Новый член может быть принят только с согласия всей артели. Каждый желающий оставить товарищество обязан предложить свой пай прежде всего артели, которая оплачивает его стоимость. Если артель не желает купить продаваемый пай, обладатель такового имеет право продать его любому лицу за произвольную цену, и артель не может отказаться от принятия в свою среду нового владельца.

Фассе внимательно слушал все эти неписанные правила золотоискателей Желтугинских приисков, переспрашивал, уточняя детали.

— Могу ли я надеяться на успех дела здесь? Есть ли хорошие участки?

Хозяин гостиницы ответил на этот вопрос не сразу. Только после некоторого колебания он сказал:

— Чтобы иметь успех, вы должны обратиться за советом к самым авторитетным на прииске людям — русским Игнату Неродову, доктору Розову, китайцам Лю и

Вану. Ей-богу, если вы им понравитесь, то удача будет вам сопутствовать.

По тону, каким были сказаны эти слова, и злобным искоркам, сверкнувшим в глазах хозяина гостиницы, Фассе понял, что его собеседник не очень-то пользуется расположением могущественных золотоискателей.

— Они тут вроде законодателей, — проворчал он.

Не откладывая, Фассе в тот же день встретился с указанными лицами. Бурная жизнь научила Фассе разбираться в людях. Он нашел доктора Розова, Игната, Вана и Лю людьми достаточно энергичными, умными. И быстро понял, на чем держится их авторитет. В этой стихийно организовавшейся большой группе людей они служили сдерживающей нравственной силой.

— Вы пробыли на приисках уже больше полугода. Неужели мало еще намыли золота, что не собираетесь покидать эти места? — осведомился Фассе у Розова, сидя у него в зимовье.

— Мне некуда особенно спешить, — ответил Розов. — По ряду причин я не очень приветливо буду встречен в России. Как говорят желтугинцы, как только перейду Амур, то сразу наскочу «на бляху».

— Вас заберет полиция! — рассмеялся Фассе. — Политика?

— До некоторой степени, — уклонился Розов.

Прощаясь со своими новыми знакомыми, наделившими его множеством ценных советов, Карл Фассе понял, что и он произвел впечатление человека порядочного, знающего цену своему слову, человека, не лишнего так нужного в обстановке приисковой жизни демократизма, терпимости к людям, умения быстро сходить с ними.

С помощью своих новых знакомых Фассе через пару дней купил пай у одного из старателей артели Степана Конева, заплатив ему очень скромные «отступные» — двести рублей. В лавке на Орлином поле Фассе приобрел необходимый инвентарь и вышел на работу. Он стоял перед Степаном, готовый к выполнению его приказаний.

— Работал когда на золоте? — спросил Конев, придирчивым взглядом оценивая физические качества нового золотоискателя.

— Да, приходилось, — коротко ответил Фассе.

Такой ответ понравился Степану. «Не хвастун, не балаболка, — подумал он, — а на деле испытаем».

Фассе поставили разрабатывать самую трудную яму. Ее заливало подпочвенными водами. Немец видел, что яма эта бросовая и артель от нее давно отказалась, но ничем не показал своего неудовольствия. Он добросовестно долбил землю, еле вытаскивая ноги из грязи. Вода сочилась со стен, и по вечерам Фассе вылезал из ямы мокрый с ног до головы. Но был он по-прежнему весел, приветлив со всеми.

Через неделю Степан Конев, видимо, решил, что Фассе успешно выдержал испытание, и перевел его в сухие ямы. За это время старатели заметили, что немец хорошо знает горное дело, и прониклись к нему еще большим уважением. Выходило по всем статьям: немец не будет артели обузой, а станет равным работным человеком.

Фассе мало интересовала судьба остальных его спутников, — он предоставил им устраиваться как угодно. Все они разбрелись по другим артелям. Только Джордж Блэнк не думал братья за кайлу. Он нанял китайцев, и те быстро соорудили ему на Орлином поле вместительную глиняную фанзу. Блэнк открыл в ней игорный дом, ознакомив желтугинцев с рулеткой и другими замысловатыми азартными играми.

Как-то, проходя вечером с прииска Орлиным полем, Карл услышал свое имя, произнесенное громко хрипловатым голосом. Немец обернулся. У дверей фанзы стоял Блэнк и звал его рукой к себе.

— Ты что ж, старина, забываешь приятелей? — сказал Блэнк, скаля зубы. — А ну, заходи в мой монастырь.

В фанзе, несмотря «а неурочное для безделья время, толпилось много народу. Шла игра в рулетку. Толстый человек с круглой плешью, с поросычьими белыми ресницами, одутловатыми щеками, перекрывая галдеж игроков, выкрикивал что-то, видимо руководя игрой. Блэнк, по-хозяйски забравшийся за высокую стойку буфета, сказал, мотнув головой в сторону плешивого:

. — Мой крупье. Парень далеко не ангел, но знает хорошо свое дело, как знает его Блэнк.

— Но ты, кажется, терпел крушение на этом судне, там, в Америке, — заметил Фассе.

— Если бы люди боялись кораблекрушения, то не ездили бы по морю, — отозвался Блэнк.

—Я не берусь учить тебя, но все ж смотри, не торопи фортуна, не зарывайся, — сказал Фассе, отказываясь от настоящего виски.

— Не беспокойся, старина. Блэнк знает, что делает, — самодовольно ответил хозяин первого в Желтуге игорного дома.

Послы

Вскоре после того как Карл Фассе купил пай в артели Конева, он начал знакомиться с местностью. В свободные часы он вымеривал своими журавлиными ногами долину Желтуги и примыкающих к ней распадков, тщательно изучая геологическое строение почв. И каждый раз Фассе все более убеждался в необычной золотоносности долины. Он открыл много новых участков, не пробивая шурфов. В намеченном Карлом месте копали шурфы. И верно, не врал немец! Пески оказывались богатыми.

— Слово знает, — говорили про Фассе золотоискатели.

А тот и не пытался их разуверять, считая даже выгодным для себя такое мнение. Постепенно дела Фассе пошли в гору, у него появилось золото. Три пая сумел приобрести себе Фассе за короткий срок. Он сам почти не работал кайлой и лопатой, нанимая за себя поденщиков, благо таких становилось все больше на прииске. Знания Фассе высоко ценились желтугинцами. Он определял золотоносные участки, помогал строить водяные колеса, плотины, бутары и вашгерды. Вместе с Игнатом, Розовым и Ваном немец принял деятельное участие в разоблачении мошенничества скупщиков, умышленно занижавших пробу желтугинского золота. Одним словом, Фассе пользовался авторитетом у русских, китайцев и немногих американцев. Последние, плохо знавшие русский и китайский языки, прибегали к посредничеству Фассе в спорных делах.

А вот сегодня дотошный Карл Иванович выбрал удачное место для артели Степана. Старатели, чтобы отблагодарить ученого человека, пригласили Фассе в ресторацию гостиницы «Тайга».

— Ты же знаешь, мистер Конев, я не пью вина, — отказывался Фассе.

— Так ведь и я его в кои веки раз пью. Нет уж, пойдем, Карл Иванович, не обижай старателей. Не пей, — за столом посиди. Такой русский обычай.

— Ну, если только ради обычая...

В субботние вечера шумно было на Орлином поле, которое обступили разные увеселительные учреждения, бани, пекарни, магазины. Сегодня здесь раздавались звуки оркестра, гармошек, протяжные песни подгулявших старателей. У дверей одного кабака дрались пьяные.

В ресторации гостиницы «Тайга» гул десятков голосов покрывал дребезжащие звуки вконец расстроенных клавикордов, на которых что-то выбивал молодой парень с давно небритым подбородком. В густом табачном дыму тускло горели лампы-молнии. Зоркий глаз хозяина заметил новых посетителей. Он вышел из-за стойки и усадил за стол Степана, Фассе, Петра, Одноглазого и Рублева, пришедших «обмыть» удачу. Середкин побаивался их всех, особенно Одноглазого. Как и другие купцы, он заискивал перед людьми, которые пользовались влиянием в этом неустойчивом мире Желтугинских приисков, где у тебя безнаказанно могут отнять все твои барыши и управы не найдешь!

Вежливо поддерживая ленивую беседу, Карл Фассе зоркими глазами следил за происходящим в зале. Дверь хлопнула. Вошли Джордж Блэнк и Пьер Традью и направились прямо к стойке. Блэнк заметно навеселе. Он с силой хлопал ладонью француза по плечу и что-то рассказывал, хохоча во все горло. «Мало ему своего виски, притащился в чужой ресторан, — подумал неприязненно Фассе. — А малыша Пьера надо от него оградить».

Коршуном посматривает на своих клиентов Середкин, поглаживая густую бороду. Половые во фраках и белых перчатках (знай наших!) проворно бегают с подносами. Даже шута своего имеет Середкин — старика Новикова, спившегося после смерти сына. Новиков потешает старателей, искусно подражая пению петуха. По требованию Блэнка старик пытается станцевать, неуклюже топчась посреди зала.

— Кто так танцуй! — свирепеет Блэнк, выпучив глаза. Он трясет пальцем перед носом старика. — Ты есть

больван. Иван — больван. Ха-ха! — смеется Блэнк, довольный своей остротой.

В затемненном углу за столом сидят трое. Двое из них — очень юные старатели, третий — лет тридцати. Все они с заметным волнением наблюдают, как американец издевается над стариком. Один юноша с большими темными глазами порывается встать. Брови его гневно изогнулись. Но товарищи удерживают его.

А Блэнк не унимается. Он тычет старика в грудь, потом хватает со стола горчицу и под одобрительные крики некоторых зрителей густо мажет ею лицо несчастного. Юноша, сидящий в углу, вырывается из рук друзей и, подбежав к Бланку, хватает его за плечо.

— Мерзавец! Не смей обижать старика! — гневно кричит он.

Зал притих. Блэнк от неожиданности выронил горчичницу на пол, но, увидев перед собой слабого юнца, сразу оправился.

— Ценю твое благородство, щенок. Но я должен тебя проучить.

Блэнк с силой сорвал войлочную шляпу с юноши. Две толстые русые косы, скрытые шляпой, упали на плечи юноши. Все ахнули от удивления. Это была девушка, одетая в мужское платье.

— Машенька! — вскрикнул Новиков, упал на колени перед дочерью и, обняв ее, заплакал. — Зачем ты сюда, погубят тебя здесь. Звери тут...

Блэнк схватил старика за воротник и швырнул в сторону.

— Извините невежу, леди. Виски, хозяин! — крикнул он. — Надо угостить красотку. Она пришла к нам погулять, а не слушать дурацкие слова старика.

Девушка дрожала от негодования, не зная, что ей делать. Она беспомощно обвела взглядом лица людей: они все казались сейчас страшными. Девушка попыталась вырвать руку из липкой ладони Бланка.

— Это Маша! — громко произнес Рублев.

Собеседники с удивлением взглянули на него. А Рублев уже вставал, и лицо его налилось кровью от душившего гнева. С Машей Рублев познакомился в прошлом году летом в саду на танцах. За недолгие встречи Рублев успел полюбить девушку. Он уже собрался по договоренности с ней представиться отцу и брату, как од-

нажды получил от нее записку, гласившую, что семья Новиковых выехала из Благовещенска. И сейчас Маша здесь, в таком месте, среди грубых людей! И этот наглый американец... Роняя на пути стулья, Рублев прыгнул к Блэнку и схватил его, стараясь отстранить от Маши.

— Оставь девушку, негодяй! — прорычал Рублев.

Блэнк ловко увернулся и наотмашь ударил Рублева по голове кастетом, который никогда почти не снимал с левой руки. Рублев упал на пол, увлекая за собой скатерть с соседнего стола. Со звоном посыпалась посуда.

— Еще кто хочет приказывать мне? — заносчиво спросил Блэнк, поглаживая рукоятку кольца, засунутого за широкий пояс.

— Я прикажу, — спокойно сказал Одноглазый. Он подошел к американцу, неторопливо взял его могучей

рукой за шиворот и молча вышвырнул на улицу. Потом он поднял Рублева и подвел к своему столу. Рублев уже пришел в себя, стер кровь с лица и смотрел во все глаза на Машу, обнимавшую всхлипывающего отца.

— Надо оберечь девку, — сказал Одноглазый. — Место у нас действительно неподходящее, хотя и не все тут звери. И с жалостью есть люди.

Степан и Фассе поддержали Одноглазого. Решили проводить Машу с отцом в зимовье Коневых. Вскоре Новиков с дочерью, сопровождаемые Фассе и Рублевым, ушли. Девушка искала взглядом покинутых ею двух друзей, сидевших в затемненном углу. Но их там уже не оказалось.

Петька был потрясен случившимся. Он вспомнил о своей Уле и приуныл. А что если неугомонный ее батька опять сватает дочь? Может, уже засватал, выдал замуж. Осенью-то всегда в Игнашино свадьбы играют. Тоска засосала сердце парня...

После света ламп-молний на улице темень — глаза выколи. Недалеко падает свет от тускло освещенных окон домов. Огибая угол гостиницы, Петр услышал тихий девичий голос, очень ему знакомый:

— Остановись, Петя!

— Кто это? — с суевренным страхом спросил Петька.

— Это я, Петя, Ульяна, — и женские руки обвили шею Петра, ошалевшего от неожиданного счастья.

— Да как ты решилась, глупая! — горячо шептал на ухо Уле Петька. — На прииске строго-настрога запрещено появляться женщинам. Ты что, сгубить себя и меня хочешь?

— Не могла я, видеть тебя хотела, — смеялась и плакала на плече парня Уля.

— Опять, что ли, засватали тебя? — встревожился Петька.

— Молчит папаня о свадьбе. Просто взглянуть на тебя захотела. Переделась в мужское и пришла. Тут ведь не так далеко. Маша еще меня подговорила. Она приехала со мной, отца искать. Бедовая Маша, страсть! Еще сродный брат Никита ехал с нами. Он Середкину товары вьючно доставляет. Так что ехали хорошо, не опасно. Людно было. Все свои.

Петька спрашивал о новостях в станице и с жадностью слушал сбивчивый рассказ девушки. Они незамет-

но дошли до зимовья Коневых и присели на бревно, валившееся на земле позади избы.

— Смерзла?

— Тепло мне, — прошептала Ульяна. И, вдруг заплавав, сказала: — Совсем пришла, Петя. Не могу ждать, тятенька грозитя увезти меня в Покровку к тетке. Видать, думка есть у него засватать меня снова. Пропаду я, горемычная.

Петька растерянно слушал признания Ульяны, и в голове звенела мысль: «Как быть?» Оставаться Уле на приисках нельзя, об этом и думать нечего. Надо ей вернуться домой. Нет еще у Петра такого капитала, чтобы сватать. Да и согласится ли отец? Он крутой мужик. А чтобы бежать в Благовещенск, например, как раньше порешили, — деньги большие нужны. Будут деньги! Пусть держится Уля.

— Может, и не придется бежать, — улыбнулась Уля, перестав всхлипывать. — Лавочник-то кривой по всему Амуру раззвонил, что я с варнаками связалась, что, мол, за эту девку даже просто убить могут. А отец злится, аж зубами скрипит...

На другой день рано утром громкий стук в дверь разбудил Карла Фассе. Натянув сапоги и набросив на плечи куртку, он открыл дверь. За порогом стоял крижистый старик с лохматой нечесаной бородой. Он пома-нил Фассе пальцем:

— Выдь на минуту, Карл Иванович. Поденщик твой, Елисей, помирает. Просит прийти, передать что-то надо.

Карл Фассе отправился за стариком. Недалеко от гостиницы «Калифорния» стояло на задворках убогое зимовье, сплетенное из прутьев и обмазанное глиной. Фассе приподнял рогожу, заменявшую дверь, и неволь-но отшатнулся: в нос ударил тошнотворный запах.

— Цинга, — заметив движение немца, сказал ста-рик. — Лютая болезнь.

Да, это была цинга. За последние месяцы на Желту-ге участились случаи заболевания. Сказывался недоста-ток овощей, однообразное скудное питание. Освоившись с полумраком, царившим в зимовье, Фассе заметил Ро-зова, сидевшего на нарах с противоположной стороны больного.

— Пятый случай цинги, — кивнул Розов на стонавшего Елисея.

— Болезнь путешественников на Север, — сказал Фассе.

— И золотоискателей, — добавил Розов. — Цинга — ничего. Тиф появился, это хуже. При таком скоплении народа может быть большая беда.

Больной открыл воспаленные глаза и, увидев Фассе, прохрипел с трудом:

— Золото мое, что за тобой, жене... Под изголовьем... адрес... Пошли, Карл Иванович, как отца прошу...

Фассе заверил больного, что отошлет золотой песок. Когда больной уснул, Карл вышел из зимовья вместе с Розовым.

— Обязательно нужна больница. Никто не гарантирован от болезни, — заметил врач.

— А имеет ли смысл? Здесь же всё временно. Да и кто возьмется открыть больницу? Потребуется деньги, обслуживающий персонал.

— А вот вы и возьметесь. Соберите деньги, я найду фельдшера, прислугу. Наконец, смотрителем лазарета соглашусь быть.

Пошевелив кустистыми бровями и крючковатым носом, что свидетельствовало об усиленной работе мозга, Фассе дал согласие.

— Хорошо, возьмемся. Да, да, — заметив недоверчивый взгляд Розова, подтвердил немец. — У меня в podobных делах имеется кое-какой опыт. Вот увидите — будет больница, если за дело взялся Карл Иоган Фассе. Пойдемте-ка ко мне, побеседуем.

Но им помешали. По Миллионной, обходя невыкорчеванные пни, быстро шагали Игнат Неродов и Одноглазый. Сзади шел Ключин. Лица Игната и Одноглазого были серьезны и озабочены. Ключин же по обыкновению саркастически улыбался.

— Карл Иванович, беда! — заговорил Игнат здороваясь. — Китайские офицеры пришли сюда. У меня в зимовье пока ожидают. Трое их. Говорят, что их послал к нам цзянь-цзюнь, губернатор ихней Хэйлуцзянской провинции. Наказывал, чтобы все русские и прочие иностранцы немедленно покидали Желтугу. В противном случае придет, говорит, большое войско — и прииски будут разгромлены.

Черт побери! Известие не из приятных. Только что начали налаживаться дела — и бросай все, уходи.

Фассе растерянно посмотрел на Розова. Тот был спокоен. Он-то давно ожидал такого ультиматума.

— Надо сперва поговорить с этими послами, — сказал Розов. — Веди нас, Игнат.

По дороге к ним присоединились Лю и Ван.

— Прав я оказался? — тихо спросил Вана Розов, здороваясь с ним.

Ван ничего не ответил, лишь сурово сдвинул густые, чуть поседевшие брови.

Вот они, посланцы губернатора. Сидят, изысканно вежливые, чинно пьют чай. Желтугинцы с любопытством рассматривают офицеров в просторных куртках, шароварах, в войлочных шляпах. Позади своих командиров стоят двое солдат, держа в руках длинные гладкоствольные ружья. Солдаты в красных кофтах, надетых сверх длинных халатов, головы повязаны пестрыми платками.

— Большой человек? — спросил на ломаном русском языке толстый офицер, указав пальцем на Карла Фассе. И, не дождавшись ответа, сообщил:

— Я гусайда, полковник. Я говорю, что надо уходи с маленькой Хуанхэ. Обязательно уходи все, не то меня и их, — он указал на своих спутников, — наш царь убивай.

Лицо гусайды сморщилось, видимо от жалости к своей особе.

Такое поведение ободрило желтугинцев. Они сообразили, что можно не торопиться с ответом.

— Я не главный здесь, — возразил Фассе, выслушав офицера. — Главный — все золотоискатели. Им скажите.

Остальные желтугинцы одобрили дипломатический ход немца. Игнат подозвал Ключина и шепнул:

— Беги, ударь в набат.

Вече

Тревожные звуки колокола достигли самых крайних уголков долины. Прошло несколько минут — и из зимовьев высыпали золотоискатели, направляясь к Орлиному полю. И хотя день был воскресный, многие бежали на сход с работы, запачканные глиной, с мокрыми от

пота спинами. Люди переговаривались, высказывая различные догадки относительно причины переполоха. Такие сборы бывали редко, в исключительных случаях.

— Опять, наверное, казачьей страже выкуп собирать, — предполагали желтугинцы.

— Черта им лысого! — кричит парень в бараньей папахе.

— А жрать что будешь, герой? Вот не пустят обозы на Желтугу — запоешь!

— Может, ямы переделять будут, братцы? — говорит щуплый, неказистый с виду старатель Иван: Бобер.

В первые месяцы, когда население на Желтугинских приисках было невелико, почти все артели заготавливали себе значительное число ям про запас. Ямы, или, как их называли, приямки, артели потом' разрабатывали сами или продавали, когда число золотоискателей на приисках стало расти, а удобные золотоносные площади долины оказались занятыми. Стоили такие приямки дорого, от четырехсот до двух с половиной тысяч рублей. Но не все они оказывались золотоносными. Тогда артели разорялись. Неудачникам приходилось идти в поденщики. Потерпела неудачу и артель Ивана Бобра. И вот сейчас смотрит на всех с надеждой Бобер.

— Надо ведь переделывать! Одни захватили звон сколько, а я, к примеру, и другие в поденщиках у них. По неправде этак-то.

— А ты шлялся бы где, морда! Переделычик нашелся. Мы тебе переделаем! — угрожающе заворчали владельцы ям.

Постепенно огромную Орлиную площадь заполнили тысячи людей. С высоты помоста, куда поднялись Игнат Неродов, Розов, Фассе, Ван и другие старшины полей и авторитетные желтугинцы, хорошо видна вся площадь. Плечом к плечу стоят русские и китайцы, корейцы, якуты, орочны. Отдельной кучкой толпятся американцы. Какое разнообразие лиц, наций, костюмов! Вот в одном ряду бородатый забайкальский казак в выгоревшей фуражке с желтым околышем, интеллигент в пенсне — лицо землистое, козлиная борода с проседью, и рыжий парень с буйной нечесаной шевелюрой. Он неторопливо скребет голую грудь, выпирающую из рваной, неизвест-

ного цвета рубахи. Дальше кореец в своей белой одежде. Сосредоточенно смотрят на посланцев губернатора рослые китайцы, все, как один, в синих куртках и штанах из далембововой ткани. Лица их бесстрастны и спокойны. А вот неведомо как попавший на Желтугу кавказец — красавец с белозубой улыбкой, в бешмете с газырями, за поясом кинжал.

Немного прошло времени, но люди уже начали выражать нетерпение. Рокот толпы с каждой минутой нарастал.

— Господа желтугинские жители! — зычно крикнул Игнат Неродов, подняв руку. По традиции он, как открыватель приисков, выполнял функции старшины схода золотоискателей. Игнат переждал, пока стихнет людской говор, и продолжал: — Господа желтугинские жители! К нам от китайского губернатора послы пришли. Строгий наказ принесли они от губернатора: уходить нам всем отсюда. Как порешим? Что китайскому губернатору ответим?

Толпа несколько секунд молчала, потом так свирепо заревела, что стоявшие у помоста китайские офицеры невольно втянули головы в плечи. Люди поднимали вверх

сжатые кулаки, старались перекричать друг друга. Жилы вздулись веревками на бычьих загорелых шеях. Даже выдавшему виды Игнату Неродову стало не по себе при виде такого яростного возбуждения тысяч людей, чувствующих себя правыми и несправедливо оскорбленными.

- Не уйдем! — орали старатели.
- Пусть попробуют сунуться!
- Держись, паря, не уступай!

Слышны были китайские слова. Это золотоискатели-китайцы выкрикивали примерно то же, что и их товарищи русские, только, может быть, более непримиримо. Ну конечно! Один пожилой китаец отделился от толпы, подбежал к помосту и, указывая на побледневших офицеров, крикнул по-русски:

- Ево надо топи Желтуге. Другой не ходи!

Дело принимало опасный оборот. Нельзя было допускать бессмысленного самосуда. Игнат тревожно взглянул на Розова. Врач шагнул к перилам и поднял руку.

— Тише! — во всю мощь своей глотки рявкнул Игнат. — Внимание!

Розов начал говорить, а Игнат препроводил послов на помост, поближе к старшинам. «Не заметишь, убьют их золотари».

— Наши прииски вольные, — говорил Розов. — У нас товарищество и свободное братство людей. Все здесь равны: китаец и русский, ороchon и немец, чиновник и беглый каторжник, амурский казак и китайский крестьянин. Значит, у нас настоящая республика. Да здравствует Желтугинская республика, братство равных людей! Ура, братцы!

- Ура! — рявкнули тысячи мужских глоток.
- Вань-суй! — грозно закричали китайцы.

Тайга многократно усиливала могучий крик толпы. Эхо долго перекатывалось в горах, тревожа птиц и зверей. А люди все кричали «ура» и бросали шапки вверх. О послых забыли. Впервые, пожалуй, у желтугинцев начало так ощутимо оформляться чувство сплоченности, солидарности, давно рожденное общностью интересов.

— Ты мне объясни, как понимать — республика? — обратился к «культурному деятелю», стоявшему недалеко от помоста, Иван Бобер.

— Э-э, как тебе понятнее объяснить? — пощелкал пальцами «деятель». — Сие означает статус ин стату, сиречь государство в государстве.

Иван Бобер недоверчиво взглянул на «деятеля».

— Обдуриваешь, светлы пуговки!

— Сушая правда, хомо новус, — хихикнул «деятель».

В разговор вмешался Рублев, стоявший по соседству.

— Вам стыдно смеяться над человеком, — сказал он укоризненно «деятелю». И Бобру: — Это когда народ управляет собой, законы сам устанавливает.

— Смотри-ка! Такая республика мне по нраву. Без царей, значит, без министров?

Гусайда вспотел от волнения. Он недоумекает, брови вопросительно ползут вверх: «Что за республика?» Гусайда не отличается ученостью, как и его спутники. Он уже оправился от недавнего испуга и бросает гневные взгляды на соотечественников, так легкомысленно орущих вместе с русскими. Он внимательно осматривает многотысячную толпу, грозную в своем неистовстве. О, это сильные и бесстрашные люди, которым нечего терять! Так их понимает китайский полковник. «Много воевать надо», — с огорчением думает он, прикидывая, как бы уклониться, в случае чего, от такого похода. Он еще больше огорчился, когда увидел рядом с собой на помосте Лю и Вана. Глаза полковника налились кровью.

— Изменники великого богдыхана, — крикнул он визгливо, — что вы тут делаете?

— Этот вопрос нужно задать тебе, преждерожденный, — с издевкой ответил Лю.

Гусайда смолчал, понимая, что кричать здесь бессмысленно. Криво улыбнувшись, он спросил Вана:

— Может быть, вы объясните, что такое республика?

— Объясню, — спокойно отозвался Ван. — Это все равно, что Тянь го в Китае.

Гусайда выпучил глаза от такой дерзости. В Китае под страхом смерти запрещено даже вспоминать о тайпинах. А этот говорит. И косы у него нет. Наверное, сам бывший тайпин. Ах, злобное гнездо' ос — маленькая Хуанхэ! Обо всем расскажет гусайда губернатору, а может быть, и самому Ли Хун-чану...

После врача говорил Фассе. Немец оказался неплохим оратором. Он окончательно успокоил золотоискателей, пытавшихся, было, разделаться с гусайдой и его

спутниками, и убедил, что надо вести дела свои, как полагается республике, с честью проводить послов домой. Неплохо передать через них подарок китайскому губернатору от желтугинцев.

— Плохой мир лучше всякой войны, — сказал Фассе.

Толпа одобрительно загудела.

Фассе помахал руками, показывая, что хочет продолжать речь.

— Господа желтугинские жители, будет у меня еще дело. Как вам известно, многие начали болеть цингой и другими болезнями. А лечиться негде. Старшины предлагают на пожертвования общие построить на прииске госпиталь. Ваше слово, братцы. — Немец отступил от перил, отвесив низкий поклон.

Глухой говорок, словно волна, прокатился по площади. Послышались отдельные выкрики:

— Не надо больницы!

— Обходились!

— Не жела-а-ам!

— А ты заткнись, окаянный!

— Больница нужна, собирай деньги!

Из толпы неторопливо вылез широкоплечий дядя с пегой, свалывшейся, как войлок, бородой и косолапо, по-медвежьи, приблизился к помосту. Широко расставленные выцветшие глаза его смотрели насмешливо. Взглянув вверх, на помост, где стояли старшины, потом на толпу, пегобородый сказал густым басом:

— А я так мозгую: кому, к примеру, поручим золотишко собирать на сооружение гошпиталя? Я это к чему спрашиваю? На нашем вот участке уже трех старост били за воровство. Немного прослужит — смотришь, проворовался, мошенник! Вчера опять одного проучили да выгнали. Верить-то как, спрашиваю, людям?

— А ты сам иди в старосты, — смеются в толпе.

— Проворуюсь, — убежденно говорит пегобородый. В ответ грохочет смех.

Крепко поспорив, решили больницу строить, а сбор пожертвований поручить Розову.

— Доктору верим, — решили старатели.

Розову приходилось видеть крестьянские сходки, многолюдные крестные ходы и другие сборища сотен людей. Но там он читал на лицах рабскую покорность, отчужденность. Здесь же другие люди, другие лица. На

ином лохмотья надеты, на голове арестантский блин, а с каким достоинством держится хозяин лохмотьев! Ролов окончил Петербургский университет, но он с удовлетворением чувствует себя равным с этим, у которого арестантский блин на голове. Странное чувство, откуда оно?

Оттолкнув пристроившегося на ступеньках Гошку, на помост поднялся, тяжело отдуваясь, Ипат Ефремов. Он шепнул что-то на ухо Карлу Фассе и Игнату. Неродов поднял руку. Ипат откашлялся и прокричал:

— Поскольку мир решил призреть больных, я со своей стороны думаю на свой кошт богадельню открыть человек на десять. Есть на приисках люди, которых призреть надо, инвалиды они, старые и немощные.

Обязательство купца было принято с одобрением. Середкин, затерявшийся в толпе, только зубами скрипнул: «До чего же хитер Ипат! Не смотри, что увалень неотесанный, и тут упредил!» Середкин понимал все значение такого благотворительства. Старатели охотнее пойдут сдавать золото Ипату, как человеку щедрой души.

Работая локтями, к помосту продрался саженного роста детина, волос которого давно не касались ножницы. Это был известный на Желтуге поп-расстрига, бежавший с карийской каторги. Он откинул ручищей сальные космы, нависшие на глаза, и обвел всех грозным взглядом проповедника.

— Посмотрите на себя, во грехах вы погрязли, братья! Молитвенный дом воздвигнуть надобно, — заявил поп.

— Все равно в пекле сгорим, — слышалось в толпе.

— Охота нам на попа тратиться, — поддержал кто-то.

— Не кошунствуйте, богохульники! — заорал расстрига, страшно выкатив глаза.

У собравшихся здесь золотоискателей отношения с богом были натянутые. Однако никто особенно не возражал против предложения попа. Позубоскалили и решили построить молитвенный дом: «Пусть молятся, кто желает».

Поп ушел. На свободное место у помоста выбежал

Иван Бобер. Он привстал на носки, хлопнул себя по бедрам и пронзительно закричал:

— Я насчет ям, братцы, хочу сказать! Если теперь, сказать, жить по совести, например, так я понимаю, то нужно и ямы делить по совести. Что же это выходит?..

Бобру не дали досказать. Стоявшие поближе к помосту густо заревели, протестуя против предложений Бобра. Ему нахлобучили на нос картуз, втянули за шиворот в толпу. Немало здоровых тумачов получил зло огрызавшийся Иван Бобер, обиженный несправедливым правом владения золотоносными участками.

Толпа рассеялась так же быстро, как и собралась. Ветер гнал по площади обрывки бумаг и пыль. Лениво махая крыльями, на перила помоста села ворона и каркнула, приглашая своих подруг. Ничто не напоминало, что несколько минут назад на этой площади кипели человеческие страсти...

Весь этот день Маша Новикова не выходила из головы Рублева. Потому-то он так рассеянно слушал решения веча вольных золотоискателей. Молодого человека мучила мысль, как отправить девушку на Амур, в Благовещенск. В конце концов хотя бы в другое, менее опасное, чем Желтуга, место. И у Рублева возник простой план. Он спешит быстрее увидеть Розова, пока тот не ушел на обычный осмотр больных. Как ни зарекался Розов, он не в состоянии был бросить врачебную практику. «Разве утерпишь, когда рядом страдает живая душа? — говорил он Рублеву, упрекавшему врача в бесхарактерности и излишней филантропии. — Вам легко, батенька, так говорить. Вы не врач».

Рублев застал Розова в зимовье. Помявшись, Рублев сказал, что ему нужно золото. Песок хранился в общем тайнике у врача.

— Зачем тебе столько? — с тревогой посмотрел на молодого человека врач.

— Для Маши, — после недолгой паузы ответил Рублев. — Без средств они с отцом. Надо помочь. Вы не думайте чего-нибудь, я от чистого сердца.

— А я и не думаю, — улыбнулся Розов. — Вернее, я думаю, что у тебя не только чистое, но и доброе сердце.

Розов открыл в полу землянки отверстие, достал холщовый мешочек с золотым песком, приброесил на ладони, определяя вес.

— Держите ваше золото. Хватит? Эх, золото! Сколько зла ты приносишь людям!

— Но и добрые дела... — начал Рублев.

Врач перебил его:

— Больше зла, мне кажется. Сегодня я много философствую и витийствую. Ну идите, мой капитан. Вас, вероятно, ждут с великим нетерпением. Мне же надо еще встретиться с почтенными послами. Фассе и Игнат занимаются с ними.

Проходя мимо гостиницы «Тайга», Рублев вспомнил, что Маше нужно в дороге иметь деньги. Он решил обменять часть золотого песка на ассигнации. И вот он сидит в чистой горнице Середкина, неторопливо допивающего чай. Здесь собралось много золотоискателей. «Подождут, не велики птицы», — думает купец. Покончив с десятым стаканом, Пимен Григорьевич ведет всех в чулан с окном, забранным железной решеткой. Громко зевая и крестя рот, Середкин устанавливает весы и кивает каторжнику-карийцу, пришедшему первым:

— Подавай, что у тебя?

Аккуратно сдувая черный шлик, Середкин взвесил иесок.

— Две катеньки, — буркнул он, подавая две сторублевые бумажки старателю.

— Грабишь ты меня, купец, грабишь! — взмолился тот. — По трешке золотник не выходит.

— Иди на Амур, продай сам. Тебя там давно стражники ждут, голубчика, — ехидно предложил Середкин.

— Смотри не подавись, купчина, добром нашим, — скрипнул зубами кариец.

— Горло у меня широкое, сглотаю, — посмеивался Середкин, привыкший к подобным разговорам.,

По такой же цене принял золото у Рублева и у других клиентов. Знают они, что по рублю комиссионных наживает в Айгуне скупщик на каждом золотнике, но что поделаешь, деньги нужны...

Рублев нашел Машу в небольшой пристройке к зимовью Степана Конева. Здесь же были и Уля с Петькой. В углу, нахохлившись, сидел старик Новиков. Приход Рублева оживил молодых людей. Он сумел рассмешить всех, рассказывая о сегодняшнем сходе, об испуганных гостях, о попе-расстриге и Иване Бобре. Молодежь так весело смеялась, что нельзя было подумать, глядя со

стороны, что у каждого из них есть своя большая забота и горе. Эх, молодость! А вот у старого Новикова болит сердце. Он все утро ломает голову, где взять денег, чтобы отправить Машу домой, в Благовещенск. Ни одного дня ей больше нельзя оставаться в таком вертепе. Да и запрещено жить женщинам на Желтугинских приисках строгим запретом-уговором.

Вызвав Новикова на улицу, Рублев передал ему деньги и золото. Отстраняя старика, бросившегося «целовать ручку», Рублев сказал сердито:

— Смотрите, милостивый государь, сберегите деньги. Вы понимаете меня?

— Милостивец ты мой, — запричитал Новиков. — В рот не возьму ее, проклятую... Дочь ведь, господи!

— Возьмите еще пакет. Это рекомендательное письмо к моему даде в Благовещенск. Он, надеюсь, поможет вам поступить на службу.

Не слушая благодарных слов растроганного старика, Рублев возвратился к Маше.

Решили ехать завтра на рассвете. Вернувшийся со сходки Степан Конев одобрил план Рублева. Степан пообещал достать лошадей у молокан, содержателей ломового извоза.

На восходе солнца, еще не пришедшие в себя от изрядного угощения, послы выехали на низкорослых лошадаках из поселка, держа путь на восток, туда, где темнеет на фоне светлой полоски зари гора Юдишань, одна из вершин предгорий Большого Хингана. Послы не были удручены неудачей. Даже наоборот, они были веселы. Офицеры перекидывались шутками, поглядывая на толстого гусайду, который вез аккуратно завернутый в шелковый кушак золотой песок. Очень мало из этого количества получит далекий и пока вовсе не страшный цзянь-цзюйи...

В тот же час с противоположной стороны поселка выехали пять всадников: четверо юношей и старик. Встречающиеся на Миллионной редкие прохожие давали всадникам дорогу, провожая их ленивыми взглядами.

Петька и Рублев зорко смотрели по сторонам. У каждого из них ружье — небезопасна дорога от Желтугинских приисков до Амура. Путников подкарауливали

шайки разбойников, охотившихся за желтугинским золотом.

До Амура доехали без приключений. Солнце уже поднялось высоко. На русском берегу Амура пламенно засветились красные свечи-стволы вековых сосен. Солт вечные лучи засверкали в окнах изб станицы. Не отрывая глаз, смотрел Петька на родные места. Будто век не был здесь.

— Хорошо-то как! — восхищенно проговорил он.

Простились. Обещал Петька вернуться в станицу и прислать сватов к гордому уряднику.

— А ну как заупрямится? — с тоской сомневалась Уля.

— Не с голыми руками приду, — уверенно говорил Петька. Но в душе тоже опасался.

— Какой вы славный, — сказала Маша, пожимая руку Рублева крепкими девичьими пальцами. И глаза ее смотрели так же ласково и проникновенно, как в тот памятный вечер в городском саду. Рублев задержал руку девушки, хотел что-то сказать, важное и нужное, но язык произнес лишь банальные слова прощания.

Рублев сдержанно обещал Маше приехать в Благовещенск тоже весной. Злился на себя, что промолчал о главном. Но не беда, Маша, наверное, догадывалась сама. Не достаточно ли пока и этого?

Вот уже на левом берегу девушки и старик. Вышли на пригорок. Машут рукой. Вот скрылись за зелеными ивами. Доведется ли встретиться?..

Бунт поденщиков

Над сиреневыми хребтами сопки ширится малиновая полоса зари. Лучи невидимого пока солнца окрашивают в бронзовый свет облачка. А на земле еще не совсем рассеялся ночной мрак и синееет снег на склонах сопки. В долине, обезображенной, словно оспой, черными ямами, множество сизых столбов дыма поднимается к небу. Пахнет гарью потухших костров.

Иван Бобер не замечает ярких красок восхода. Не до этого ему, пришедшему сюда на работу с голодным брюхом. Да и мороз еще донимает: студит плохо обутое больные ноги, ледяными пальцами щиплет за лицо

и уши. Если бы свою яму рыл Иван Бобер, для себя золото добывал, то можно было бы терпеть декабрьскую стужу. Но не на себя трудится Бобер. По двенадцать часов в сутки, не разгибая спины, кайлит он тяжелые торфа на участке Ипата Ефремова, игнашинского купца. Накупил Ипат ям, нанял поденщиков, а сам посиживает за кассой гостиницы «Марсель». Придет раза два в день, чтобы взять из бутары золото. У него два молодца наняты, чтобы поденщики хорошо работали.

— Ну и жисть! Ровно барщину отбываем, — Бобер зло сплюнул в шурф, из которого несло могильной сыростью. — Начнем, что ли? — обратился он к двум угрюмым пожилым поденщикам. Те вяло потянули из шурфа бадью, еще вчера наполненную грунтом, утаптывая веревочными чунами искрящийся снег.

Привычны к тяжелой работе золотоискателя руки Ивана Бобра. Словно чугунные ладони покрыты панцирем мозолей, искривлены пальцы с синеватыми ногтями, с бесчисленными белыми рубцами старых ранений. Как по диковинной книге, по этим шрамам на руках читает Бобер историю своей многострадальной и многотрудной жизни. Вот ноготь оторван на большом пальце левой руки. На Олекме золото искал, камнем отшибло тогда ноготь. Этот рубец — память о Верхне-Зейских приисках. А вот два казанка мизинца нет — отморозил.

Не смотри, что Бобер с виду человек квелый. Он умеет работать. Но для себя, а не для таких живорезов, волков амурских, как Ефремов Ипашка. Черная обида грызет сердце Бобра. Рассчитанными ударами кайлы рыхлит он мерзлый грунт, а сам все думает, как бы быстрее выйти ему из такой беды. Еще и еще переживает он горечь неудачи, которая постигла его в Амурской Калифорнии. И опять, уже в который раз, возвращается к давно созревшей мысли: «Переделывать надо ямы! А то вишь ты — трешка в день! Разве проживешь на трешку при такой дороговизне? А дороговизна тоже от Ефремовых, чтоб им всем подохнуть!»

И не только нужда возмущала Бобра. Оскорбленная гордость вольного золотоискателя, не привыкшего быть у кого-либо в подчинении, усиливала его негодование. Правда, здесь, на Желтуге, золотопромышленники относились к старателям вежливо, называли «господами

желтугинскими жителями». Но шкуру-то драли, и без всякой пощады.

Заставив напарника, здоровенного парня Харитона Силина, насыпать грунт в бадью, Бобер курил сигарку, мечтательно глядя на голубые струйки дыма, тянувшиеся из ямы. Он не сразу расслышал жаркий шепот Харитона:

— Глянь-кось, дядя Вань! Сюды глянь...

Бобер очнулся, перевел взгляд на широкие ладони Харитона и замер: тот держал в руках самородки. Бросив молниеносный взгляд наверх, не видел ли кто, Бобер взял самородки и сунул прямо к голому телу за пазуху. Потом схватил лопату и начал торопливо копать сам. Вскоре Бобер нашел еще несколько самородков. Золото разделили с Харитоном. Но, видно, неудачливый парень этот Харитон. Обронил самородки, когда поднялись наверх. Засверкало золото на утоптанном снегу. Подбежали доглядчики Ефремова, избили парня, одежду перетрясли. И у Бобра отобрали самородки, бровь рассекли разбойничьим ударом. Истошный крик поднял Иван Бобер, в бессильной ярости понося «ефремовых опричников». И, заметив, что вокруг быстро собирается толпа старателей, все больше таких, как он, поденщиков, Бобер с силой рванул на груди грязную рубаху, обнажив волосатую грудь.

— Убивают, ироды! Доколе терпеть, братцы? За гроши хребет ломаем, жисть кладем. Бросай, паря, работать на живорезов!

Мочальная бородка растрепалась, слезы текут из глаз Бобра и замерзают на усах светлыми сосульками. И мужские слезы, почти неизвестные желтугинцам, сильнее, чем слова, растревожили сердца суровых золотоискателей.

Не прошло и часу, как участки Дальний, Выгодный, Водяной и Самородный, на которых золото добывалось почти исключительно наемным трудом, опустели. Остались только перепуганные доглядчики, не решаясь бросить опечатанные хозяевами бутары. Густая толпа поденщиков медленно двигалась к поселку.

— Братцы, новую дележку ям требуйте! Стойте, как один. Иначе пропадать нам тут, — горячо убеждал Бобер, челноком снуя в толпе.

Немного в стороне от общего порядка построек на

Орлиной площади стоят зимовья Ефремова. Бобер выскочил из толпы и, утопая в рыхлом снегу, напрямик пошел к зимовьям, часто оборачиваясь и крича:

— За мной, братцы! Мы его потрясем, ирода!

Часть поденщиков Ефремова отделилась от толпы и побежала за Бобром. Долго стучались в дверь — никто не отзывался. Начали вышибать дверь, но она распахнулась, и на пороге показался смертельно перепуганный Ипат Ефремов в черной жилетке и синей сатиновой рубашке, оттенявшей белое как мел лицо купца.

— Зачем пожаловали, добрые люди? — вымученно улыбаясь, спросил Ипат.

— Душу из тебя подлюю вынуть, — с ненавистью сказал Бобер, наступая на купца. — Если она, душа твоя, дорога тебе, — пиши бумагу, что все ямы отдаешь поденщикам немедля и безвозмездно.

— Что же вы на меня-то, братцы? Ведь и другие держат поденщиков, — взмолился Ефремов. — Не один я, многие нанимают.

— Ты пошто о других печешься? — перебил купца Бобер. — О них мы сами позаботимся.

Ефремов и сам заметил, что у соседнего зимовья на крылечке стоит Середкин, отбиваясь от наседающей на него орущей толпы. Сдался Ипат, бумагу подписал, внутренне надеясь, что силы она, бумага эта, здесь не имеет никакой. «За бумагой суд и полиция должны стоять для крепости», — подумал Ефремов, закрывая дверь на железный засов. Купец был рад, что так легко отделался. Могло быть хуже.

Увидев, что их побаивается имущая часть населения прииска, поденщики осмелели еще больше. Они осаждали богатых владельцев ям в их зимовьях и брали у них отступные записки. Но очень многие из богатых не торопились уступать голытьбе. Кое-где они выразительно показывали поденщикам ружья и пистолеты.

— Спалим все, — угрожали в свою очередь поденщики.

— Красный петух клонет — спесь ветром сдует, — слышался в толпе фальцет Бобра. Эх, пускал бойкого красного петуха на барское гумно Иван Бобер! Восемь годов на каторге отбыл за это самое... Вспомнил старатель родную тамбовщину, семью потерянную, и еще злее закипело сердце на обидчиков.

Угрозы поденщиков поспешили осуществить на деле какие-то расторопные личности, обычно целыми днями слоняющиеся около кабаков и харчевен. Они подожгли амбар Середкина и, «спасая» товары, разграбили больше половины. Середкин, как разъяренный бык, метался среди «спасателей», тщетно пытаясь отобрать у них мешки и ящики с товарами.

Сомнение закрадывалось в сердца имущих желтугинцев. «Могут спалить, дьяволы!» И все настоятельнее звучали призывы к объединению имущих, к необходимости уступок поденщикам.

Возможно и обошлось бы все. Поденщиков подпоили, главарей подкупили — и волнениям конец. Но тут произошло событие, возмутившее не только поденщиков, но большинство населения Желтугинских приисков...

День и ночь не прекращалась азартная игра в доме Джорджа Бланка. Менялись помощники крупье, менялись игроки, испытывавшие свое счастье рулеткой и картами. Только Бланка почти в любое время суток можно было увидеть бодрствующим. Он никому, даже приятелю своему, «культурному деятелю», не доверял денежных дел.

— Антрну, между нами говоря, кулак этот Блэнк, — обиженно говорил «деятель» собутыльникам. — Невозможно работать с таким господином экс профэссо, сиречь по специальности.

Прошло полгода, как появился игорный притон Бланка на приисках, но уже сотни золотоискателей проклинали американца, спустив ему все свое имущество и золото, добытое ценой лишений, нечеловеческого труда. Очень часто бывало так: проигрался старатель, но не теряет надежды вернуть потерянное, просит Бланка:

— Яму ставлю на кон. Идет?

Блэнк не отказывался, назначая за яму смехотворно низкую цену. И вот проиграна яма, все проиграно, даже заветную оловянную ложку заложил отчаявшийся старатель. Все напрасно. Не так легко выиграть у Бланка. Проигравшемуся ничего не остается, как наниматься поденщиком к Бланку и рыть ему золото в своей собственной яме. Таким образом Джордж Блэнк стал одним из крупнейших обладателей золотоносных ям и хозяином

большой артели поденщиков. Чем больше золота сыпал Блэнк в стальную кассу, тем ненасытнее он становился. Меньше других хозяев платил он поденщикам, да и то значительную часть заработка проигрывали они у Бланка в рулетку, всегда питая надежду отыграться.

В такой кабале у американца оказался и простодушный парень Семен Силин. Вместе со старшим братом Харитоном пришли они на дальнюю Желтугу из села Пермского, что стоит на левом берегу Амура. Начали удачно — сразу пофартило. Да случилась беда: пока Харитон ездил в ближайшую станицу за припасами, Семен ввязался в игру и проиграл все намытое золото, яму, инструмент, а сам нанялся поденщиком к Бланку. Отколотил Харитон младшего брата, и сам нанялся в поденщики.

Жалуется Семен брату: обижает его американец, деньги задерживает. Надо заступиться. А сегодня, когда поденщики нагнали страху желтугинским кулакам, осмелел Харитон, отправился к Блэнку. Молча выслушал Харитона американец, лицо его налилось кровью, глазки бешено засверкали, как у дикого кабана.

— Не знаю никаких денег! — упрямо отвечал Блэнк на все увещевания и угрозы Харитона. — Ступай вон!

Рука американца судорожно сжимала увесистый молоток, которым он забивал гвоздь в стену. К спорящим начали приближаться подручные американца. Харитон смекнул, что благоразумнее будет немедленно убраться. Он повернулся и выбежал на улицу. За ним выскочил разъяренный Блэнк, испуская звериное рычание.

Через несколько минут Блэнк вбежал в дом, с силой захлопнул дверь, встал к ней спиной, раскинул руки и прохрипел, испуганно заикаясь:

— За мной гонятся, ребята. Я убил этого русского молотком.

Все население прииска было возмущено таким зверским и бессмысленным убийством. Дом Бланка спас от разгрома вызванный «культурным деятелем» Фассе. Немец приказал посадить убийцу под замок и судить. Как судить, об этом не знал и сам Фассе. Но его послушались. А Блэнк, потерявший свой самоуверенный вид, просил униженно:

— Спаси меня, Карл. Ты всегда был добр.

...Шестой день не добывают золото желтугинцы. На

прииске мертвая тишина, потухли костры, засыпало снегом черные отвалы торфов. Шестой день, как улей, гудит Желтуга, люди набиваются по нескольку артелей в одно зимовье, а артелей сейчас уже более семисот, и горячо спорят, как лучше организовать управление приисками. Бунт поденщиков, подлое убийство Харитона явились толчком к обсуждению этой давно назревшей проблемы. При таком огромном скоплении народа уже малодейственными оказались формы молчаливого артельного уговора. И поденщиков, и безработных, и владельцев ям сейчас объединяло одно желание: упорядочить жизнь на приисках.

— А то ведь что получается, — говорил на одной сходке Бобер. — Участки позахватили — одним много, другим — шиш.

— Купцы к нам уже боятся ездить: ограбят, — говорил другой. — Жрать нечего.

— Что купцы, самих убивают среди бела дня!

— Твердый закон надо установить, — дружно высказывались желтугинцы.

На десятках сходок побывали Розов, Фассе, Одноглазый, Игнат, Рублев, Конев. На этих сходках были избраны представители в комиссию для выработки законов.

Небольшое зимовье Карла Фассе, построенное на стыке Орлиного поля и Миллионной, стало чем-то вроде клуба для его друзей. Внутри избушка в два окна по футу высотой и два фута шириной была убрана с некоторой претензией на комфорт. На глухой стене слева — полка с книгами общественной библиотеки любителей чтения. Здесь тесно стояли в потрепанных переплетах самые неожиданные издания: стихи Некрасова, жития какого-то святого, десяток томов А. Дюма, редкое издание Н. Чернышевского «Что делать?», критические статьи Добролюбова, разрозненные тома полного собрания сочинений Пушкина. Были тут номера журналов «Нива», книги на немецком языке по минералогии и медицине. На столике под полкой лежала куча газет «Восточное обозрение». Курительные трубки, шахматы, ящик с образцами горных пород. У другой стены — кровать, покрытая серым суконным одеялом. Над кроватью на стене ковер, на нем два бельгийских охотничьих ружья, револьверы «смит и vesson», кинжал в ножнах, отделанных серебром. У окна на грубом табурете сидит хозяин

зимовья и читает книгу, оседлав нос очками в золотой оправе.

В избу вошел Розов, впустив струю морозного воздуха. Гость стряхнул снег с рысего треуха, потопал ногами на соломенном мате у дверей (немец любил чистоту).

— Опять Дюма? — спросил Розов усмехаясь.

— Любимый мой писатель, — ответил Фассе и добавил: — После Гёте.

— Ладно, о литературе потом. Сегодня нам нужно собрать комиссию и подготовить законы. Дальше затягивать нельзя.

— Все это так, — проговорил Фассе, разжигая трубку. — Но не совершаем ли мы ошибку, берясь за такое ответственное дело? Не лучше ли оставаться в стороне нам, людям интеллигентным?

Розов нахмурился, глаза его смотрели на Фассе строго и требовательно. Фассе изобразил на лице улыбку.

— Вы еще молоды, доктор, и потому так экспансивны. Осторожность нигде не мешает.

— Если говорить об осторожности, то как раз установление законов и вызвано осторожностью. А вы как думали?

Немец долго молчал, попыхивая трубкой. Потом проговорил, отводя глаза от прямого взгляда Розова:

— Не окажется бы нам потом между молотом и наковальней. А впрочем, не подумайте, что я боюсь сказать слово. Приглашайте хоть сейчас всю комиссию, приступим к делу, — Фассе встал и потянулся за сюртуком.

— Вот это джентльменский разговор, — повеселел Розов.

Членов комиссии оказалось много, они битком набили тесную избенку Фассе. Уселись, кто где мог, некоторые прямо на полу. Розов с удивлением заметил среди представителей «культурного деятеля». Какие-то артели послали этого краснобая. Были здесь Бобер, Лю и Ван с несколькими своими земляками, Степан Конев, пегобородый, Егор Лапшин, Одноглазый и, конечно, Игнат Неродов, пользующийся, как всегда, непререкаемым авторитетом.

— Народ требует, чтоб покрепче были законы, — говорил пегобородый. — Чтобы порядок соблюдался. А то иной ну черт въеве, не то чтобы, например, человеку сходствовал. Так разве он будет по совести? Эногого уроденного черта впору батогами в чувствие призвести.

— Смотри, паря, сам можешь батогов отведать, — заметили ему.

— А что, аль я святой? Провинюсь — бей. Я, может, по себе и мерку-то привожу, нутро человеческое, значит, измеряю. И хочу, чтоб не было озорства на приисках.

— Правильно, собрались здесь золото мыть, приобретать капитал — и вдруг беспорядок, — крикнул кто-то из угла.

— Не так, — поднялся с полу коренастый Ван. Лицо его выражало несогласие с последним замечанием. — Разве только золото? Многим людям Желтуга... — Ван помялся, подбирая слово, и сказал что-то по-китайски.

— Родной дом, — перевел улыбающийся Лю.

— Вот, вот, — обрадовался Ван. — Дом! — и поднял вверх руку.

— Верно говорит Ван, — поддержал Неродов.

Одноглазый одобрительно кивал головой. И многие соглашались с Ваном. Все понимали: Ван хочет, чтобы в доме этом царил порядок и не было несправедливостей.

— А то, смотришь, чуть посильней да похитрее — верхом на других садится.

— Господа, — заговорил «культурный деятель», — но ведь это зоологическая правда. Так утверждает наука: сильный побеждает слабого, кто сильный — выживет. К чему законы?

— Так вот: народ сильнее, он выживет, — сухо сказал Розов.

— Я же о науке... По-научному надо подходить.

— Не будем заниматься научными изысканиями. Мы практики, — заметил Фассе.

— Ах, практики! Тогда-с извините.

Кто-то дернул «деятеля», и он скрылся в углу, шлепнувшись на пол.

Серьезные разногласия возникли, когда начали определять меры наказания за тяжелые преступления. Все согласились, что смертью надо карать убийц. За воровство Неродов предложил наказывать пятьюстами ударами кнута, а также за мошенничество.

— Но это же равносильно смертной казни! — воскликнул Розов бледнея.

— Некоторые выживают, — флегматично сказал пегобородый, выразительно почесав могучую свою спину.

— Категорически возражаю против такой меры! — сказал Розов.

— У вас много жалости, — усмехнулся Фассе.

— А что может быть выше человеколюбия? — горячо возражал Розов.

— Наказывать мы будем преступников, нарушивших требования гуманного отношения к ближним своим. Да такой человек, как тут уже говорили, черт вяже, а не человек, — доказывал Фассе.

— Все равно, я не согласен. Я и писать такое уложение не могу, рука не поднимается, — Розов отложил перо и бумагу.

— Кожа у тебя тонкая, доктор, — с сожалением сказал Неродов. — Ты не можешь — мы сможем. Рука наша не дрогнет. Бери бумагу, — обратился он к Рублеву, — пиши: «Мы, артели и собственники...»

— Не забудь все прописать о переделе ям. Все, как

полагается, — перебил Игната звонкий и настойчивый голос Бобра.

— Такое не забудем, не перебивай. Пиши, капитан: «...собственники вольных приисков в Амурской Калифорнии...»

Свои законы

— Дон-дон-дон! — тревожно доносится с Орлиного поля медный голос вечевоего колокола, хорошо слышимый в морозном воздухе. Звон проникает во все уголки поселка и летит дальше, в сопки, в тайгу, чтобы потеряться там в непроходимых дебрях. В колокол с важным видом бьет Гошка. У двух небольших чугунных пушек аршина по полтора длиной суетятся молодые старатели, подбадриваемые Одноглазым.

— Пали! — командует он. Парень подносит к запалу огонь, пушка гулко рывкает, откидываясь назад.

— Пали! — снова кричит Одноглазый. И стреляет вторая пушка.

Колокольный звон и два пушечных выстрела означали, что созывается всеобщий сход жителей Желтугинских приисков. Недавно ввели такое новшество. И сегодня впервые оно применяется,

Пустынная главная улица, Миллионная, безымянные переулки разом оживились. Поеживаясь от холода, люди идут на площадь, громко переговариваясь на ходу. На этот раз причина сбора известна всем. Неделю до хрипоты в горле обсуждали желтугинцы новые порядки, по которым решили отныне жить. Часто споры разрешались кулачными боями. Потому-то и попадают сегодня старатели с разбитыми и опухшими лицами, с лиловыми «фонарями». Неделю подозрительно поглядывали друг на друга имущие золотоискатели и поденщики, демонстративно таская за спинами ружья, за поясами — ножи и револьверы. Особенно трусили купцы. Они засветло кончали торговлю: разграбят. Подвоз товаров в Желтугу резко сократился, и чувствовалась нехватка крайне необходимых продуктов и припасов.

— Управителя выбирать будем, — говорили в толпе.

— Законы утверждать.

— В России тебе мало полировали спину, здесь до-

бавят, — с ехидцей вернул появившийся «культурный деятель», одетый в романовский полушубок.

— А ты что гавкаешь, псина? Ты что это о наших спинах печалишься?

— Видно, не по нутру ему законы-то.

— Вдарь ему по сопатке!

«Культурный деятель», как всегда, поспешил скрыться.

По середине Миллионной важно шагал Иван Бобер, окруженный единомышленниками. За последние дни авторитет Бобра вырос, особенно среди поденщиков, считавших его своим вожаком.

— Насчет передела ям тоже включили в уложение, — разъясняет Бобер жадно слушающим его неудачливым золотоискателям. — Все участки будут переделены по совести.

Лица поденщиков расплываются в улыбках.

— Кредит опять нужен, — торопливо говорит захудалый мужичонка в рваном армяке, подпоясанном ивовою корой. — Без кредиту помрем, как мухи.

— Дадут купцы кредит, — уверенно говорит Бобер. — Не дадут, то мы их... — и он под одобрительный смех обнадуженных людей выразительно показал движением ноги, что будет с купцами.

Медленно наполнялась просторная площадь народом, У помоста уже густо чернела толпа, а дальше все шли люди и присоединялись к толпе, и она росла, ширилась на глазах, словно увеличивалась изнутри. Облачка пара над головами, заиндевелившие усы и бороды, сдержанный гул — говор многих сотен людей. Самые разнообразные наряды можно было увидеть на жителях Желтуги: нагольный засаленный полушубок и драповое городское пальто, солдатскую шинель и арестантский халат, крестьянский домотканый азам и ватный халат китайца, лисью шубу купца и оленью доху ороचना. Бурятские малахаи, кепи с наушниками, острожные «гречневики», пестрые бабы платки и некогда шегольские шляпы покрывали головы золотоискателей. А иной стоял, завернувшись с головой в кусок войлока или мешочной ткани, высунув наружу один нос. Разношерстная толпа и по одежде, и по мышлению, и по национальности, и по воспитанию. Но сегодня желтугинцы были объединены одним желанием: упорядочить жизнь на приисках.

— Эх ты! Да здесь собралась вся виноватая Россия! — воскликнул Иван Бобер, окинув взглядом многотысячную сходку с высоты помоста. Бобер впервые попал на это почетное место как представитель поденщиков. Он протолкался к перилам и стал рядом с Розовым.

А Розов бывал на помосте не раз. Но сегодня он опять переживает особое чувство торжественности и приподнятости, какое внушает человеку большое собрание людей, ждущих нужного слова. А людей стало заметно больше. Изменился за последние месяцы и сам вид Орлиной площади. Вокруг нее появились новые постройки. Сразу за помостом сейчас стоял длинный бревенчатый дом в одиннадцать окон с односкатной крышей. На высоком флагштоке — черно-желтый флаг: черный цвет — земля, желтый — золото. По фронтону выведено неровными черными буквами: «Управление Желтугинских приисков». Рядом — строение поменьше. Это молитвенный дом, построенный стараниями попа-расстриги. Над входной двухстворчатой дверью написано славянской вязью: «Придите ко мне все страждущие и обремененные, и аз успокою вы». Мало верующих посещает приисковый храм, но поп-расстрига, устроившийся здесь чтецом «часов», не очень на это сетует: пожертвования есть, а кабак совсем рядом. Дальше вытянулось здание больницы. С левой стороны управления возводились еще общественный склад и пороховой погреб. Держать порох по зимовьям оказалось опасным. А после посещения приисков послами китайского губернатора желтугинцы, особенно китайцы, приобрели много ружей, запаслись порохом, намереваясь, в случае чего, обороняться. Вооружению золотоискателей немало способствовал Келлер, представитель торгового дома Диксон и К°. Оружие — выгодный товар! Келлер же навязал желтугинцам и две чугунные пушки и сотню ядер к ним.

Вон и сам Келлер, упрятав длинный нос в воротник медвежьей шубы, торчит у помоста. Хитрая лиса! Хочет услышать своими ушами решения сегодняшнего схода. Может, придется порвать контракты со здешними купцами. Многие тут же толкутся, поглядывая на Келлера. Уже о чем-то спорят Середкин и Ефремов, как всегда, завидуя друг другу.

А шум толпы нарастал, как морской прибой. Стали раздаваться нетерпеливые крики:

- Начинай!
- Ноги стынут!
- Пошто тянете, старшины?

Игнат оглянулся, проверяя собравшихся на помосте. Пожалуй, можно открывать сход.

— Господа желтугинские жители, братцы! — зычно крикнул Игнат Неродов. Голос его был слышен на всей площади. Людской шум сразу стих, толпа замерла. — Плохо мы живем, братцы, безо всякого ума. Вредные среди нас люди есть, убивают и грабят, в карты товарищей обыгрывают и другие мерзкие преступления совершают, совесть всякую потерявши. Чтoб незаконным поступкам конец положить, предлагается главную опору всего иметь в товариществе артелей, из кого б они ни состояли: из русских, иль китайцев, или там корейцев. Надо также, чтoб старшины и старосты выбирались старателями полюбовно, чтoб строго наказывать за всякое нарушение порядка. Так я говорю, братцы?

Толпа загудела, как потревоженный улей.

— Верна-а-а! — дружно кричали русские золотоискатели.

— Хао! — враз выдохнули короткое энергичное слово одобрения китайцы.

— Сейчас мы уложение о порядке жизни нашей на Желтуге зачитаем. Но допреж пусть желающие слово скажут. Вот доктор хочет говорить.

— Валяй, доктор, говори! — раздались поощрительные голоса.

Розов качнулся с пяток на носки, снял шапку и заговорил, напрягая голос:

— На этой площади уже называли наш прииск республикой. Сегодня мы снова произносим это слово, принимая законы. Отныне к названию «Желтугинские вольные прииски» пусть прибавится название еще почетнее и справедливее — «Желтугинская республика».

— Ура! — гремели на площади русские голоса.

— Вань-суй! — вторили китайцы.

Люди как-то все вместе подались вперед, к помосту, на котором стоял вдохновенный доктор.

— К нам на Желтугу привозят официальные русские газеты. Вот одна из них, — доктор потряс номером «Восточного обозрения». — В этой газете нас, золотоискателей Желтуги, называют сбродом, заслуживающим са-

мой жестокой кары. Ложное заявление. Мы не сброд, а честные люди. Очень метко сказал сейчас один старатель о собравшихся сегодня на площади — «виноватая Россия». Да, здесь виноватая Россия. И еще — виноватый Китай. Бедные крестьяне, разорившиеся переселенцы, беглые каторжники, отбывавшие каторгу за то, что не дали грабить себя помещику в России. Здесь и китайцы, сбежавшие от преследований мандаринов и своих грабителей-помещиков. Вот в чем виноваты все эти люди. Но есть среди нас и отребье. Надо изгнать с приисков воров, жуликов и картежников, аферистов и фармазонов. Докажем, что сами, без царей и помещиков, без полиции и губернаторов, без мандаринов сумеем поддерживать порядок...

— Докажем! — восторженно кричала толпа золотоискателей, внимательно выслушав доктора.

Ван долго и горячо говорил на китайском языке. Многие русские не понимали слов, но по лицу Вана, по его улыбкам и доброжелательным лицам его соотечественников догадывались, что он поддерживает мнение Неродова, Розова, он за братство русских, китайцев, орочонов и людей других наций, если они люди честные. Если нет, — Ван сделал сердитое лицо и поднял вверх сжатый кулак.

— Та! — грозно зарычали сотни китайцев-золотоискателей.

Все поняли: речь идет о наказании преступников, если найдутся такие, что нарушат законы республики.

— Тухао та! — крикнул Ван.

— Та! — ответили китайцы и русские, поняв эти слова без перевода. Розову Лю шепнул, заметив его недоуменный взгляд:

— Ван говорит, надо бить живорезов. Ну, вроде Блэнка. Кто заставляет на себя работать.

— Народ может все сделать, — говорил между тем Ван, кончая свою речь. — Если народ вздохнет, будет буря. Если народ топнет, будет землетрясение.

Переждав, пока старатели успокоились и затихли, снова заговорил Игнат Неродов.

— Господа желтугинские жители! Начнем сейчас зачитывать артельные наши законы, что выборные по воле вашей составили и записали. Законы эти на добром слове держатся. Кто не пожелает по законам, буде

их прием, жить, тот может с прииска уходить. Так что по пословице: не дал слово — крепись, дал слово — Держись. Теперь еще главного старшину приисков, или управителя, надо нам избрать. Человека честного, трезвого, грамотного, бывалого на такую почетную должность надо поставить. Чтoб хозяин своего слова был.

— Игната-а! - выкрикнул чей-то одинокий голос. — Неродова-а-а!

— Игната-а-а! — поддержали сотни здоровых мужских глоток. — Проси-и-м!

Кричали: «Доктора!», «Конева!», «Ва-а-на!» Некоторые серьезно, а иные из-за озорства, получая за это от товарищей леща по затылку.

Игнат опять успокоил орущую толпу и предложил избрать управителем Карла Фассе. «Твердость в нем есть, образованность, ученость. Говорить может по-немецкому, по-английскому, по-китайски кумекает, а на русском как москвич жарит». Рекомендация такого человека, как Неродов, высоко, видимо, ценилась золотоискателями, потому что они дружно ответили на вопрос Игната, желают ли избрать Фассе:

— Желаем, Пусть сам скажет!

Карл Фассе снял с полысевшей головы заячий треух и с достоинством поклонился золотоискателям.

— Может, кого достойнее найдете? — сказал Фассе. — Дело важное. Подумайте.

Золотоискателям понравилась такая скромность немца. Послышались возгласы:

— Послужи миру!

— Раз народ просит...

— В кусты будешь коситься — приструним в одночасье!

Фассе развел руками: дескать, воля ваша.

— Рад послужить миру, братцы, — сказал он.

Толпа одобрительно загудела.

— Помню, я баллотировался в неперменные члены, — говорил «культурный деятель» своему соседу чиновнику с уныло опущенным сизым носом. — Не то, что здесь, мужичье. Тихо, благородно, голосование тайное...

— Избрали? — сипло промямлил чиновник.

— Нет, аспиды, черных накатали! Да ты слушай, что еще мелет Неродов.

— Для удобства управления, — продолжал Иг-

нат, — надо вновь разбить на участки прииски по числу зимовьев. Старшин избрать и двух старост каждому старшине в помощь. Старшинам положить жалованье по четыреста, старостам — по двести.

Приняли эти условия без особых разногласий.

Дальше Игнат рассказал, что для отличия старшины будут носить на левом рукаве верхнего платья знак из желтой меди, а старосты — из белой жести. Эти лица облечены административной и судебной властью. Участковые старосты полновластно распоряжаются на своих участках и являются первой инстанцией суда по гражданским и маловажным уголовным делам. Староста своей властью может присудить виновного к наказанию, не превышающему сотни палочных ударов.

— И тут палки! — невольно воскликнул кто-то в чуткой тишине. На него зашикали.

Более важные дела решаются в присутствии всех старшин приисков и управителя. Самые тяжкие преступления, как, например, убийство, представлять на решение общего схода, который и созывать в исключительных случаях.

Все выборные лица избираются сходом, /сходу подчиняются беспрекословно и по надобности сходом же отстраняются от должности.

— Такой бы закон в Рассее! — крикнул радостно пегобородый, вызвав смех товарищей. — Ей-богу, хорошо было бы! Не нравятся, к примеру, Александр Третий, царь, — собрались мужики: «Снять с трону, потому не желаем!»

Замечание пегобородого развеселило посуровевшую толпу. Задние не слышали его слов, но, глядя на других, тоже смеялись, перетаптываясь с ноги на ногу, чтобы согреться.

Читать законы поручили попу-расстриге. Над притихшей толпой гремел простуженный бас его, и лица золотоискателей выражали напряженное внимание.

— «Мы, артели и собственники вольных промыслов в Амурской Калифорнии, многогрешные рабы божий...» — читал поп.

— Не нравится мне начало. Уж слишком церковное оно, — поморщился Рублев.

А расстрига уже читал законы, выдерживая паузу после каждого пункта.

Убийство наказывается по закону: «око за око, зуб за зуб». Пятьсот ударов за воровство. Столько же ударов за ношение оружия в пьяном виде, за фальсификацию золотого песка, за выстрелы в пределах Желтуги без уважительных причин. Удары наносятся терновником (то есть кнутом, набитым острыми гвоздями).

Общий вздох потряс толпу. Все понимали, что подобное наказание равно смертной казни.

Далее шли наказания «полегче», вроде: триста ударов палкой за отдачу под залог рабочих инструментов, двести — за ночной шум, сто розог — за открытое пьянство. За появление пьяным на общественные сходы, крик и безобразие виновные подвергаются штрафу в двадцать пять рублей.

Жители, не явившиеся по приглашению на общественную сходку, штрафуются и лишаются права голоса на время, определённое сходом.

Строго запрещается желтугинским жителям играть в карты под пай и вещи. Нарушившие это постановление не должны беспокоить старшину жалобами, в противном случае, как проигравший, так и выигравший, подвергаются штрафу или наказанию двадцатью пятью розгами.

В конце статута определил, что всякий человек, наказанный в Желтуге за серьёзное преступление, будет немедленно изгнан без прав возвращения и получит на границе приисков сто добавочных ударов, «чтобы проникнуться отвращением к греху и прийти к сознанию необходимости покаяния».

— Выходит, как наскипидаренный убежит, — не удержавшись, крикнул Гошка.

В толпе волной прокатился смешок. Напряжение, вызванное мрачными пунктами статута, ослабло.

А расстрига продолжал читать, напрягая бычью шею. Пар клубами вырывался при каждом слове из его рта. Будто загорелся изнутри поп, подожженный огнем жгучих слов суровых законов.

От повиновения желтугинским законам, а следовательно, от тяжелого наказания никто не освобождался, без различия сословий, национальности и подданства.

— Настоящие законы, — разъяснял Игнат Неродов, — должны подписать все грамотные жители Желту-

ги. Сроку — одни сутки. Кто не желает — покидает прииски немедленно. Согласны, братцы?

— Согласны! — отозвалась толпа.

— Хао!

— А ямы как? Переделывать надо! — слышались тревожные голоса.

— Пе-ре-де-лять! — дружно кричали уже сотни голосов по-русски и по-китайски.

Желтугинец, завернутый в кусок войлока, забывшись, перестал придерживать его руками. Войлок сполз на землю, и старатель предстал перед товарищами в одних рваных штанах и валяных опорках на босу ногу. Вид его вызвал взрыв смеха. Парню надавали шлепков по голой спине, помогли укутаться в импровизированный плащ.

— Тише, братцы, — срывая голос, кричал Игнат. — О ямах будет речь. Предлагается постановить: все артели в девять человек могут иметь только две запасные ямы, восемнадцать человек — четыре и двадцать семь человек — шесть ям. Все излишние ямы и участки объявить достоянием Желтугинской республики вольных промышленников и раздать по усмотрению правления.

Крик одобрения пронесся над толпой, заглушая ропот недовольных. А такие были. Вон как помрачнел купец Середкин. Келлер не без удовольствия заметил это и сказал, стараясь подавить злорадную улыбку:

— О, ви, конечно, не потеряйте ями?

— Кой черт «не потеряйте», — нервно теребя жидкую бороду, отозвался Середкин. — Десять ям наилучших отойдет.

— Нигилисты и здесь верховодят, — злобно говорил своему сизоносому, вконец замерзшему собеседнику «культурный деятель». Новый закон и его лишал нескольких ям. — Республика, равенство, братство! Все доктора да этого «капитана» работа! Да если они хотят знать, щенки, в Римской республике не было равенства. Там тоже были рабы!

— Ну вот мы и будем с вами рабами новой республики, — желчно заметил сизоносый.

— Нет уж, увольте, милостивый государь, — сухо проговорил «деятель».

— Всех тяжких преступников, за последние полгода запятнавших себя грехом, — неслись тяжелые, как кам-

ни, слова с помоста, — сход предлагает арестовать немедля и суду предать!

Толпа на мгновение замерла, словно взвешивая эти слова, потом зашевелилась, заговорила. Сизоносый сосед «культурного деятеля» вдруг с ужасом почувствовал на своем плече чью-то тяжелую руку и обернулся. Перед ним стоял мужик с пегой бородой.

Толпа вокруг раздвинулась, освободила для них пятачок площади. Краем глаза сизоносый заметил, как в сторону от него метнулся «деятель».

— Пойдем, господин хороший, — со зловещей вежливостью предложил пегобородый.

— Куда вы меня ташите?

— Известно, не в гостиницу, а в чижовку.

— Но в чем дело! — пытался возмущаться сизоносый.

— А вот суд разберет. Вы ему разъясните все как есть: и о порошках, от коих люди умерли, вместо того чтобы излечиться, и об игре шулерской, и о краже артельных денег, когда артельщиком были.

— Не имеете права! — завизжал сизоносый. — Я почетный гражданин Николаевска!

Видя, что сопротивляться бесполезно, он попытался отыскать глазами в толпе «культурного деятеля». Но того не интересовал недавний собеседник. Он осторожно выбрался из толпы, опасаясь не без основания, что и самого его могут взять под стражу.

Около ста преступников арестовали золотоискатели Желтуги прямо на площади и отвели их в дом Бланка, превращенный в тюрьму.

Вечер этого знаменательного в жизни Желтуги дня впервые прошел, на удивление всем, спокойно. Не было драк, дикой перебранки, пьяных песен на улицах и в зимовьях. Люди почувствовали ответственность за принятые решения, не признающие никаких компромиссов.

Суд

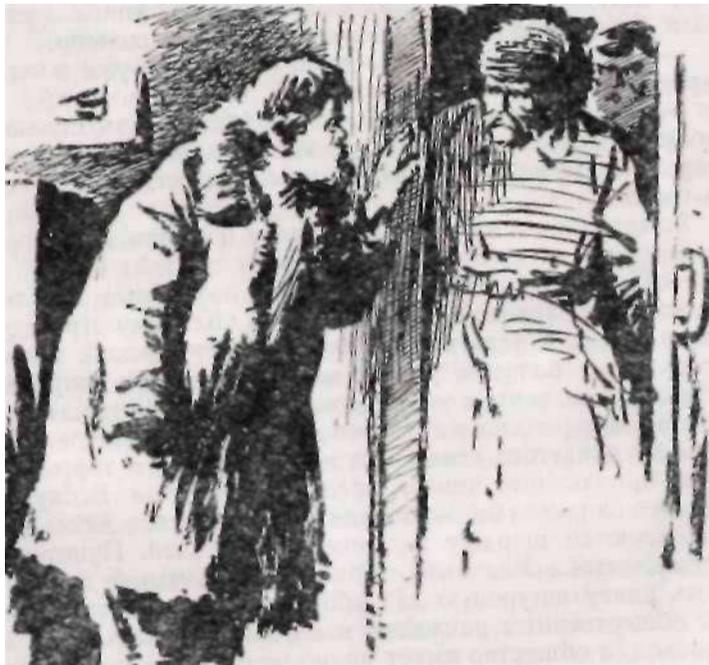
Рано утром, когда на улице было еще темно, в дверь зимовья купца Середкина кто-то громко и требовательно постучался. Пимен Григорьевич вскочил с нар, отбросил овчинное одеяло и притаился. Услышал только,

как гулко колотится в груди перепуганное сердце. «За мной пришли, варнаки», — подумал не на шутку струсивший купец. Очень просто могли желтугинцы обвинить Середкина в каком-либо преступлении и вздернуть на осине или исполосовать спину пятьюстами плетей. Грехи водились за купцом. То-то дрожат мелкой дрожью руки, смертельной бледностью покрылось широкое, с рябинками лицо, и на лбу бисером выступила испарина. Лихорадочно работает мозг, ища выхода. Мелькнула было в голове заячья мыслишка: бежать, воспользоваться дверью на задворки, но он тут же отогнал ее: «Поймают, как кутенка». А дверь снова сотрясалась от могучих ударов чьих-то кулаков. За дверью кричали:

— Открывай, купчина! Долго дрыхнуть изволишь!

— Видчиняй!

«За мной», — обреченно решил Середкин, поняв, что пришли двое. Накинув на плечи полушубок, Середкин мелко перекрестился и нетвердой рукой отодвинул железный засов.

В зимовье, впуская с собой клубы морозного пара, вошли двое дюжих старателей. Одного сразу признал купец, это был Егор Лапшин, только что избранный в совет старшин; второй, с хохлацкими усами, не знакомый Середкину.

— Одевайся, — коротко приказал Лапшин, окидывая внимательным взглядом освещенное трепетным пламенем сальной свечи зимовье.

— Куда? — кривя губы, спросил Середкин.

— Доходы твои подсчитывать, купец, — ответил Лапшин. — Да ты не бойся, — ободрил он Середкина, видя, как тот никак не попадет в рукав полушубка. — Мы за налогом пришли. Не вздумай обмануть. Я счету не обучен, зато вот хохол, Резниченко, в книгах разбирается.

— Зачем обманывать, — облегченно вздохнул купец. — Я завсегда с полным удовольствием. Что все, то и я. Не хуже людей.

— Законы подписывал? — осведомился Егор Лапшин, когда склад и приходо-расходные книги купца были проверены и прибыль в торговле определена.

— Как же, и руку приложил, — отвечал уже вполне оправившийся Пимен Григорьевич.

— Все равно, мы должны тебе растолковать, сколько собирается налогу, куда идут эти деньги. Так главный старшина Фассе велел делать, чтоб, значит, всем понятно было.

Хохол достал из кармана бумагу и бойко начал читать закон:

— Пункт тринадцатый... Суммы, потребные для общественных расходов, следующие: на больницу страждущих рабочих и подание им помощи медицинской, а также во время болезни, увечья, на содержание и отправку к первому жилому месту, также жалованье старшинам, старостам, рассыльным для сбора общества. Потребный капитал для этого взимается по раскладке с торгового лица, продающего вино и предметы роскоши. В случае скрытия означенных от определенного налога виновные подвергаются штрафу не менее ста рублей. Пункт четырнадцатый... Главный старшина и казначей должны иметь книгу шнуровую для сбора капитала, потребного для общественных расходов, в которую вносить приход и расход, а общество имеет право на сходе ее проверять.

— Так, понятно. А почему же, господа старшины, вы берете мой доход по всем товарам, написано-то «вино и предметы роскоши»?

— Дополнение имеется к статуту, — сказал Резниченко. — Все торговцы облагаются налогами в размере десяти процентов стоимости товаров, за исключением мяса и сухарей. С торговцев спиртным оптом — двадцать пять процентов, с содержателей трактиров и увеселительных заведений — двадцать процентов со всей месячной выручки. У тебя гостиница и ресторация? Плати двадцать процентиков. — Резниченко ловко погонял косточки счетов и объявил цифру налога: — С тебя, Середкин, тысячу карбованцев.

Потом хохол аккуратно пересчитал «желтые», «синие», «красные» ассигнации, перевязал их веревочкой и положил в боковой карман пиджака. Он выписал квитанцию, расписался со множеством завитушек и подал Середкину. Купец повертел бумажку. Сумма денег правильна, роспись имеется, даже круглая печать приклепнута. «Желтугинские вольные прииски» написано по кругу. Внутри накрест лопата и кайла, внизу год — 1884. Все по форме, не придерешься.

Провожая гостей, Середкин уже позабыл о недавно пережитом страхе. Купец жалел отданных «за зря» денег и проклинал сборщиков налогов, но в то же время он понимал, что при строгом соблюдении законов, обеспечивающих общеизвестный порядок в Желтуге, торговля здесь оживится.

Когда сборщики налогов стучались к следующему торговцу, над хребтами сопок показалось «ушастое» от мороза солнце. По улицам, по просторной площади поселка сновали люди. Большинство направлялось на передел ям. Шли поартельно. Иван Бобер вел на площадь новую артель, организованную из поденщиков. С ними шагал Гошка как посредник от совета старшин. Увидев у дверей дома Блэнка Петьку Конева с берданкой в руках, Гошка крикнул:

— Эй, аника-воин, пошто стоишь? Айда с нами на передел!

— Сторожу, нельзя. — Петька угрюмо покосился на дом..

— Много их там, супостатов?

— Да поболе сорока.

...Долина, насколько мог охватить глаз, выглядела очень оживленной. Горели потухшие недавно костры, всюду сновали темные фигуры старателей. Но работали немногие. Большинство сверяло границы участков, количество ям. Ивану Бобру с товарищами достались лишние ямы в артелях Егора Лапшина и их соседей из артели каторжников — отпетых уголовников и воров, руководимых квадратноголовым. Его артель молча добывала золотиносный песок.

— Покажи лишние ямы, — сказал Иван Бобер квадратноголовому.

Повернувшись по-волчьи, тот бросил:

— Лишних не имеется, проваливай!

— Брось дурака валять, — вмешался Гошка. — Закон знаешь? Ребята, — обратился он к поденщикам, — занимай свободные ямы, что ему в зубы глядеть.

— Не подходите к ямам, головы посшибаю, — осатанело заревел квадратноголовый. Он схватил лом и поднял его над головой. Бобер мигнул товарищам, стоявшим сзади, те прыгнули на квадратноголового, оторвали лом, скрутили руки.

— Вяжите и в управление, — приказал Гошка. — Там разберутся.

— В обиду не дайте, ребята! — кричал квадратноголовый, тщетно пытаясь вырваться из цепких рук поденщиков. Всегда послушные своему атаману, сегодня его приятели не решались выступить против всего прииска, понимая бессмысленность такой затеи. Они потупили глаза, стараясь не встретиться с бешеным взглядом атамана.

У крыльца управления толпились люди и читали большое объявление, приколоченное к столбу помоста. Оно гласило: «Совет старшин принимает молодых людей на службу стражниками за особое жалованье».

— Сто человек уже набрали, — сообщил старатель в бараньей папахе. — Еще полета надо. Прииска будут сторожить ночью три патруля, на конях станут ездить.

— Давно бы так, — слышались голоса.

— Озорства не станет.

— А то золотишничать идешь, а душа болит: обчислят зимовье, жиганы непутевые.

— Старшина Одноглазый главный над стражей, — рассказывал всезнающий старатель в бараньей шапке.

Карл Фассе, колебавшийся во время разработки и обсуждения законов, после того как принял полномочия главного старшины, проявил похвальную энергию и решительность. Он часто советовался со старшинами, членами совета старшин Розовым, Ваном, Игнатом Неродовым, Одноглазым.

Сегодня предстояло самое серьезное испытание мужества и главного старшины и всего совета старшин, заполнивших небольшую комнату управления. Старшины сидели за столами, поставленными буквой «П». Столы покрыты черной скатертью. Лица членов совета суровы и сосредоточенны. Фассе поднимается с председательского места и говорит негромко и внушительно:

— Господа старшины, по воле и наказу общества вольных Желтугинских приисков надлежит нам начать и вершить суд над преступниками, задержанными нарродом. Стража, введите подсудимого Бланка!

Привели Джорджа Блэнка. Наглого презрения к людям и оскорбительной самоуверенности, всегда написанных на его лице, не осталось и следа. Небритый, с всклокоченными волосами, диким блуждающим взглядом, Блэнк вызывал отвращение. Американец безуспешно пытался прочесть на лицах судей хоть малейшее участие. Заметив на председательском месте Карла Фассе, Блэнк оживился: «О, здесь Карл! Он поможет».

— Карл, я надеюсь на тебя, — занял Джордж. Говорил он по-английски.

— Я знал, что ты плохо кончишь, Блэнк, — хладнокровно сказал Фассе, тоже по-английски. — И я тебя предупреждал.

— Но ты помоги мне, ты должен...

— Ничего я не должен... Подсудимый, отвечайте на вопросы суда, — сухо проговорил Фассе.

Преступление Блэнка было так очевидно, что его без колебания приговорили повесить. Каждый старшина, член суда, должен был произнести: «Да, согласен», что означало согласие с предложением председателя суда. Фассе с нетерпением ожидал, что скажет Розов. И вслед за Неродовым, Лапшиным, Коневым, Одноглазым врач сказал твердо:

— Да, согласен.

Все с уважением взглянули на побледневшего от волнения Розова.

Воющего по-собачьи американца увели на площадь.

Перед судом предстал чиновник Марковский. Сизоносый трясся, как в лихорадке, и повторял сиплым голосом:

— Не виновен я, клянусь богом!

Свидетели рассказали о мошеннических проделках сизоносого. Под видом лекарств этот проходимец продавал старателям какую-то дрянь. Пытался утаить артельное золото. Втягивал молодых рабочих в азартные картежные игры.

— Марковский, признаете свою вину? — спросил Фассе. — Говорите только правду. За ложь — двойная кара.

Повинился сизоносый: беспристрастный суд, неумолимый. Видя, что судьи начали совещаться, он напомнил:

— Прошу учесть господ судей, что били меня за все провинности мои, по слабости душевной совершенные.

— Правду говорит? — осведомился Одноглазый у одного из свидетелей. Тот поскреб лохматую голову и сказал с лукавой ухмылкой:

— Пришлось поучить малость.

Учел суд «ученье» и присудил Марковского из пределов Желтуги за непотребные проделки прогнать, дав ему на границе приисков сто палочных ударов.

Наказание преступников на границе преследовало пропагандистскую цель. Нужно было показать населению станиц, что на Желтуге заведен железный общественный порядок. Значит, можно без боязни ехать туда с товарами, торговать. Значит, прекратится грабеж на дороге и на самих приисках.

В ясный январский день по зимней дороге, проложенной по льду Амура, медленно движется санный обоз. Скрип полозьев далеко разносится в морозной тишине.. Закуржавевшие низкорослые лошади, выпуская из ноздрей пар, старательно тянут тяжело груженные сани. Сзади группами идут мужики, путаясь в полах тулупов. Мужики о чем-то спорят, часто вспоминая Албазиху.

— Мы ее к вечеру проедем, Албазиху, — говорит один из извозчиков.

— Пустое мелешь, — возражает другой, человек пожилой. — Не знаешь — не мели языком. Албазиха, устье ее, вот сейчас за этим утесом будет. Версты три осталось, не боле.

Миновали утес. Показалось узкое, еле заметное ущелье речки Албазихи на правом берегу Амура. У входа в ущелье стояла темная китайская фанза, из трубы вился дымок. А у самой дороги, по которой должен был ехать обоз, увидели возчики группу конных и пеших. Всю дорогу обозники боялись, что лихие люди встретят их у Албазихи и отберут драгоценное зерно, которое они везут из-под Благовещенска. И встретились-таки лиходеи!

Головная подвода остановилась, и вскоре весь обоз стал. Мужики вытаскивали топоры, проверяли, хорошо ли заряжены дедовские шомпольные ружья. Не таковские, чтобы взять их голыми руками, пусть сунутся жиганы!

От толпы, что стояла у дороги, отделилась конная фигура и направилась к обозникам. Это подскакал на низкорослой монгольской лошаденке Гошка. Он осадил конька и крикнул, скаля белые зубы:

— Пошто встали, поезжай своей дорогой!

— Откуда мы знаем, может вы ловушку нам готовите, — сказал старший из возчиков.

Гошке удалось уговорить мужиков. Обоз тронулся. Поравнявшись с толпой, обоз снова остановился. Сидящий на коне Одноглазый взмахнул рукой. Двое стражпиков взяли за руки человека и подвели к дороге. Одноглазый громко перечислил преступления виновного.

— По законам вольных Желтугинских приисков виновного наказать и с приисков изгнать навсегда.

Удивленные обозники наблюдали, как били палками преступников, как потом они, охая, потянулись с котомками кто вниз, кто вверх по Амуру. Марковский направился вверх, надеясь быстро достигнуть Игнашино. Но дошел до станицы только к вечеру. На Амуре быстро передаются новости. Приход Марковского уже не удивил никого: знали, что из наказанных желтугинцами. Знали по рассказам обозников, что на Желтуге сами зо-

лотоискатели взялись искоренять преступления и что приглашают на прииски торговать чем угодно, гарантируя полную безопасность торговцам.

В несколько изб стучался сизоносый — не пускают, боятся желтугинцев: а вдруг рассерчат за это! Один хозяин даже пса натравил на бедолагу, еле отбил палкой. Идет Марковский, спина горит, в глазах круги красные, вот-вот упадет и замерзнет. Вдруг кто-то тронул его за рукав. Марковский обернулся. Девушка стоит — высокая, сероглазая, смотрит на сизоногого и спрашивает:

— Ты с Желтуги идешь, хожалый?

— Иду, — горько усмехнулся сизоносый. — Ползу, а не иду. Сдохнуть, видно, в вашей станице придется.

— Хожалый, ты на Желтуге про Коневых слышал? — допытывается девушка.

Сизоносый сообразил по тону девушки, что очень полезно для него вспомнить Коневых. Он напряг память и припомнил.

— Знаю Степана, и сына его знаю. — Марковский заметил, как вспыхнули глаза девушки. «Эге, да тебе-то, конечно, не Степан нужен!» — И Петра видел. Петька-то меня, каналья, в чижовке стерег до суда.

Девушка отшатнулась, строго посмотрела на Марковского. «Враг!» — говорил ее взгляд. Сизоносый испугался.

— Так я не в обиде. Виновен я, барышня. Заслужил и осужден. Дочка, переночевать бы мне, околею на морозе, истинный бог.

— Ладно, иди в баню, заночуй.

Марковский еле поспевал за девушкой, рассказывая о Петре. Скучные свои сведения об этом парне он по возможности приукрашивал.

— Орел парень. В большом почете у старателей. И удачлив в добыче.

— Не говорил он, случаем, когда домой собирается? — равнодушно спросила девушка.

— По весне, говорил, подамся в Игнашино, — отчаянно врал сизоносый. — Невеста, мол, там ждет. Может и врал?

— Пошто врал? — обиделась девушка. — У него верная невеста, ждет.

— И то правда, — испуганно согласился Марковский, открывая дверь теплой, недавно топленной бани.

А девушка долго еще ходила около дома, глядя на крупные, как золотые самородки, звезды...

Как-то Розов заглянул в молитвенный дом, ярко освещенный свечами. В просторном зале маячило несколько сгорбленных старческих фигур.

— Мало ходят молиться? — спросил врач у попа.

— Хоть бросай, — вздохнул тот. — Наверно, подамся золото копать, все равно люди не ходят, да и жалованье мое малое.

— Отличное помещение, — сказал Розов, разглядывая зал. — А что если мы откроем здесь школу? Пусть будет молитвенный дом и школа. Многие старатели «а Желтуге совершенно неграмотные. Сможете учить? И я вам помогу, Рублев поможет. Я буду читать лекции о медицине, Рублев возьмет математику, Фассе — горное дело. Вы же начнете учить читать и писать. Сможете?

— Почему бы и нет! Я ведь, сударь, семинарию духовную с золотой медалью окончил. Это я на каторге обасурманел. А был я орел... — поп махнул рукой.

— Ну вот и отлично. А что касается жалованья, буду просить совет старшин, чтобы набавили.

И вскоре состоялось первое занятие воскресной приисковой школы. Старатели плотно сидели бок о бок за скрипучими, наспех сколоченными столами на козлах и, неловко зажав черными заскорузлыми пальцами карандаши, выводили на клочках бумаги букву «Аз», широко и крепко поставившую свои одетые в черные лапотки ноги. И почти детская радость и гордость своими успехами светились в их глазах.

По примеру русских открыли школу и китайцы. Толстый лавочник-китаец учил соотечественников писать иероглифы, считать на длинных китайских счетах.

О всех событиях и изменениях в жизни Желтугинских приисков китайскому полковнику доносили его лазутчики из хунхузов. Может быть, прежде должен был знать эти донесения сам губернатор Хэйлунцзянской

провинции, но гусайда, по некоторым соображениям, старался держать губернатора в полном неведении. Гусайда составил довольно хитроумный план. Еще когда он посетил желтугинцев, он сообразил, что может извлечь для себя большую пользу из самого существования вольных приисков. Для начала он уже извлек кое-что в виде увесистой дозы золотого песка. Но этого мало. Обязательно нужно гусайде добраться до самого наместника столичной провинции, всемогущего Ли Хун-чана. Пусть он, гусайда, передаст мудрейшему Ли Хун-чану о дерзких желтугинцах и о желтугинском золоте. Ли Хун-чан любит золото. И гусайда любит золото. Значит, они поймут друг друга. Крохи, даже крохи с такого богатого стола, какой у почтенного Ли Хун-чана, — счастье для гусайды. Но, может быть, на стол-то поручат подавать ему...

Бого помогли гусайде. Неожиданно губернатор послал его в Пекин с важной бумагой во дворец. Гусайда задаривает приближенных Ли Хун-чана, и тот милостиво разрешает аудиенцию. Униженно кланяясь, гусайда просит разрешения говорить. Ли Хун-чан кивает головой. Гусайда торопливо докладывает о возмутительных ворах-желтугинцах, о богатстве тамошних золотоносных песков. Холеное лицо Ли Хун-чана бесстрастно. Он изредка подносит сухую тонкую руку к редкой седой бороде. Глаза его, узкие, проницательные, казалось, читают сокровенные мысли полковника, и тот холодеет от страха. Попробуй не угоди, сразу отрубят голову, а то и еще что похуже придумают. Только два раза в глазах наместника сверкнул огонек интереса — это когда гусайда говорил о самородках, виденных им на Желтуге, и о тайпинах, нашедших там преступное пристанище.

Гусайда пятился к двери, готовясь уйти. Он уже отчаялся услышать от Ли Хун-чана что-либо в ответ, но тот вдруг заговорил — вкрадчиво, словно замурлыкал большой кот:

— Важные вести принес ты мне, полковник. Я не забуду твоей услуги. Гнездо, где нашли приют самые разбойные вору, бывшие тайпины, следует уничтожить.

— Позвольте мне сделать это! — воскликнул гусайда. — Десять тысяч солдат — и эти вонючие собаки будут разогнаны.

— Не надо спешить, полковник. Разве тебе не vedo-

мы слова Учителя о терпении? Я дам тебе бумагу, ты отправишься к русским в Благовещенск и передашь ее властям. Надо, чтобы русские запретили подвоз продовольствия на Желтугу, и все жители ее разбегутся, как крысы из пустого погреба.

Гусайда покинул приемную, прославляя мудрость Ли Хун-чана. А тот, оставшись один, сделался серьезным. Он решил проверить точность сведений о золоте на Желтуге. В существование там тайпинов он верил: представитель маньчжурской знати, Ли Хун-чан хорошо знал китайский народ, всегда готовый восстать и истребить своих поработителей.

«Тайпины»... «Желтуга»... «Золото» — гласили иероглифы, красиво выписанные на желтом листочке рукою могущественного Ли Хун-чана.

Цинга

Губернатор Амурского края не любил торопиться. Метод выжидания и проволочек он считал лучшим методом управления краем. Остзейский немец, он часто повторял на свой лад русскую пословицу: «поспешай — люди посмешай». На этот раз, принимая гусайду, посланца Ли Хун-чана, его превосходительство сделал исключение из правил. Он внимательнейшим образом изучил послание могущественного Ли Хун-чана и немедленно вызвал к себе чиновника особых поручений Казимира Алексеевича Вышнепольского, добродушного на вид толстяка лет пятидесяти. Обычно только сугубо важные дела поручались Казимиру Алексеевичу, обладавшему немалым опытом служения в канцелярии губернатора.

Вышнепольский вошел в кабинет хубернатора и склонил в поклоне круглую плешивую голову.

— Проходите, милейший, садитесь, — приглашал губернатор, ослабившись. Потом согнал подобие улыбки с длинного своего лица и сказал, уставив на Вышнепольского выпуклые бледно-голубые глаза: — Я получил из Пекина чрезвычайно любопытный неофициальный документ. Вы слышали что-либо о приисках на Желтуге?

— Как же, наслышан, ваше превосходительство.

— Так вот, там творится что-то неблагоприятное. Китайские власти утверждают, что там сейчас создана республика и верховодят в ней бывшие тайпины и наши ссыльнополитические. Как вам это нравится! Республика на границе двух могучих государств!

— Может быть, китайские власти несколько, так сказать, преувеличивают? — осторожно заметил Вышнепольский.

— Несколько. Я разделяю их беспокойство. Да вы почитайте, что наши болваны пишут в газетах. Возьмите вот этот номер «Восточного обозрения». «Сколько известно, прииск занят вольными промышленниками и привлек до десяти тысяч народу, причем китайцы и русские уживаются свободно и работают без вмешательства китайских (надо добавить и русских) властей». Как вам это нравится!

— В корреспонденции явно либеральный дух, — заметил Вышнепольский. — Но я так думаю: какое нам дело до всего этого? В Китае происходит — пусть китайцы и разбираются.

— Ну, нет, милейший! В теперешнее смутное время — это очень вредная штука, и нас она очень касается. Поощрять республиканские идеи мы не можем, и здесь, в этом, интересы русского и китайского правительств совпадают. Надо вот что сделать: вы немедленно едете на Желтугу и выясняете возможности быстрой ликвидации незаконного поселения. Китайцы просят нас помочь им. Понятна задача? Можете идти. Возьмите с собой офицера и казаков.

Вышнепольский не разделял страхов губернатора и, склонный к домашнему образу жизни, был раздосадован подобным щекотливым поручением. Ехать куда-то, чуть ли не к черту на рога, да тем более в веселые дни масленицы. «Муравьева-Амурского из себя ломает, немчик, — неучтиво подумал Вышнепольский о губернаторе. — Да уж где ему, колбаснику, до Муравьева-то!»

Зимой по льду Амура и Шилки от самого Николаевска до Сретенска и дальше устанавливается санная дорога. День и ночь мчатся по этой бесконечной дороге почтовые тройки, и безмолвие нарушается звоном колокольчиков и протяжным покрикиванием ямщика. Под

эти привычные звуки безмятежно дремлет закутанный в медвежью доху Казимир Алексеевич Вышнепольский. Он занял большую часть саней, придавив своей тушей офицера Фишера. Тот не спит, проклиная про себя «этого борова Вышнепольского». За тройкой скачет на конях отряд казаков.

Долог путь от Благовещенска до Игнашино. Отряд должен побывать на Желтуге и вернуться в Благовещенск до того, как начнется весенняя распутица. А в теплом дыхании ветров чувствуется приближение весны. Уже сейчас кое-где дорогу пересекают дымящиеся паром темные лужи. Рыхлый мартовский снег днем проваливается, ошметками летит из-под копыт лошадей.

Но вот кончились бескрайние степи, и по обе стороны реки поднялись отвесные суровые скалы, поросшие чернолесьем. Все с облегчением вздохнули, когда миновали впадающую справа в Амур большую китайскую реку Амурэрхэ.

— Теперь скоро Албазиха, а там и Желтуга рядом, — сказал один из казаков, местных уроженцев.

У Албазихи Вышнепольский и Фишер пересели на верховых лошадей. Никто не знал, какова будет дорога до приисков. Вскоре отряд нагнал большой караван верблюдов, груженный тюками.

— Куда путь держите, добрые люди? — крикнул Вышнепольский.

— На Желтугу, куда ж боле, — скороговоркой ответил забайкальский, судя по говору, низкорослый казак из погонщиков. — Товар везем, продохт разный.

— А Желтуга-то далеко?

— Да не, через версту тинигус начнется. Потом вниз дорога, там вскоре и прииски, — охотно объяснил забайкалец.

— Что за тинигус? — спросил Фишер Вышнепольского.

— Подъем на гору. В Сибири так говорят, в Забайкалье.

Дорога оказалась хорошо наезженной. Вышнепольский с любопытством приглядывался к встречающимся на пути людям. Один верховой в ороchonском малахае, попутчик отряда, оказался желтугинцем. На вопросы Вышнепольского о приисках он отвечал невнятно и явно неохотно, ссылаясь на незнание. Казалось, он тяготился

своими, невольными спутниками, но не отставал и вперед не уезжал.

В одном месте конь Вышнепольского, испуганно храпя, шаркнулся в сторону, чуть не свалив своего тучного седока. На снегу чернел труп человека, одетого в какую-то рвань, под головой у него лежала котомка.

— Кто, это? — испуганно воскликнул Вышнепольский.

— Он тут давно лежит, — равнодушно сказал желтугинец. — Болел, наверно. Цинга.

— А может быть, убили?

— Может, и убили.

— У вас многие болеют цингой? — допытывался Вышнепольский.

— Болеют, — неопределенно ответил желтугинец, давая понять, что не расположен к откровенной беседе.

Версты за три от желтугинского поселка, уже в районе разработок россыпей, желтугинец опередил отряд и свистнул по-разбойничьи. Казаки испуганно снимали карабины и зашелкали затворами.

— Стой! — заорал Фишер.

— Я стою, барин, пошто орешь? — насмешливо ответил желтугинец.

Из тайги вылетела на рысях группа вооруженных всадников. Передний — рослый мужчина — зорко, словно ощупывая, смотрел одним глазом. Он остановил коня посреди дороги и спросил сурово:

— Кто такие будете, зачем пожаловали?

Вышнепольский назвался. Одноглазый богатырь махнул рукой патрулю, и всадники скрылись в тайге. Одноглазый поехал рядом с чиновником.

— Строго у вас, — с улыбкой заметил Вышнепольский.

Одноглазый промолчал.

Фишер внимательно приглядывался к Одноглазому. Где он видел этого рослого, сильного человека? И наконец припомнил. Фишера даже в жар бросило от мысли, что он встретил Одноглазого здесь, в тайге, среди буйной вольницы старателей...

Несколько лет назад, когда Фишер, сын управляющего именьями графа Бобринского в Тульской губернии, приехал летом из юнкерского училища к своему папаше Августу Карловичу Фишеру, в ближайших деревнях

взбунтовались крестьяне. Они были доведены до отчаяния зверской эксплуатацией и вымогательствами графа и его управляющего. И вот июльской ночью запылали на барских полях стога сена и хлеба, загорелись строения барской усадьбы.

А через день прибыли вызванные графом войска, и началась расправа с крестьянами. Солдаты пороли всех без разбора. Захватили вожаков бунта. Среди них был и этот рослый молодой мужик. Связанный, он стоял перед графом и управляющим и с усмешкой слушал, как они изощрялись в ругани.

— Слюной изойдешь, барский пес, — сказал он Августу Карловичу. Тот взвизгнул от злости и ударил плетью по лицу мужика. Рванулся он на обидчика, но крепки веревки, четверо дюжих солдат держат бунтовщика. — Попомнишь меня, собака! — крикнул с ненавистью связанный и плюнул в лицо обидчику.

Ну, конечно, это он, тот бунтовщик. Фишер невольно оглянулся назад: «Не убежишь!» Отстал от отряда и ехал сзади, стараясь не попадаться Одноглазому. Что с ним потом было? Да, его судили с другими главари бунта, сослали на каторгу. Отец Фишер говорил: «Оттуда не сбегут, сгноят голубчиков в рудниках».

Не таков был Одноглазый. Его не сломила и каторга. Два года готовился и бежал из самой страшной седьмой Карийской каторжной тюрьмы. Скрывался на глухих приисках, на верхней Зее. А потом на Желтугу пришел. О всех злочлечениях своих живо вспомнил Одноглазый сегодня, когда увидел сына Августа Карловича Фишера. Копия батюшки сынок, а лицо старого волка Августа Карловича до смерти не забудет Одноглазый, бывший тульский крестьянин, ходок в Петербург, организатор бунта против живоглота графа Бобринского.

У поселка Одноглазый остановился, пропустил отряд вперед, подъехал к Фишеру. У того затряслись губы, побелел от страха офицер. Загадочно улыбаясь, спросил Одноглазый насмешливо:

— Укрываешься? Я тебя сразу признал, ничего, что батя твой глаз мне вышиб. Жив отец-то?

— Жив, — пробормотал Фишер.

— Не убили еще змею, — задумчиво проговорил Одноглазый. — Придет время...

У младшего Фишера душа ушла в пятки. Ничего не

соображая, он ехал за отрядом вдоль пустынной в эти предобеденные часы Миллионной.

А внимание Вышнепольского привлекли многочисленные флаги на крышах зданий. Один флаг на высоком флагштоке выделялся большим размером. Едва колыхаясь на слабом ветру, черно-желтые полотнища скрашивали однообразную картину поселка, застроенного временными зданиями с плоскими крышами.

— Штандарт сей как понимать? — осведомился чиновник. — Никому вы здесь не подчиняетесь?

— У нас свои законы — им подчиняемся, — ответил Одноглазый. — И флаг свой имеем.

— Государство воров, — пробормотал седой урядник из охраны Вышнепольского.

Одноглазый резко повернул коня и наехал на казака. Тот испуганно заморгал глазами.

— Ты хоть и гость, казак, но очень свободно можешь получить кнута за грязный свой язык. Запомни...

Карл Фассе, видимо, знал о гостях и давно поджидал их. Он с достоинством принял Вышнепольского в парадной комнате управления. Никто не упоминал о цели приезда чиновника — ни он сам, ни Фассе. Говорили о пустяках. Фассе распорядился устроить казаков и Фишера в свободном зимовье, чиновника же оставил в управлении.

— Знакомьтесь с нашими нравами, — вежливо предложил Карл Фассе.

— Но я, собственно, — не выдержал чиновник, — я, собственно, приехал, милостивый государь...

— О делах потом, — остановил его Фассе.

И вот третий день Вышнепольский с любопытством наблюдает жизнь «господ желтугинских жителей», как называют себя желтугинцы. Люди выглядят весело, держатся самоуверенно. Главное, что поразило чиновника, это дух вольности, витавший здесь. Вышнепольский убедился также, что на этот раз газета «Восточное обозрение» была права. В Амурской Калифорнии царил порядок. Лавки торговцев, склады частные и общественные, зимовья старателей не запирались, и не было случаев краж. А ведь в зимовьях порой скапливалось огромное количество золота.

От нападения внешних банд хунзузов и отдельных воров Желтугу охраняли сто пятьдесят стражников.

Третья часть их на лошадях. Ночью три конных патруля объезжают улицы поселка, золотиносные участки.

Поразил чиновника и необычайно разросшийся поселок. Он насчитал свыше пятисот больших зимовьев и сбился со счѣту. Обширную Орлиную площадь окружали десятки торговых зданий. Были тут и общественные бани, пекарни, цирюльни, фотографии и даже вместительный сарай-театр, в котором давали представления заезжие артисты.

Пытался Вышнепольский выяснить истинные размеры добычи золота и золотиносных площадей, но безуспешно. Фассе отделивался шутками: «Вся речка Желтуга от устья до верховьев в золоте»

Как-то, обедая с Карлом Фассе, чиновник сказал:

— Когда я ехал к вам, то встретил у дороги мертвого.

— Хунхузы убили. Это случается, — хладнокровно заметил Фассе.

— А мне сказали — от цинги. У вас много больных цингой?

Фассе поднял рыжеватые брови. В голубых глазах старшины блеснул огонек недовольства. Его заметил хитрый Вышнепольский.

— Хорошо пить пихтовый настоем, — сердобольно посоветовал чиновник.

— Пьют. Овощи достаем, лук. Но цинга есть, хотя больных немного. У нас госпиталь есть, врач хороший. Желаете — после обеда пойдемте посмотреть наш лазарет.

На лице Фассе появилась улыбка: немец заметил, как удивлен чиновник существованием на прииске лазарета.

Увидев в приемной госпиталя Розова, Вышнепольский закудаhtал, взмахивая жирными руками:

— Ну, милостивые государи, сюрприз за сюрпризом! Откуда вы здесь, дорогой доктор?

Розов некоторое время жил в Благовещенске и бывал на светских вечерах. Там и состоялось очень короткое знакомство Розова с Вышнепольским. И теперь этот чиновник появился здесь. Он хитрит и юлит, но желтугинцы знают истинные причины визита посланца губернатора.

— Вы, надеюсь, приехали золото промышлять? — с любезной иронией осведомился Розов.

— Помилуйте, какой я золотиноскаатель! — игриво по-

казал Вышнепольский на свой объемистый живот. — Я либерал. Меня, знаете, интересует, так сказать, практика учения Роберта Оуэна и там, этого... Фурье. Я частным порядком вояж сей совершаю. Но показывайте вашу больницу, дорогой доктор.

Розов предложил Фассе и Вышнепольскому серые халаты из сарпинки и повел осматривать госпиталь. По внешнему признаку больница отличалась от прочих зимовьев только большими размерами. Такой же бревенчатый сруб, маленькие оконца. Больница разделена на четыре отделения. Самое большое отведено под палату для больных. В два ряда стоят двадцать деревянных коек, прибитых к полу и стенам. Кровати застелены двойным слоем мягкого монгольского войлока, белыми простынями. Сверху байковое серое одеяло и парусиновая, набитая травой подушка.

Большинство больных лежали. Лишь человек пять сидели на постелях, с любопытством следя за гостями.

— Как, братцы? На поправу дело идет? — бодро спросил Фассе.

— Поправляемся, Карл Иванович. Уж больно душевно нас дохтур пользует, — ответил за всех пегобородый. — Скоро золото мыть двинемся!

В углу у стенки лежал перевязанный бинтами старатель и стонал в беспамятстве. Фассе подошел ближе.

— Кто такой? — спросил Фассе.

— Петька Конев. Пожар случился в китайской фанзе, — охотно рассказывал пегобородый. — Угорели китайцы и лежат в бесчувствии. Один опамятовался, вылез из зимовья, а по дороге уголья горячие рассыпал, и занялась изба. Петька первый прибежал и повытаскал китайских мужиков. Сам и опалился, ровно боров.

— Сильные ожоги получил, — подтвердил Розов. — Но для жизни не опасно. Только погниют раны долго.

Следующее отделение было занято аптекой. На полках рядами выстроились склянки с лекарствами. Пахло йодоформом. В третьем, довольно тесном помещении происходил прием больных. Здесь как раз фельдшер вел осмотр старателей. Здоровенный детина широко открыл рот, и фельдшер, страдальчески морщась, прилаживался выдернуть клиенту коренной зуб. В последнем, четвертом отделении помещалась кухня и жила немногочисленная прислуга госпиталя.

Розов гордился своим лазаретом. Он охотно рассказывал обо всем, что интересовало Вышнепольского, забыв о своей к нему антипатии!

Вышнепольский всем своим видом старался показать, что ему нравится на Желтуге. Он хвалил порядки, охотно беседовал со старшинами. Хитрый и умный чиновник стремился как можно больше узнать о приисках, поэтому не прочь был прожить здесь еще недельку, да приближалась распутица, и Фишер торопил. Он жил с казаками, боялся выйти на улицу, опасаясь, что Одноглазый его пришибет. Фишер вздохнул облегченно, только выезжая с берега Албазихи на темный лед Амура. Он не мог понять, почему Одноглазый упустил его живого из Желтухи. Немчик судил о людях по себе. А Одноглазый не забыл обиды, но мечтал отомстить самому обидчику, Августу Карловичу Фишеру, и сейчас продолжавшему драть три шкуры с мужиков далеких и родных деревень Епифанского уезда Тульской губернии.

— Да они, шельмецы, живут по-европейски, — разглагольствовал Казимир Алексеевич дорогой, вызывая раздражение у Фишера. — Ты понимаешь, сударь, у них настоящее бордо шампанское! В тайге-то, в чертовой дыре — шампанское!

— Не знаю, меня не спаивали, — злился офицер, отворачивая лицо от Вышнепольского, чтобы не видеть его улыбающейся пьяньей физиономии.

— Вы все скромничали. Ну, конечно, вы немец, вам нельзя и тому подобное, — болтал Вышнепольский.

В Благовещенске Вышнепольский обстоятельно описал Желтугинские прииски, нравы и обычаи тамошних золотоискателей, совершенно забыв о либерализме. Он рекомендовал эффективные меры.

— Говорите, эффективные меры? — покачивая на ладони увесистый доклад Вышнепольского, спросил губернатор. — Прекрасно. Но я должен пока повременить. Наши амурские промышленники против блокады Желтугинских приисков, и мы вынуждены с этим считаться.

— А дух республиканский? — опешил Вышнепольский.

— Дух этот на китайской территории. Пусть они и занимаются им. А мы, повторяю, пока повременим. Да и с купцами ссориться мне сейчас нет расчета.

Последние слова губернатор адресовал больше себе,

чем Вышнепольскому. По интонации его голоса можно было догадаться, что себя старался убедить губернатор в правильности такого решения. Вышнепольский' кое-что стал понимать. Он уже почти осязал толстые пачки асигнаций, поднесенные купцами губернатору вместе с просьбой «не препятствовать торговле с золотоискателями Амурской Калифорнии».

...Но разве такое решение понравится могущественному Ли Хун-чану? Его директивы гусайде ясны и четки. И гусайда, отвернув рукав шелкового халата, осторожно выводит тушью иероглифы, докладывая Ли Хун-чану об отсутствии должного интереса к Желтуге у русского губернатора.

Веселье

Сегодня воскресенье. Исполдволь готовится к таким дням Пимен Григорьевич Середкин. Старатель веселится, а ему нажива. Все давно готово для приема гостей у хозяина «Тайги». Уже несколько раз выглядывал купец в окно, ревниво наблюдая, как редкие прохожие заворачивают в соседний «Марсель».

— Чтоб ты сгорел! — произносит обычное пожелание конкуренту Середкин. И, поскрипывая новыми сапогами, выходит на крыльцо.

— С праздничком, Пимен Григорьевич! — приветствует купца сторож и забулдыга старатель Мотя. Собачьими виноватыми глазами глядит Мотя на купца и пробирается в ресторацию.

— Не уходи без меня, Мотька, — приказывает Середкин. — Разговор к тебе будет.

Мотя согласно кивает головой.

Экая благодать на вольном воздухе! Утреннее солнце щедро заливает светом широкую площадь, темные зимовья с поросшими травой плоскими крышами и тайгу необъятную, сейчас зеленую, ласковую. Но, несмотря на яркое солнце, земля в этих местах оттаивает только сверху, а внизу — вечная мерзлота.

Как и эта мерзлая земля, лишь внешне будто оттаяли сердца желтугинцев, сохраняя внутри горечь несправедливых обид и унижений, несбывшихся надежд. Обсчитывают живоглоты-купцы, когда песок сдают им ста-

ратели; старосты, хоть будто и по закону действуют, тоже норовят выгоду для себя найти. А из далеких покинутых сел и станиц идут тяжелые вести: с голоду пухнут семьи, ожидая кормильца, что ушел искать счастья на золоте.

В воскресные дни гуляют золотоискатели, которым пофартило. А около них вьются, словно мошкара, те, у кого нет золотого песка, но есть надежда и охота выпить за чужой счет.

Вон такой богач на час идет к «Тайге», окруженный свитой старателей. Это пегобородый. Несколько самородков вырыл он на прошлой неделе. Половина их уже перекочевала в железный шкаф Пимена Григорьевича. Попадут туда и остальные.

— Веселись, душа! Гуляй, старатели! — куражась, кричит пегобородый. — Верно я говорю, ваше степенство?

— Милости прошу господ старателей, — гостеприимным жестом приглашает купец компанию пегобородого в «зал» ресторации.

Пропустив последнего гуляку, Середкин хотел уже идти в гостиницу, как его тихо окликнул хриплый голос:

— Пимен Григорьевич!

Середкин круто обернулся. Перед ним стоял худой, заросший и оборванный приказчик Федька. Глаза Федыкины горят, как у затравленного волка... Кровь медленно отхлынула от лица Середкина.

— Кто велел? — задохнулся он от злобы.

— Выручай, хозяин, смерть пришла...

— Дознались? Говори, что молчишь, идол! — У Середкина волосы зашевелились на голове.

— Видно, дознались. Еле улег...

— Да ты угорел, еловая башка! Ко мне бег, скотина! Наводишь!

— Хозяин... — начал Федька.

— Замолчи, змей! — с ненавистью прошептал купец, косясь на дверь гостиницы. Он схватил Федыку за ломотья, повел за угол. — Иди вон в ту пристройку и сиди, носу не смей на улицу показывать, пустельга!

Федька, втянув голову в плечи, юркнул в низкую дверь пристройки.

Вот она, жизнь человеческая! С утра день сулит тебе радость, а получаешь одни огорчения. Только улыбался

Середкин, а теперь кошки скребут душу. Никогда не верил Пимен Григорьевич недотепа Федьке. Подвел-таки, подлец! Там, в Игнашино, быстро бы развязал купец этот тугой узелок, а попробуй здесь, в Желтуге.

А из ресторации уже неслись крики разбушевавшегося пегобородого:

— Хозяина сюда! Не желаю с половыми дело иметь подавай самого хозяина!

Середкин согнал с лица озабоченность и шагнул в ресторацию.

— Пимен Григорьевич! Ваше степенство! Шаипанского давай немедленно, — потребовал пегобородый, завидя Середкина. — Хересу давай! Ты пошто золотишников каким-то пойлом поишь? Мы тебе свиньи, что ли? Или золото у нас другой пробы?

— Угомонись, старатель. Дадим шанпанского.

Половые бегали между столиками, гремя бутылками, а пегобородый, забыв о сортах вина, шумел:

— А где Игнат Неродов, Одноглазый где? Аль пить гнушаются со мною? Может, я лучше их человек. Может, и голова у меня работает не хуже. Зазнались, варнаки, что старшинами заделались!

Не подозревая, что их костит на все корки подгулявший пегобородый, Игнат, Одноглазый, Лапшин сидели в зимовье врача и внимательно, стараясь не проронить ни одного слова, слушали, как Розов читал им поэму Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?» Врачу никогда не приходилось видеть настолько внимательных слушателей. Они с такой непосредственностью реагировали на каждое слово, что и самому Розову передавалось это чувство новизны восприятия.

— Великая книга! — с восхищением сказал Одноглазый, когда Розов дочитал поэму. — Ты мне дай эту книгу, я ее сам перечту. Понимаешь, доктор, кажется мне, что и про меня тут описано, и про мою жизнь. В нашей деревне оболдуи-помещики и сейчас над народом измываются, — лицо Одноглазого потемнело.

— Сразу видно, что книжку мужик сочинял, — заметил Игнат.

— Некрасов — сын помещика, — возразил Рублев.

— Ну, нет, не поверю, — усмехнулся Игнат. — Это придумали баре. Им завидно, что мужик в люди вышел, просветление мозгов получил, вот они и придумали про

помещика. Да разве не видно, что только мужик может такое написать! И фамилия-то Некрасов. Значит, жисть была в его роду не красна. Мужик!..

«...Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!»
И чудо сотворилось —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг! —

продекламировал Одноглазый. — Здорово сказано. Про силу народную.

А с улицы все громче доносились голоса подгулявших старателей. Слышны крики бродячих торговцев-китайцев, таскающих свои товары в корзинах на коромысле. А вот песня, озорная, веселая, взвилась, зазвенела, и рассыпались малиновые переборы гармошки:

Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке
Сизый селезень плывет...

— Гошка заливаается, — с одобрением в голосе заметил Неродов. — Неугомонный парень!

Рано поднялся сегодня Гошка, гармонь схватил, побегал к оправившемуся от ожогов Петьке Коневу. Еле растолкал друга, стащил с нар за ногу.

— Пошто спишь, филин? На улице красота такая, а он, ровно медведь, отлеживается. Сегодня на Орлином поле цирк открывается, в зверинец ходим.

Празднично гудит Орлиная площадь. Почти все население собралось здесь, надев свое лучшее платье. Яр-ко-красными маками цветут в толпе кумачовые рубахи, строго чернеют жилеты, в белом расхаживают черноволосые корейцы, в синих куртках-хурмах и синих штанах из дабы — китайцы. Слышны звуки играющих вразнобой гармошек, тревожащие сердце удары китайского барабана, тонкий свист свирели. Над толпой гудит раз-ноязыкий говор.

На базаре и в лавках обилие товаров и продуктов. С возов покупают артельные повара солонину и сухари у забайкальцев. Здесь можно достать и драгоценный лук, и чеснок, и даже картофель. Торгуют кожами и котельным железом, творогом и лопатами, веревками и

баранками. В лавках выбирай любое сукно и ситец. Есть синяя «китайка» и белая бязь. Можно купить и модный фрак, и смокинг, и шелковый цилиндр. Торговый люд утверждает, что в Благовещенске и Владивостоке нет такого выбора товаров. Золото заставляет купцов ломать голову над тем, что бы еще предложить старателю. И даже самый неожиданный в этой таежной глуши товар находит сбыт. Даже шелковые цилиндры берут!

А в стороне, у стен складов и каких-то заборов, построились сапожники, портные, брадобреи, фотографы, пельменщики. Ловкие руки мастеровых быстро наколотят к прохуdivшимся башмакам подметку, зашьют и отутюжат пиджак и штаны. Блестит на солнце бритва цирюльника, старательно выскабливающего голову китайца до сизого блеска.

— Косу отрезать? — делает резкое движение бритвой улыбающийся цирюльник.

— Нельзя коса! — испуганно кричит китаец. — Ханьжень нельзя без коса.

На чурбаке уселся старатель в розовой ситцевой рубашке, в жилете, в новом суконном картузе. Через живот цепочка. Сапоги тоже новые, начищенные до блеска, хоть смотришь в них. Лицо старателя строго-удивленное: он фотографируется. Фотограф, сухонький старик японец, накрывает голову черным покрывалом и настраивает аппарат.

— Сапоги чтоб вышли, — просил старатель.

— Хорошо, капитана, — вежливо успокаивает клиента фотограф.

Летом в Желтугу нахлынули десятки труп бродячих артистов. Сегодня у них страдный день. Вот под заунывные звуки шарманки кувыркаются на ковре акробаты. Здесь старатели плотным кольцом окружили фокусника-китайца в голубом халате, с черной, туго заплетенной косой. Люди ахают, когда на глазах пустые фарфоровые чашки наполняются молоком, исчезают разноцветные шарики, только что опущенные в ящик. А напротив такая же толпа потешается над лукавыми проделками медведя, показывающего, как баба за водой ходит, как ребята горох воруют. Гогочущих золотоискателей обходит со шляпой цыган с серьгой в волосатом ухе.

Иногда разноголосый шум толпы покрывает трубный

рык уссурийского тигра. В Желтуге недавно открылся настоящий зверинец, и старатели охотно посещают его.

Но самым большим успехом пользуется у золотоискателей цирк. На балконе, нависшем над ярко размалеванными воротами, которые ведут в огромную круглую палатку, стоит клоун и громко балагурит то на ломаном русском, то на таком же китайском, то еще на каком-то неведомом желтугинцам языке.

— Заходи, заходи, приятеля заводи! — заливается клоун. — Смотри все знаменитый жонглер братья Вивьо! Ловки наездники! Человек без костей! Новый спорт — бой боксеров. Только у нас, спешите купить билет!

Много желающих посмотреть диковинные представления. Валом валят золотоискатели в огромную брезентовую палатку, рассаживаются на скамейках. Представление начинается. Ненадежные стены балагана, кажется, вот-вот рухнут от грубого мужского хохота и одобрительных выкриков, — так зрители встречают уморительные выходки и репризы клоуна. Вместе со всеми кричат Петька и Гошка, до боли хлопая в ладоши. Неизбалованных зрелищами старателей восхищает мастерство акробатов, наездников, бешено мчащихся на сытых лошадях, упругие движения гимнастов, непостижимая ловкость рук жонглера, орудующего кольцами.

Вот на арену вышли боксеры в кожаных перчатках. Высокий и грузный быстро победил низкорослого боксера с кривыми волосатыми ногами. Распорядитель, улыбаясь, обратился к зрителям.

— Кто желает биться на кулак с нашим всемирно известный боксер?

На минуту в цирке наступила тишина. Потом в дальнем ряду поднялся человек и стал спускаться по узкому проходу на арену. Балаган загудел человеческими голосами.

— Дэн, подкинь этому мальчику! — орали американцы, сидевшие особняком на нескольких лавках.

- Вправь бедному мозги!

Зритель, решивший биться с боксером, был ирландец Дэн Келлен. Келлен оказался удачливым, а может быть, боксер цирка не желал, чтобы крошили его кости, но вскоре он был нокаутирован. Американцы ревели от вос-

торга. Келлен что-то пошептал на ухо распорядителю, и тот с готовностью объявил:

— Кто желает биться с Келленом, как говорят русские, по любви?

Поднялся гвалт. Перекрывая шум, чей-то зычный голос заявил:

— Я желающий!

Дэн Келлен взгляделся в полумрак балагана и увидел знакомую физиономию бородатого детины, которого когда-то он уложил одним ударом на землю. В боксе важна ловкость, техника, а не сила. Это отлично знает Келлен, и он спокоен. Он сам помогает надеть перчатки своему противнику. Келлену даже немножко жалко русского увальня. Сейчас он растянется во весь могучий рост от одного выверенного удара. Гонг! Дэн наносит удар, русский отбивает его рукой. Случайность! Еще несколько ударов. И вот русский падает на колено. Друзья Келлена неистовствуют: «Бей его, Дэн!» Дэн бьет. В глазах русского появляется сердитый огонек. Дитина весь подбирается, зорче следит за противником. Он улавливает момент и бьет ирландца коротким ударом в грудь. Дэн падает как подрубленный. Беднягу так и уносят в бесчувственном состоянии за холщовые цирковые портьеры. Цирк приветствует победителя.

— Ты что ж, чуть не убил мериканца! — потешаясь, орут зрители.

— Полегше надо было, это верно. Не умею я по-ученому, — смущенно оправдывается дитина.

— Как же в тот раз тебя энтот мериканец с копыл сшиб? — надрывается кто-то.

— Тогда я выпивши был. Сейчас тверезый. Конешно, огрел от всей души. Не умею я по-ученому-то, вот что...

Хмурые американцы гуськом потянулись к выходу, провожаемые ироническими замечаниями зрителей.

А на арене шаром катался распорядитель и вздымал к небу руки, взывая к спокойствию.

Карл Фассе засиделся сегодня в зимовье. С утра он углубился в интересные расчеты: сколько золота добыли желтугинцы с начала разработок? Приняв за основу минимальную добычу, он получил солидную цифру: чetyреста пудов. Столько драгоценного металла ушло из

долины Желтуги. В среднем на пять с четвертью миллионов русских рублей. Русских? Ну, положим, в Россию-то из этого золота перепал суший пустяк. Самыми неожиданными каналами оно уходило в американские и английские банковские сейфы. В те годы большая часть золота, добытого на территории русского Приамурья и Забайкалья, шла через Китай в Америку, Англию. По части грабежа валюты англо-саксы были непревзойденные мастера. Они обирали Китай, затыкая все туже петли экономических обязательств, вырывая у китайского правительства новые уступки своими притязаниями на экономическое господство в стране.

С улицы сквозь запыленные стекла крохотного окна доносился гомон праздничной площади. Фассе откинулся на спинку стула, углубленный в свои мысли. Многим ли повезло в Амурской Калифорнии? На этот вопрос ответить не трудно: немногим, очень немногим. Большинство же как было нищими, такими и уйдет отсюда. Так было и есть в Америке, Африке, так всюду, где добывается презренный металл.

Философским размышлениям Карла Фассе помешал вошедший без стука агент дома Диксон и К° Келлер. Он раскланялся и, не замечая сухости тона хозяина, бесцеремонно уселся без спросу на скрипучий самодельный стул.

— Как ваше драгоценное здоровье, герр Фассе? — осведомился Келлер, показывая в улыбке лошадиные зубы.

Фассе буркнул что-то неопределенное, косясь на дверь.

— Я к вам по делу, — начал Келлер, став серьезным. — Нашу фирму не устраивает высокая пошлина, определенная статутом Желтуги.

— Что ж из этого? — брови Фассе вопросительно поднялись.

— Предлагаю гешефт, — Келлер метнул взгляд на дверь и тихо добавил: — Пять тысяч рублей. Сейчас...

— Вы не глупы, герр Келлер! — Фассе встал.

— А вы — преданы статуту? — Келлер тоже поднялся со стула. — Это что, игра в благородство?

— Нет. Я практичен, как все мы, немцы. Ваше предложение меня не устраивает. Меня бы устроил подарок в виде всех приисков Желтуги. Но кто мне его преподне-

сет! Сейчас я не хочу терять авторитета у этих людей и не потеряю его. Это выгоднее, поверьте мне.

Смущенный отповедью соотечественника, Келлер поспешил откланяться.

«Какой болван!» — выругался про себя Фассе, проводив гостя.

В дверь постучали.

— Войдите! — раздраженно бросил Фассе, полагая, что Келлер решил сделать новую попытку угорворить его.

Но на этот раз в зимовье вошел Илья Ключин. Сняв картуз с огненно-рыжей головы, он робко сказал:

— По большому и тайному делу к вам, Карл Иванович.

Управитель с любопытством уставился на Ключина, нервно шмыгавшего крючковатым носом.

— Золото я нашел!

— Где? — Фассе вскочил со стула и шагнул к Ключину. — Где? — шепотом повторил он, взяв парня за плечо.

— На реке Сапожке. Верст восемь от Желтуги. Знак хороший, повыше желтугинского будет.

Ключин рассказал, как обнаружил новую золотую россыпь. Пошел охотиться на фазанов. Убил пару. Решил испечь одну птицу, зарыв ее предварительно в землю. Стал копать ямку — самородок с горошину. Забыв о фазанах, начал рыть грунт широким охотничьим ножом. Потом из бересты сделал лоток, пробу взял — хороша!

Карл Фассе слушал, и алчный огонек светился в голубых его глазах. Прикинув так и сяк, Фассе решил, что о находке надо умолчать.

— Не уйдет это золото от нас, — сказал он Ключину, раздумывая, как быть. И после долгой паузы строго добавил: — Знаем о Сапожке ты да я. Запомни...

День клонился к вечеру. Забелели туманы над быстрой Желтугой. И вот уже догорела вечерняя огненная заря за почерневшими хребтами сопок, и звезды приветливо мерцали в темно-голубой вышине. Постепенно стихал праздничный шум. Желтугинцы рано ложатся, рано встают. По поселку прошел первый патруль стражников. Он покрикивает на слишком шумных гуляк. Особенно следит за дымами. После захода солнца строго

запрещалось топить печи в летнее время во избежание пожара. А летом в Желтуге часты бывали пожары.

Давно уже опустели улицы и Орлиная площадь, но в просторной ресторации «Тайга» играл орган. Нестройные голоса заядлых кутил пытались затянуть песню.

Мрачнее тучи Середкин. Непокойно на сердце. Страх давний гложет сердце Пимена Григорьевича. О нем совсем было позабыл Середкин, да сегодня напомнил Федька, непутевый человек.

Но как бы ни терзался купец, это не мешало ему быть предупредительным хозяином. Он с обычной зоркостью следил за всем происходящим в зале, тщательно просеивая словесный мусор пьяных речей, отыскивая золотую, нужную крупинку.

Вот в углу «культурный деятель» сидит за столиком с тремя желтугинскими бакалейщиками. Каждый говорит свое, не слушая собеседников. В другом углу группа старателей толкует о золоте.

— Золото все больше в мерзлой земле находится, — убежденно говорит один из них.

— Это верно, — соглашается Мотя. Он так и просидел целый день в ресторации. — Я вот сколь золотишком занимаюсь, так завсегда в мерзлоте его отыскивал.

— А в самоваре ты его, случаем, не отыскивал? — громко спрашивает Мотю Середкин и со злорадным удовольствием видит, как горбится и никнет фигура старателя. На лице Моти блуждает угодливая улыбка. Рад купец. Не один он испытывает леденящую душу трусость. Вот человек, старатель Мотя, — ему еще похуже...

Как-то пошли меж скупщиков слухи, что завелся среди старателей Желтуги фальсификатор золотого песка. Опасный человек для скупщиков. Нельзя же каждую щепотку песка испытывать «царской водкой». Решили изловить злодея. И вот однажды в амбар к Середкину приходит этот самый Мотя и приносит мешочек с золотом. И прийти-то норовил, когда много сдатчиков собралось. Но наметанный глаз у Середкина: подозрительно ведет себя Мотя, суетится излишне, хохочет. Взял купец песок у него и напрямик спрашивает:

— Самовар аль подсвечник промывал?

— Ваше степенство, — захихикал Мотя, — пошто не верите? — А сам обмер, лицо побледнело, губы трясут-

ся. Как не испугаться! Он, как и другие, одобрил закон о наказании за подделку золотого песка: пятьсот ударов терновником. Не спускает глаз с купца несчастный Мотя, а тот ухмыляется и указывает на дверь в боковушку: «Зайди-ка».

— Подпиши вот на этой бумажке: «Это мой ложный песок». Так. Теперь бумажку в песок, а мешок за божницу. А тебя? — Середкин испытующе смотрит на Мотю. — А ты у меня будешь теперь вот здесь, — он показал сжатый волосатый кулак. — Я жаловаться не любитель. Я тебе услугу, ты мне — и квиты!

Так в паучью сеть запутал купец незадачливого фальсификатора. И он занимался тем, что приводил все новых старателей к Середкину сдавать золотой песок. Делал свою работу Мотя с исключительной добросовестностью. Но последние дни ни одного старателя не привел он.

Видит Мотя: зовет хозяин. Подошел, как побитый пес.

— Хочу я на тебя заявить, Мотя, — с притворным сожалением говорит Середкин. — Грех на душу взял — и тошно мне. Выдать, а?

Хмель улетучивается из головы Моти. Бедный мужик гложет и дуреет от страха. А купец потешается над ним, а потом объявляет амнистию.

— Только действуй, слышишь? Скликай, привечай ко мне старателей.

Мотя кланяется и, улучив минуту, сбегает от мучителя, истерзанный страхом, взмокший.

А за бревенчатой стеной, в темном чулане, сидит на нарах Федька-приказчик. Ругает себя Федька, что прибежал к хозяину. Больно неприветливо встретил купец. Куда податься? Мысли путаются в разгоряченной голове приказчика. А за стеной слышны басовитые звуки органа и людской говор.

Горестные размышления Федьки прервал хозяин. Он вошел с ярко горевшей лампой в руках.

— Пошто не спишь? — буркнул купец.

— Сумно на сердце, — вздохнул Федька.

— С умом все надо делать, сердце не будет болеть.— Жесткие, колючие глаза Середкина впились прямо в глаза Федьки. — Тебя никто не видел, не встречал у заставы?

— Нет. Я стороной шел, боялся заставой-то...

— Не знаю, что с тобой делать. Ну, сиди пока. На улицу ни-ни!

Хозяин ушел, закрыв снаружи двери на железный засов. Сильнее сжала тоска Федыкино сердце.

Пахта

Неумолчно, день и ночь, шумят говорливые воды реки Желтуги. В засушливое время безобидна Желтуга, тиха. Далеко от берега тянутся тогда белые песчаные отмели. Но после дружных августовских дождей река разливается и буйствует, сокрушая на своем пути обломки скал, с корнем выворачивая столетние деревья. День и ночь, зимой и летом шумит Желтуга, прилежно размывая коренные золотоносные породы и разнося золотые песчинки по своему руслу.

Бежит Желтуга, торопясь вовремя поспеть к берегам сегого Амура. Только ее журчание нарушает торжественную тишину тайги. Вон рыба подпрыгнула над водой и скрылась снова в глубине. А это что за тень мелькнула в зеленоватой зыби? Выдра высунула из воды усатую морду и осторожно выползла на берег. Раздался выстрел, зверек подпрыгнул и упал мертвым. Из прибрежного тальника вышел с дымящимся ружьем Гошка. Он поудобнее усаживается на берегу в густом постаревшем вейнике и неторопливо снимает шкурку с убитой выдры. Потом моет руки в реке. Откуда-то ветром приносит желтый кленовый лист. Он кружится в воздухе, медленно опускается на воду и, подхваченный рекой, скрывается за поворотом берега. «Осень началась», — думает Гошка.

С трудом переносит Гошка одиночество: Но вот уже больше недели отправляет его Одноглазый на самый отдаленный от поселка сторожевой пост. «Смотреть за дорогой хорошо, — каждый раз наказывает Одноглазый. — Если что — давай знать, костер жги. Зря не стреляй в тайге». А Гошка не утерпел сегодня, пальнул. Дознается Одноглазый — даст он выволочку Гошке. «Шкурку покажу», — успокаивает себя парень. И что ее сторожить, дорогу-то? Полдня пялил глаза Гошка на пустынные ее извивы, поднимающиеся на пологий увал, и ничего подозрительного не заметил в пешеходах и

всадниках, людях на повозках, появляющихся изредка на дороге. Обыкновенные это люди, понятные. Вот серая сгорбившаяся фигура показалась в жидкой зелени молодого дубняка. Человек идет, еле волоча ноги, за плечами тощий мешок. В Россию идет человек, домой. Сразу видно: потерпел полную неудачу на Желтуге старатель. Нет у него за пазухой золотого песка. Иль пески пусты попались, иль болезнь загрызла, не дав поработать? Может, и был фарт, да в один злосчастный день оставил золотоискатель свое богатство в питейном заведении локача-купца. И вот бредет он, горемычный, кланя и золото, и Желтугу, и свою разнесчастную судьбу. А ведь когда-то он был таким же жизнерадостным, как вот эти два мужика, вышагивающих в броднях по пыльной дороге. Они идут на Желтугу с твердой верой, что здесь их ожидает удача. Поэтому на лицах их не видно печати усталости, хотя и отмахали молодцы сегодня, судя по густо запыленной одежде, не один десяток верст. А кто знает, с чем вернутся они домой, да и вернутся ли? Прорехали трое длинных дрог, груженных ящиками. Каждые тянула четверка монгольских лошадей. По упряжке, по нескольким мелочам Гошка точно определяет, что это повозки забайкальских прасолов, торопящихся в Желтугу с товарами.

На час дорога пустеет. Потом появляется группа оживленно перекликающихся между собой китайцев в синих куртках и штанах, в матерчатых туфлях на толстой войлочной подошве. Китайцы легко несут на коромыслах круглые корзины, почти касающиеся земли. Китайцы хорошо знакомы Гошке. Это амурские рыбаки. Они через день приносят желтугинцам свежую рыбу, преодолевая ровным упругим шагом десятки верст пути.

Шумит Желтуга, пенясь на каменистых перекатах. Много людей проходило по ее берегам, и каждый, всматриваясь в зеленоватые воды речушки, искал в ней свое, понятное ему. По-особому смотрит на реку, на любой, таежный ручеек старатель. Его ястребиный глаз сначала обшарит дно в прозрачной воде: не блестит ли на черной гальке самородок или почти незаметная пленка намытого волнами золотого песка? И цвет воды всегда интересует золотоискателя. Вот сегодня в Желтуге вода мутная, взбаламученная. Это означает, что желтугинцы усиленно моют золото. Зря Гошка дал себя уговорить

Одноглазому и пошел в стражники. Скучное занятие. Вроде пса на цепи. Все работают, а ты сиди, карауль пустынную дорогу...

Но не все работали на приисках. В зимовье Степана Конева собралось с десяток старателей. Провожали сегодня домой Степана Силина и шилкинца Акима Шубина. Выйдя из больницы, Аким работал с Силиным, и за лето они намыли порядочно золота. Иной день по двадцать золотников на человека. Большой фарт! С деньгами потянуло мужиков домой: Акима — погулять, удивить земляков-забайкальцев, Степана — всерьез заняться хозяйством. Вместе с Силиным и Шубиным шел еще один старатель. Незнаком он Степану и Акиму и ни за что не согласились бы они идти с ним в тайгу, но Одноглазый сказал: «Верный человек» — и старатели согласились. Верят Силин и Шубин Одноглазому, а все ж не нравятся им «верный человек». Страхovitый какой-то вид у него, глаза злые.

Пришли провожать старателей Одноглазый и Игнат Неродов. Силин и Шубин сияют: не каждому оказывают такую честь старшины. Силин пытается угостить их вином, но они отказываются.

— И вам не советую пить в дорогу, — говорит Одноглазый.

— Я за них пропущу косушку. Эх-ма! — протягивает руку за кружкой мужик-переселенец, тот самый, который не раз проигрывался в карты. Под строгим присмотром Игната переселенец встал на ноги. И даже намыл золота и махнул на Зею, где бедовали жена с ребятишками и свекор в амбарушке у богатого земляка-тамбовца.

— Избу срубил, хлев тоже, амбарушку, коней приобрел двух, — перечислял счастливый переселенец. — Свекру денег оставил. Он у меня оборотистый. Кожи скупать придумал у эвенков, оленьи кожи.

— На кой ему кожи?

— Чудак человек! Да мять и продавать. Со свекром я, Ваняша, в люди могу выйти, вот он у меня каковский старик!

— Так уж и в люди, — хмуро отозвался Бобер.

— Сам - то небось тоже норовишь в люди выйти, человеком стать.

— А я и так человек. «В. люди!» — передразнил переселенца Иван Бобер. — Смотри, пузо мякинное, в свиньи не выйди.

— Хватит вам спорить, — одернул собеседников Игнат Неродов. — Успеете. — И к переселенцу: — Ты обсуди лучше, как путь-дорога, где безопаснее с ночевкой?

Переселенец охотно рассказывает:

— В Благовещенске лучше в затоне у грузчиков останавливаться, у русских и китайцев. Не обидят... Да, братцы! Видел я в Благовещенске Рублева. Иду это у пристани, а навстречу сам Рублев. Одежда на нем форменная, фуражка с медной бляхой, с белым доньшком. А под руку ведет девку, ту, что здесь в Желтуге бывала, за отцом котора приезжала. Маша? Во-во! Расфуфыренная, куды! Думаю, не признает его благородие, в мундирах-то. Нет, признал, остановился, руку жмет мне, глаза веселые. «Приеду, говорит, в Желтугу, страсть хочется позолотишничать». А девка как уцепится за его руку. «Не пушу никуда», говорит.

Аким пытался расшевелить «верного человека». Но тот отмалчивался. Только и ответил Аким, что родом он с берегов светлой Аргуни.

— А-а, захребетник!

«Верный человек» улыбнулся скуп, но не обидчиво.

— Захребетниками-то аргуньцев шилкинские прозвали, — пояснял Аким Степану Силину. — Они-то кореннее аргуньцев. От Шилки, если смотреть на юг, то аргуньцы живут за Газимурским и Нерчинским хребтами. И окают они, словно волжане аль вятчи.

— Сам-то с какой деревни? — спросил Одноглазый Акима.

— Из Горбицы я, из нее.

— Семигрешный, значит, — сказал «верный человек».

— Семигрешный — как понять? — удивился кто-то.

— Есть на Шилке семь сел: Горбица, Соболино, Часовая, Аникино, Караган, Поворотное и Утесное — и все разбойные, — рассказывал Аким. — Конечно, не все жители разбойники, но есть среди них такие! — Аким покрутил головой и глаза зажмурил. — Так вить эти села «семь смертных грехов» зовут, вернее, станции почтовые на берегу Шилки супротив этих сел. Ни прохоже-

му, ни проезжому по реке варнаки спуску не дают, грабят, часто и убивают. Ну и принято говорить: семь грехов миновал иль миновать надо. Значит, идет речь о наших селах.

— С тобой идти-то страшно. Прикончишь где, — посмеивался Силин.

— Ништо, я смиренный, не смотри, что в разбойном селе народился.

— Бросьте такие разговоры перед дорогой, — серьезно заметил Одноглазый. — Еще беду накликаете. Собирайтесь лучше, засветло до Амура надо дойти. Денег-то достал, Силин?

— Не дал Середкин по четыре за золотник, — ответил тот.

— К другим бы пошли.

— Все одна цена. На него, живоглота, глядят, — отозвался Силин.

Были вчера в амбаре Середкина Силин и Шубин, хотели часть золота сдать. Все уши прожужжал им лъстивый Мотя: «Идите к Пимену Григорьевичу». Но чертов купец уперся на трех с полтиной и, как бугай, ни с места. Но и старатели держатся, большой нужды в мене нет.

— Тогда идите на Амур, в Благовещенск аль в Сахалин — там, может, дорожке продадите ваше золото, — сердито посоветовал Середкин. Купец знал: не всем золотоискателям выгодно нести песок и самородки. Опасный и неудобный груз. Вернее деньги. В кассе у Середкина любые деньги можно найти. Есть русские ассигнации, их охотно берут отправляющиеся в Россию, в том числе и китайцы. Много и иностранной валюты: американские и английские доллары, французские франки, немецкие марки, японские иены. Все эти деньги имели хождение на Дальнем Востоке и в Китае. По валюте этой можно было узнать государства, тянущие жадные разбойничьи руки к богатствам Китая. Такой бы вывод и сделал человек, сведущий в политике. Но Середкин был далек от подобных политических обобщений и выводов, еще дальше были от них старатели. Но зато им хорошо известна была политика Середкина.

— Пойдем на Амур. Думаешь, испугаемся? Мы завтра же пойдем... — запальчиво сказал Силин и, увидев предостерегающий взгляд Шубина, осекся. Есть прави-

ло у старателей: поменьше болтать о предстоящем походе домой после фарта. Силин с тревогой заметил: глаза блеснули у Середкина, словно у кошки. Погасил купец огоньки и сказал, притворно зевая:

— Добрый путь. Может, с моим обозом отправитесь? Всё где подвезут.

— Своими ногами уйдем, — отозвались старатели...

Потому и не хочется Шубину идти сегодня. Слишком много людей узнало о его намерении покинуть Желтугу. Нехорошо это, хотя вот в зимовье Конева будто нет у него недругов. А все ж щемит сердце. И «верный человек» не по нутру Шубину. Лицо у него потерянное, сумное, и глаза прячет, ровно провинившийся пес. Плохой признак. Но нельзя высказать вслух подозрения: обидятся Одноглазый и Неродов. Что ж, будет оберегаться Шубин.

Силин, Шубин и «верный человек» вышли с котомками из зимовья и направились к тайге. Надо быстро идти, чтобы не заметили в поселке их походного вида. Скоро скрылись их темные фигуры в густой листве орешника.

...Если бы слушался строгого наказа Одноглазого Гошка и не покидал своего поста, тешась охотой и ловлей налимов под корягами у берега, то увидел бы, как по дороге, в сторону Амура, скорой походкой бывалых таежных людей прошагали трое: Силин, Шубин и их молчаливый попутчик. А вскоре показались на конях с ружьями за плечами Одноглазый и Неродов. Они о чем-то посовещались и свернули с дороги в тайгу. Поломал бы голову Гошка, зачем понадобилось людям ехать чащобой, когда есть торная дорога. Но ничего не заметил парень, валяясь кверху животом в густой пожухлой траве. Он спал, открыв рот, убаюканный ласковым журчаньем речки...

Старатели шли не останавливаясь. Впереди Степан Силин. Он нетерпелив, и ему кажется, что товарищи шагают слишком медленно.

— Наждем, паря! — подбадривал их Силин. — За светло надо Пахту миновать.

Недоброе это место — Пахта — огромная скала, далеко выдающаяся отвесной стеной в долину реки Желтуги у ее устья. У подножья скалы ревет рассерженная 'препятствием река. Здесь она в полной силе. Через па-

ру верст отсюда Желтуга впадает в реку побольше, Албазиху. В скале по естественной террасе проходит пешеходная тропа. Выше — лес, а еще выше — гольцы серые. Дикое место, гиблое. По рассказам бывалых людей, здесь обычно подкарауливают свои жертвы китайские хунхузы и русские разбойники и стреляют из-за обломка скалы в спину. Потом быстро отыскивают у старателя золото и скрываются в тайге. И только по неистовому крику вороньей стаи догадываются после путники о разыгравшейся здесь еще одной трагедии.

У подножья Пахты, где начинается подъем на нее, Силин приказал остановиться.

— Я переобуюсь, а вы посидите. Сейчас перевалим, — ободряюще говорит он. — Теперь, кажись, не балуют тут, стража наша сюда заглядывает, стражу боятся. Ну, пошли. Ближе о друг к другу не жмитесь, приотставляйте сажень на двадцать. Случится грех, не всех сразу постреляют.

Путники растянулись по тропе и пошли, сильно наклоняясь вперед. Крут подъем на Пахту!

...Далеко видно со скалы, если лежишь почти под самыми гольцами. Пожалуй, уже давно притаились здесь эти двое с ружьями. Руки и ноги у них затекли от неподвижного лежания, в глазах рябит. И томит желанье закурить сигарку. Но двое терпеливы. Они внимательно смотрят на серую тропинку, что змеится среди обломков скалы.

Вот внизу послышались голоса. Двое за обломками скалы насторожились, сжимая ружья похолодевшими руками. Скоро на тропу вышел Степан Силин. Он широко вздохнул всей грудью и крикнул:

— Поторапливайсь, парь! Спускаться веселее будет!

На тропе появился рядом с Силиным Аким Шубин. Он снял шапку, отер ею пот с лица и осмотрелся вокруг. Шубин подозрительно взглянул и на камни, за которыми притаились двое с ружьями. У обоих старателей за спинами мешки, и оттого они издали кажутся горбатыми. Резко выделяются их темные фигуры на фоне бледно-голубого осеннего неба. Совсем немного задержались на верхней точке Пахты путники, видимо поджидая третьего, но и этих считанных секунд достаточно двум, поохотничьи упрятавшимся в скрадке.

— Ты цель в правого, мой левый, — прохрипел один

из них. Он приподнялся, оперся на локоть и прицелился, зажмурив правый глаз. Но в это же мгновение по-медвежьему заревел от боли. Кто-то ударил его по руке чем-то тяжелым, и рука повисла плетью. Рядом раздался тонкий запоздалый крик товарища. Он полз задом в кусты, закрывая голову от сыпавшихся на нее ударов прикладом отнятого у него ружья.

— Вставай, Середкин, — с презрением сказал напавший на купца, и тот узнал по голосу Одноглазого.

Середкин тяжело поднялся на ноги, заботливо отряхнул с плюсовых шаровар веточки белого мха. Неродов и подоспевшие старатели подвели упирающегося и дрожащего всем телом Федьку.

— Правду говорили про тебя, что ты на двуногих гусей большой охотник, Середкин, — насмешливо сказал Игнат Неродов.

— А я, может, со страху, обороняться, может, хо-

тел, — хитрит купец. Глаза его бегают, выдавая напряженную работу мозга.

— Обороняться от безоружных? Ври, Пимен Григорьевич. А этот человек тебе не знаком? — дернул за рукав купца Неродов.

Середкин обернулся. Лицо его побелело, челюсть отвисла: перед ним стоял убитый. Да, да, своими руками убил «верного человека» Середкин. И вот он перед ним — живой, беспощадный, суровый. Отвел глаза купец, плечи опустил, размяк, лицо стало равнодушным. Да, он стрелял в этого человека и в другого. Этот живуч оказался, ранил и изувечил купца, а Федька сбежал.

— Обоих тогда я заприметил, — говорил «верный человек», сжимая Федькино ружье. — Особенно Федькино рьло запомнил. По нему и след нашел.

Середкин бросил такой гневный взгляд на Федьку, что тот невольно съежился, как от удара.

— Мы с братаном участок застолбили хороший на Амазаре. Федька середкинский пронюхал да шепнул хозяину. Ну и порешили убрать нас тихо. Ан сорвалось, душегубы, — продолжал «верный человек». — Отомщу за братана!

Купец молчал. Все ясно: его убьют. Он заслужил смерть и знает, что просить о снисхождении бесполезно. Много крови на руках жадного Пимена Григорьевича, подстрелившего не одного старателя-«горбача». Стрелял и русских, и китайцев, и корейцев. Хладнокровно выгребал из карманов убитых холщовые мешочки, кожаные кисеты, куски оленьих прозрачных кишок, наполненные золотым песком. У иного находил драгоценный корень женьшеня, а у другого — одну-единственную изглоданную краюшку черного заплесневелого хлеба...

Федька, не переставая причитать, рванулся из рук державших его старателей и бросился в ноги Одноглазому. Сапоги обнимает, плачет горячими слезами.

— Не виноватый я, подневольный! — кричит Федька. — Пес-то энтот втравлял, заставлял. Не то пришибу, грозился. Не убивайте меня, братцы, я все обкажу.

— Брось верещать, заяц, — презрительно 'сказал Середкин. — Заяц был, зайцем и помрешь.

Купец твердыми шагами подошел к самому краю обрыва, заглянул вниз, обернулся и сказал, криво усмехаясь:

— Спрыгнуть сам хотел, — высоко. Стреляйте.
— Молись! — крикнул «верный человек», вскидывая ружье.

Середкин истоиво перекрестился. На мгновение перед его глазами мелькнуло смеющееся круглое веснушчатое лицо Аринши. «Сказать что-то надо, запоздаю», — мелькнуло в голове. Грянул выстрел. Когда дым рассеялся, на скале не было купца. Его тело уже плыло в мутной воде Желтуги.

Федька упрашивал, размазывая грязными руками слезы:

— Братцы, невеста у меня! Это все хозяин, он, пес!

— На том свете женишься, — жестко заметил «верный человек» и выстрелил.

Ружья Середкина и Федьки взяли Силин и «верный человек». И скоро трое ушли дальше, к Амуру, а двое, вскочив на коней, поскакали на прииски напрямик через тайгу.

Чувство опасности прервало сон Гошки. Он встал, перезарядил ружье и прислушался. Тихо. Только речка, монотонно журча, рассказывала что-то прибрежным хмурым скалам. Гошка понемногу успокоился, сошел к воде, лег на живот и жадно напился. Невдалеке послышался треск тальника. Гошка притаился. Сажень в пяти от него кусты раздвинулись, и к реке вышли, оживленно беседуя, два китайских солдата, — по форме узнал их Гошка. Глянув на дорогу, Гошка обмер: там беспорядочной толпой шли и шли солдаты. Вооружены они по-разному. Вот двое несут фитильное гладкоствольное ружье длиною в сажень с диаметром дульного отверстия в три дюйма. Кое у кого английские скорострельные пуцеры, а у кого и древние луки и бамбуковые пики. Солдаты громко переговаривались на ходу. Многие, передав оружие товарищам, бежали к речке напиться и освежить водой разгоряченные лица. Гошка насчитал более двухсот солдат. «Надо быстро сообщить в Желтугу», — решил парень и бросился тайгой к поселку.

Прибежал в управление ободранный, с исцарапанным до крови лицом. Тяжело дыша, ввалился в комнату, где обычно собирались старшины. И сейчас они бы-

ли все в сборе. На председательском месте Карл Фассе. Все обернулись к Гошке. Он перевел дух и крикнул:

— Карл Иванович, старшины! Китайские солдаты идут!

Рыжеватые брови Фассе поползли вверх. Длинный нос смешно pokrивился в сторону. В глазах — еле сдерживаемый смех. Спросил деловито:

— Много солдат?

— Полтыщи, а то и поболее, и все с ружьями и пиками, — ответил Гошка.

— Зачем так напугался? — спросил Фассе, неторопливо раскуривая трубку.

Гошка густо покраснел от обиды. Буркнув что-то невнятное, он хотел уйти, но Фассе приказал остаться. Парень нехотя уселся в углу, прислушиваясь к разговору старшин, прерванному его появлением. Оказывается, все уже знали о китайском отряде и сейчас договаривались, как поступить: напасть ли и разгромить отряд, или занять оборону и ограничиться этим. Большинство членов совета склонялось к обороне, по возможности и без кровопролития. Только Ван призывал к полному разгрому отряда.

— Лучше сразу отрубить голову змее, чем ждать, когда она тебя ужалит, — говорил Ван. По опыту тайнинских войн он знал, как важны в военном деле активность и смелость.

— Полагаю, что не стоит слишком резкими действиями раздражать китайское правительство, — настаивал осторожный Фассе.

— Нет в Китае правительства! — крикнул Ван. — Оно было только при тайпинах. Правят Цыси и Ли Хунчан. Это разве правительство? Мы, китайцы, в Желтуге живущие, не признаем их власти. Вот наша власть, — обвел Ван рукой сидящих вокруг старшин.

— Правильно Ван говорит, — поддержал Одноголазый. — Шугнуть бы их, как следует, и делу конец.

— Никаких глупостей. Надо действовать так, как решил сход общества: избегать военных столкновений, — возразил Фассе.

— Попробуй избежи, — насмешливо отозвался Одноголазый. — Ружья-то у них тоже не песком заряжены.

Гошка слушал-слушал и не выдержал:

— Что ж вы тут спорите? Китайские солдаты небось уже к поселку подходят!

— Уже подошли, — спокойно сказал Фассе и поднялся, давая понять, что совещание закончено.

Гошка выскочил из управления. По площади в разные стороны бежали старатели с ружьями, железными ломами, а то и просто с суковатыми дубинами.

Гошку задержал Егор Лапшин.

— Стой, куда бежишь! Заряды есть?

— Есть, — отозвался Гошка.

— Тогда со мной пойдем. Заставу мы сделали у Медвежьего ключика. Дальше не пустим китайское войско.

— Палить будем? — обрадовался Гошка.

— Без команды, смотри у меня, не пали, — строго предупредил Лапшин.

У Медвежьего ключа, за отвалами выброшенной из шурфов земли, залегло в полсотни желтугинцев. Вдоль цепи ходил бородатый человек в высоких сапогах, в черной шляпе. Он коротко поучал старателей, как вести себя, какая будет команда.

— Бывший прапорщик, — с уважением сказал о нем Лапшин. — С туркой воевал.

Над небольшой голой сопкой, через которую шла колесная дорога, сначала показалось облако пыли. Потом появились солдаты. На зеленом фоне сопки они в своих красных кофтах-курмах казались диковинными движущимися красными цветами.

— Ровно маки на огороде, — фыркнул Гошка.

— Вот они тебе уже покажут маки, — отозвался кто-то.

Прапорщик еще раз пробежал вдоль цепи старателей, занявших оборону, и повторил:

— Стрелять по команде и только в воздух.

А китайцы приближались. Уже видны были их лица, косы, болтающиеся за плечами. Над головами старателей тонко пропело несколько стрел, пущенных с сопки лучниками. Китайский офицер подбадривал воинов окриками.

Вот солдаты установили маленькую пушку и выстрелили. Ядро упало в ручей, разбрызгивая хрустальную воду. Старатели нервничали, а прапорщик все еще не подавал команды стрелять.

"Держаться"

Ли Хун-чан был недоволен аудиенцией с регентшей Цыси. Об этом догадывались слуги и свита, встречавшие могущественного Ли Хун-чана в его великолепном пекинском дворце. Не радовали Ли Хун-чана новые алмазы, которые принес показать хозяину верный слуга, горьким казался ароматный чай, невкусными трепанги, придающие человеку силу молодости. «Вздорная баба! — раздраженно думал о Цыси Ли Хун-чан. — Ей бы только копать в дерьме дворцовых интриг. Такую дурю нисколько не интересуют государственные дела. Что бы стала делать регентша Цыси и императорский совет без него, Ли Хун-чана!»

Ли Хун-чан нисколько не преувеличивал своих заслуг. Богатый помещик, ловкий царедворец, он вот уже много лет являлся некоронованным королем и богатейшим человеком Китая. Формально он занимал пост наместника столичной провинции и был членом императорского совета, но фактически влияние его в стране было гораздо шире. Могущественный Ли Хун-чан объявлял войны, заключал мирные договоры. Все было в его руках. Но за делами государственными он не забывал о делах личных и очень успешно пополнял свои богатства, собирая в свою пользу налоги с миллионов китайцев.

Ли Хун-чан не держал, как другие, богатств в подвалах. Он умел далеко видеть и точно рассчитывать. Ли строил текстильные фабрики, верфи и оружейные заводы, и капиталы его баснословно росли. У него были десятки рудников по добыче золота, серебра, алмазов. Он строил паровые суда и пускал их по великим рекам Китая — Хуанхэ и Янцзы. «Надо далеко видеть», — любил повторять Ли Хун-чан, призывая, видимо, этим брать пример с себя. На самом деле Ли Хун-чан не отличался особой дальновидностью, особенно в политике. Как государственный деятель, он был труслив и к тому ж нечистоплотен.

Но чем же не угодила Ли регентша Цыси?

Не так давно Ли Хун-чан проверял важные записи в своем досье и нашел бумажку со словами: «Желтуга»... «Тайпины»... «Золото». Ли немедленно распорядился, чтобы прииски закрыли, народ разогнали, особенно непокорных казнили. Отряд войск побывал на

Желтуге и вернулся ни с чем, принеся с собой десятка два раненых солдат и офицеров. Вот сегодня Ли Хун-чан и попытался растолковать Цыси, что необходимо ассигновать деньги для посылки на Желтугу более сильного отряда.

— Деньги эти прилипнут к рукам чиновников, — цинично заметила Цыси. — Зачем лишние расходы? Зачем столько страха? Надо, чтобы доблестные солдаты разогнали без денег эту кучку презренных феев.

Напрасно Ли пугал регентшу тайпинами, которые верховодят «а Желтуге, доказывал, что там не простые феи, предводителей которых можно легко склонить на государственную военную службу.

Цыси опять повторила:

— Деньги эти прилипнут к рукам чиновников.

К политическим соображениям Ли Хун-чана примешивались и корыстолюбивые планы. Раздраженный рассказами о богатейших желтугинских россыпях, он намеревался прибрать их к рукам.

Отказавшись от послеобеденного отдыха, Ли вызвал к себе секретаря и продиктовал ему два документа: один, в изысканных выражениях, — русскому послу в Пекин, другой, по стилю грозный, выражающий крайнее неудовольствие «вершителя судеб», — губернатору Хэйлунцзянской провинции.

Хотя даотай Хэйлунцзянской провинции и был дальним родственником Ли Хун-чана, он не на шутку встревожился, когда получил сердитое послание от «вершителя судеб». Нередко случалось так, что и родственные узы не мешали Ли жестоко разделаться с неудобными ему лицами, поэтому волю Ли Хун-чана надо выполнять.

Кому же поручить разгон Желтуги, этого нового «гнезда тайпинов», как пишет великий Ли Хун-чан? Губернатор решил, что отряд карателей должен возглавить гусайда, уже раз побывавший на Желтуге. Кстати, через собственных шпионов губернатор был осведомлен о визите гусайды к могущественному Ли Хун-чану. «Сам приготовил напиток, сам и выпей его», — злорадно подумал губернатор, а гусайде сказал:

— Ты храбрый воин. Твои подвиги в Кашгарии, в войне против варварских полчищ Якуб-бека, хорошо мне известны. Поэтому я тебе поручаю разгром желту-

гинского гнезда феев. Тебя ждет несомненный успех. Я прочту из послания мудрейшего Ли Хун-чана слова, которые воодушевят тебя. Вот они: «...не может разогнать стадо свиней...»

«Попробовал бы сам разогнать, — думал озабоченный назначением гусайда. — Это стадо дьяволов!»

После осеннего налета китайских правительственных войск желтугинцы стали осторожны. Они организовали нечто вроде военной обороны: выставили дозоры, сделали засеки и завалы на подходах к поселку, так что и конному и пешему трудно подойти. Келлер охотно доставил желтугинскому обществу вольных золотоискателей сотни ружей и боеприпасы. Старатели приободрились и осмелели. К тому же и добыча золота пошла лучше, не стало заливать ямы подпочвенными водами. Так всегда бывало с наступлением декабрьских морозов.

Еще и по другой причине радовались желтугинцы снегам и морозам:

— Зимой-то не больно повоюешь.

Так рассуждали старатели, собравшиеся на Орлином поле у здания управления. Это представители артелей пришли подтвердить решение суда старшин над несколькими преступниками. Был полдень. Ярко светило солнце, девственной чистотой сверкал молодой пушистый снег. Дым от многочисленных костров и труб зимовьев тянулся сизыми столбами к бледно-голубому, без единой тучки небу. Люди нетерпеливо поглядывали на замерзшие окна управления, где заседали старшины. Что-то долго совещаются они.

Миновал год, как на знаменитом сходе желтугинцев были приняты законы и состоялась жестокая расправа с преступниками. Первое время редко случались преступления, да и то маловажные. Но с наступлением тяжелых дней в связи с репрессиями против Желтугинской республики со стороны Ли Хун-чана на приисках резко ухудшилась дисциплина. Аферисты и воры, призвавшиеся на время, подняли головы, стали подбивать старателей не подчиняться законам, принятым всем обществом золотоискателей.

— Их многих нет, кто законы утверждал, а мы под-

чиняйся, — говорили противники строгого общественного порядка. И кое-кто прислушивался к этим голосам. На прошлой неделе группа «художников», как называли на Желтуге воров, совершила ряд краж в магазинах у торговцев и в зимовьях старателей. Сегодня и судят старшины пятерых таких «художников». С ними разобрались быстро, вынесли суровый приговор всем. Труднее пришлось с последним подсудимым. Это был «культурный деятель». Одноглазый со стражниками уличили «деятеля» в продаже опиума китайским старателям. «Деятель» устроил на прииске опиекурильню, в которой и был пойман с большим запасом опиума и сонными курильщиками. Опиум доставлял ему один американец, предусмотрительно сбежавший. «Деятель» вел себя нагло и" пытался сбить с толку судей своей осведомленностью в юрисдикции.

— У нас на прииске признается полная свобода личности. Я требую освободить меня, поскольку я свободная личность и мой принцип — эгоцентризм.

Но когда большинство старшин высказалось за суровое наказание «деятеля» кнутом, он скис и стал со слезами молить о пощаде. Противно было смотреть на этого плешивого проходимца. Он просящими собачьими глазами шарил по лицам судей, стараясь заметить хотя бы тень сочувствия. Вот врач Розов, может быть, он заступится.

— Доктор, — молил «деятель», — скажите вы в защиту меня! Вы гуманный человек.

— Сказать, как вы обыгрывали старателей в карты? — нахмурился Розов.

— Пардон, — заюлил «деятель». — Попал, видите ли, в дурное общество. Пришлось воленс ноленс. А ведь раньше я на nive просвещения трудился. Книги для народа выпускал.

— Это в Чите-то? — спросил один из старшин. — Верно, издавал дешевые романы, в основном порнографические. Откупился от суда. А в Читу аж с Балкан прикатил, там гнилые сухари солдатам поставлял.

— Как видите, вас неплохо знают здесь, — сказал Розов и отвернулся от молящего взгляда осужденного.

Преступников вывели на площадь. Вышли из жаркой комнаты управления и взопревшие старшины. Остановившись на крыльце, Игнат Неродов заметил, что

старатели, толпящиеся у помоста, смотрят на восток. Игнат дернул Одноглазого за рукав и сказал тихо:

— Солдаты китайские!

И в толпе раздавались крики:

— Братцы, китайские солдаты идут! Вон там, на взгорье.

— Левее Собачьей пади!

— Кто в обороне — расходись по местам! — громко приказал Одноглазый. Игнату озабоченно бросил: — Вы тут с Карлом Ивановичем оставайтесь, я посты объеду.

Одноглазый вскочил на мохнатого заиндевшего конька и погнал его туда, на восточную окраину прииска, где на белом безлесом увале теперь уже все ясно видели черные фигурки людей. Солдаты шли несколькими изломанными цепями по всей ширине увала, медленно спускаясь в долину. Впереди их быстро двигались к поселку какие-то люди. Это старатели дальних участков, напуганные появлением солдат, спасались бегством. На Орлином поле показалось на взмыленных лошадях с обрезанными построшками несколько всадников. Первым проскочил мимо управления орочон Кэсу. Он дико смотрел на всех округлившимися от испуга глазами и всю гнал лошадь, крутя над головой вожжами. На вопросы старателей выдохнул:

— Его гусайда ходи!

Пегобородый, оказавшийся рядом, схватил коня за морду и остановил. Кэсу перелетел через голову лошади и упал в снег.

— Куда же ты едешь, дурья голова? — укорял его пегобородый. — Всех бросаешь, а сам на коне. Друзей-товарищей бросаешь?

Толпа у крыльца управления быстро рассеивалась. По приказу Неродова били в набат. На крыльцо вышел сам Фассе. Он последнее время часто болел и больше отсиживался в теплом зимовье. По молчаливому согласию руководство приисками фактически перешло в руки Неродова и Одноглазого.

— Велик ли отряд? — осведомился Фассе, всматриваясь вдаль острыми глазами.

— Говорят, на сей раз полк пришел, — ответил Игнат. — Вооружены плохо. Фитильками. Три пушки есть. Но корму для солдат взято мало.

— Все уже разведали, — усмехнулся Фасе.

— Наши ребята за ними доглядывают вот уже неделю.

К Неродову подошел стражник, которому поручено было стеречь осужденных. Кивнул на них:

— Что с этими? Может, отвести в тайгу и того... — он выразительно прищелкнул пальцами, изображая выстрел.

Игнат рассердился, тяжело посмотрел на смутившего стражника:

— У нас ведь не у царя, чтоб незаконно поступать. Как суд решил, так и делай. Веди на границу, всыпь им и отпусти на все четыре стороны. Да сам быстро обратно вертайся, здесь каждый человек дорог.

А колокол продолжал тревожный зов. Поселок сразу стал похож на муравейник. Люди бежали каждый на свое место, занимая оборону. Скоро стало видно, как китайские солдаты залегли в снегу. Потом склон горы покрылся клубочками дыма — противник начал обстрел приисков. Желтугинцы уже изучили нехитрую тактику маньчжурских войск: фронтальную атаку или пассивную оборону. С той и другой стороны стреляли лениво и неметко. Китайские солдаты того времени плохо обучались стрельбе, а старатели берегли порох да и опасались излишне раздражать противника меткостью выстрелов. Но все же раненые появились скоро у тех и у других. В госпитале Розов с помощью фельдшера уже перевязывал пятерых легко раненых, среди которых оказался и Гошка. Морщась от боли, он торопливо рассказывал:

— Сам гусайда в меня палил. Своими глазами видел. Как вдарит из пистолета!

— Не дергай башкой, вояка, — ворчал фельдшер. — Будет гусайда с тобой связываться. Он небось в палатке чай пьет.

С наступлением сумерек перестрелка прекратилась. Враждующие стороны как бы заключили перемирие. Китайские солдаты открыто разводили костры, готовили ужин, ставили палатки; разбрелись и защитники прииска, оставив сторожевые посты. В этот вечер в зимовьях не слышно было песен, оживленных бесед о былом. Всех томила неизвестность завтрашнего дня — уж скорей бы он наступал.

И день этот пришел. Сумрачный. С неба сыпала мелкая пороша. Продрогшие до костей на постах старатели с руганью встречали сменщиков. Одноглазый и прапорщик, в неизменной своей черной шляпе с завязанными шарфом ушами, расставляли старателей, готовясь отражать новое нападение китайских войск. Но во вражеском стане не видно было приготовлений к атаке. На увале среди войлочных кибиток и полотняных палаток сновали солдаты, мирно дымили костры с подвешенными над ними огромными котлами.

— Чумизу китайцы варят, — добродушно заметил кто-то из желтугинцев.

— Чиво китайцы! Ево маньчжурский солдат, — с ненавистью сказал китаец-старатель. — Этом войска китайца нету.

— У них в Китае маньчжуры вроде как бы татары были в России. Татарское иго. Ну, мы его, иго-то, давно сбросили, а китайцев маньчжуры держат под своей властью, — разъяснял другой старатель. Все слушал его внимательно, сочувственно посматривая на желтугинских китайцев.

— В России и сейчас для народа иго, — мрачно заметил простуженный хриплый бас.

— А что, братцы, если пальнуть по маньчжурцам, — предложил парень в барашковой папахе.

— Я тебе так пальну по загривку, своих не узнаешь! — сердито пообещал бас. — Без приказу огня не открывать.

К полудню в китайском стане глухо забили барабаны, послышались крики команды. Старатели насторожились, поудобнее прилаживая ружья заочневшими руками. Из вражеского лагеря вылетел всадник и с гиком поскакал к поселку, пригибая голову к шее коня. У завала, перегораживающего дорогу, верховой круто остановил коня и крикнул:

— Кто еся начальник? Хочу говори.

Одноглазый вышел на дорогу.

— Наша гусайда хочу говори всем, — всадник повел рукой вокруг, — слово большое говори. Его немногo-люди приди в Желтугу.

Одноглазый согласился на визит гусайды. Старатели разобрали проход в завале, и скоро группа всадников во главе с гусайдой проскакала в Желтугу. Гусайда при-

глядывался к окружающему и с удивлением отмечал значительный рост поселка с тех пор, когда он впервые посетил его. Еще громче гул толпы этих дерзких золотоискателей. Зябко гусайде, хотя одет он в дорожную лисью шубу. Тысячи людей обступили высокий помост, на котором вместе со старшинами стоит гусайда. Его сердит независимый вид старателей-китайцев, составляющих значительную часть толпы.

— Тиша-а! Китайский генерал говорить будет, — крикнул Игнат Неродов. Народ умолк.

Гусайда предлагал немедленно начать эвакуацию приисков и закончить ее через неделю, то есть к четвертому января тысяча восемьсот восемьдесят шестого года. После этого срока поселок будет сожжен, имущество и золото желтугинцев конфискованы, виновники строго наказаны.

Глухой ропот волною прокатился по толпе. Отстранив гусайду, к перилам помоста протиснулся Ван. Лицо его выражало гнев.

— Соотечественники, не уйдем отсюда! Нас ждет смерть, если мы поддадимся лисьим уговорам этого жирного борова. Так лучше смерть в бою, чем от рук палача. Если русские боятся, пусть уходят на родину, а мы будем отстаивать Желтугу, и мы ее отстоим. Разве мало в Китае уездов, где хозяевами являются фен!

— Держаться! — тысячеголосо закричали китайцы, потрясая берданами, пиками, самодельными саблями, а то и просто дюжими кулаками.

— Мы не боимся, — сказал от имени русских Одноглазый. — Правильно я говорю, братцы?

— Держаться! — дружно ответили русские!

— Не пустим супостатов, наша тут власть!

Толпа кричала, свистела и улюлюкала гусайде, пока «он, путаясь в длинных полах шубы, садился на вислоухого коня.

Игнат Неродов и Одноглазый проводили гусайду за пределы прииска, опасаясь самочинства со стороны отдельных старателей. По дороге один из офицеров свиты гусайды простодушно спросил Игната, нельзя ли на приисках купить круп и мяса.. Игнат ответил отрицательно, а сам весело подумал: «Да им жрать, видно, нечего!» .

Между тем с каждым днем все меньше продовольствия становилось и у желтугинцев. Китайский отряд не предпринимал больше атак, но и не уходил. Каждый час можно было ожидать нападения. Поэтому многие торговцы стали покидать прииски, закрывая лавки и лавазы. Подвоз товаров, особенно хлеба и мяса, резко сократился. Совет старшин по предложению Одноглазого решил, насколько возможно, сократить потребление сухарей, хлеба печеного, мяса и рыбы, строго учтя все запасы.

А тут еще не прекращался приток новых людей на Желтугу. Отчаянные головы, несмотря на предупреждения пограничных жителей о том, что Желтугу осадили китайские войска, пробирались сюда, ухудшая и без того неважное продовольственное снабжение.

Правда, немало было старателей, которые, испугавшись угроз китайского гусайды, бросали ямы, зимовья и уходили в Китай или в Россию. Но чаще даже китайцы переходили русскую границу, спасаясь от преследования маньчжурских властей.

Карл Фассе, Одноглазый и другие старшины были очень довольны, когда однажды в управление вбежал запыхавшийся Петька и сказал:

— Обоз с Амура пришел. Сам Буянов с мукой приехал!

На площади скрипели возы. Возчики подводили измученных лошадей к деревянным изглоданным колодам, устроенным под окнами трактиров. Пар поднимался над конскими крупами. Из крытого возка грузно вылез Буянов, одетый в собачью доху. Знал приветливо улыбающийся Буянову Фассе, что зря не будет тревожить свои кости благовещенский хлебопромышленник.

Отдуваясь, неторопливо допивает десятый стакан чаю Буянов. Он осторожно выпытывает у Карла Фассе, как живут желтугинцы, каковы перспективы приисков. И мало верит купчина оптимистическим ответам хозяев и их добрым улыбкам. Видит Буянов печать озабоченности и тревоги на их лицах. Когда Фассе завел речь об увеличении поставок хлеба на прииски, Буянов заявил:

— Убыточно, господин Фассе, убыточно с вами торговать. Главное, гарантии нет в безопасности обозов. Пока вот к вам добирался, двести пудов хлеба' потерял:

сто хунхузы отбили, сто задержали в Игнашино. Там казачий кордон стоит.

— И раньше были кордоны и хунхузы, — сказал Игнат.

— Сейчас круче. Вон вас-то, как медведей, китайские власти обложили, — усмехнулся купец. А ты — раньше.

— Мы попробуем охранять обозы от Албазихи до прииска, — сказал Одноглазый.

— Вы? — купец нагло улыбнулся. — Против двух сильнейших правительств идти хотите?

— Иногда сердитый одолевает сильного, — заметил до сих пор молчавший Ван.

— Дай-то бог вам взять хоть этим, — притворно вздыхает Буянов. Он мало боится нападений на свои обозы. Ради золота он готов идти на любой риск. Да и риск невелик. А вот сейчас, когда желтугинцы попали в беду, с них шкуру можно содрать.

— Ладно, господа, — говорит Буянов. — Буду поставлять сухари по тридцать рублей за пуд.

На скулах Одноглазого заиграли желваки. Грабит купец! Но что поделаешь?

— Согласны, — буркнул Фассе.

— Вот и порядились, — бархатным голосом говорит хлебопромышленник.

Разгром

В этой части долины рос когда-то лес, но его вырубил старатели, а землю разрыли, как кроты. И получилось большое бугристое поле. Трудно бежать по полю. Но не потому, что того и гляди угодишь в шурф, засыпанный снегом; у Гошки глаз остер, и он заметит ловушку. От другого выступил пот на лбу у парня. Днем никто из старателей не решается идти по этому полю; китайские солдаты стреляют в каждого, кто здесь появится. Перебегает Гошка от бугра к бугру, прячется. Не раз визжала картечь над головой. Одноглазый наказал ему срочно отыскать пегобородого, который добывал пески на своем участке, и звать его на сход в поселок. «Непременно чтоб был». Вот и рискует Гошка, отыскивая пегобородого. И пробежал бы мимо, не нашел, если

бы тот не окликнул. Гошка кубарем скатился по крутому отвалу к яме, что была чуть глубже роста пегобородого.

— Ты отдохни маненько, посиди, а я докайлю уголок. Нехорошо огрех оставлять. Головой не крути, ровно воробей, не подстрелят. Я уже вызнал. Не долетает сюда пуля. У маньчжур ружья на пятьдесят сажен бьют, а до моей ямы более ста будет. Ну, какие новости, рассказывай. Я тут вторые сутки свой урок вырабатываю. Напарник-то мой в обороне стоит. За обоих стараюсь.

Новостей у Гошки было много. Он так спешил их выложить, что пегобородый останавливал его:

— Да ты не части, хлопец.

Гошка сообщил, что вчера и сегодня утром еще около двадцати артелей русских и китайцев ушли в Россию. За две недели, что миновали после срока, указанного в ультиматуме гусайды, тысячи желтугинцев покинули прииски.

— Сегодня Ипат Ефремов и мериканцы уехали конно, — говорил Гошка. — Последние купцы уехали, оставили приказчиков распродать остатки.

— Торговцы, говоришь, бежали? Как крысы с корабля. Крыса — она тварь, а беду чувствует. Сам видел, как по канатам причальным на берег перебирались.

— Ты на корабле плавал?

— Плавал, хлопец. И на корабле приходилось. В Одессе на Черном море начал морскую службу, в Японском закончил.

— Надоело?

— Невтерпеж стало зуботычины получать. Ну и дал старшему офицеру сдачи, полчелюсти зубов ему набил, а сам кандалами заиграл — и в Забайкалье. Так-то, хлопец. Дай-кось руку, вылезу.

Отряхнув одежду от глины, старатель присел рядом с Гошкой, потянулся за кисетом.

— Отдохну маненько, ноги гудят, — виновато сказал он.

— Говорят, дозорные видели, сотня казаков дорогу по Албазихе закордонила. Может, к самой Желтуге подойдут?

— Наш царь с китайским завсегда договорятся, — согласился пегобородый. — Одного поля ягода.

лосами (тайпины не носили кос) и горячо заговорил, мешая русские и китайские слова. Но его хорошо понимали все и слушали с напряженным вниманием, так страстно была его речь.

— Эти воины, что на сопке с пушками, не Китай защищают. Они защищают несправедливость. Они исполнители злой воли кровавого Ли Хун-чана. Хэйлунцзянский даотай терпит в своей провинции власть хунхуза Хянь Ной-бяо. Почему? Хянь помогает усмирять непокорных крестьян, дает даотаю подарки. У нас же здесь подозревают крамолу, в нас боятся новых тайпинов. Братья! — голос Вана зазвенел. — Бейтесь с маньчжурскими солдатами насмерть. Не сдавайтесь, вам не будет пощады. Нет гнуснее палача, чем императорский прислужник мандарин и военачальник. Я своими глазами видел, как рубили головы тысячам невинных людей, как топили их в реках, связывая пачками. Их убивали за то, что они любили правду и боролись за справедливость на земле. Пусть русские уходят, мы же возьмем оружие и будем сражаться! — заключил свою речь Ван.

— Пусть уходят! — раздался голоса.

— Мы будем отстаивать прииски и свою жизнь.

— Русские, идите, не мешайте нам делать свое дело!

— Стоит ли вам рисковать, русские?

— Подождите! — заорал пегобородый, повернувшись лицом к толпе. — Не дело вы говорите. А если мы, русские, не желаем уходить? Если мы желаем остаться и биться на вашей стороне, тогда с нами как поступите?

Китайцы, их было около тысячи, радостно приветствовали пегобородого.

На помосте почти все, кроме Фассе, встретили выступление пегобородого одобрительно. Одноглазый крикнул:

— Времени терять нечего, братцы. Кто остается — жмись к левому боку, к китайцам ближе. Кто идти собрался — вправо отходи. Да побыстрее, а то солдаты приспособятся да начнут из пушки по нас палить.

Как в котле, закипела толпа. И вот уже коридор появился между двумя группами. Человек пятьсот перешли на правую сторону площади. Около полутора тысяч осталось стоять. Они воинственно сжимали ружья, осматривали друг друга, словно впервые увиделись.

— Земляк! — кричит старатель уходящему вправо. — Берданку-то мне подари. Мне она нужнее, а у тебя все одно отберут казаки на границе!

— И то, возьми коли. На кой мне она? — соглашается земляк.

И многие по его примеру передают ружья и патрон-таши русским и китайцам, решившим защищать желтугинскую вольницу.

— Конечно, вам, каторжным варнакам, домой не велика корысть возвращаться, — ехидно заметил один из «правосторонних», из приказчиков. — Вам, уголовным, все одно, где петлю одевать.

Пегобородого словно ужалили эти слова. Он схватил приказчика за грудь, выволок на свободное место.

— Мразь, — презрительно процедил он. — Многих нас дома ждут кандалы, кнут и петля. Это верно. И уголовники есть среди нас, тоже верно. Но кто нас заставил стать уголовниками? Вот спроси этого человека, — ноги врозь, вижу, кандалы привык носить, — за что отбывал каторгу.

— Исправника убил. По приговору общества. Мне поручили, как я холостой был. Исправник лютовал, житья не было: и сек мужиков, и отбирал последнее, когда оброки собирали.

— За участие в бунте. Землю с помещиком делили: мне — каторга, помещику — земля, — сказал стоящий рядом старатель.

— Того ж поля ягода, — смеясь, ответил следующий.

— За правду люди страдали, и русские и китайские мужики, а ты говоришь, тень наводишь на них. Которые воры да каторжные убивцы, их тут давно нет. Голову бы тебе оторвать за подлые твои речи, да рук марать не хочется.

«Вот они, «виноватые» Россия и Китай», — подумал Розов, вспомнив давнишние слова Ивана Бобра, так поразившие его своей правдой, мудрым народным обобщением. «Виноватые», не задумываясь, остаются отстаивать Желтугу. И уж не золото, не корысть заставляет их так поступать, не страх перед властями. Эти смелые люди просто не хотят возвращаться к кандалам, розгам, помещикам, мандаринам, к кабале физической и духовной.

Мужика-переселенца Розов с удивлением увидел в числе защитников Желтуги.

— Считаю бесцельной защиту приисков, — заговорил Фассе, воспользовавшись паузой. — Поэтому я покидаю вас и преклоняюсь перед мужеством защитников. Прошу снять с меня обязанности главного старшины.

Старшиной единодушно был избран Игнат Неродов, когда узнали, что он остается.

— Первый пришел сюда, последний уйду, — сказал Игнат.

Остались Одноглазый, Конев, Лапшин, пегобородый. Неродов спросил Розова, что он надумал.

— Остаюсь с вами. Кто ж вас лечить будет?

И вот Неродов овладевает вниманием старателей. Все стихает.

— У нас теперь все общество — военный отряд. Половина русских, половина китайцев. Поэтому первым помощником моим предлагаю утвердить Вана. Обождите, не всё. Ван просит по-ихнему китайскому обычаю названию дать отряду «Лесные братья». Думаю, что и русским сие название подойдет. А теперь за дело. Кто остается — по местам, кому где указано, кто уходит — быстрее собираться и марш засветло. Завтра можете не уйти.

Площадь опустела, только костры догорали дымя. К помосту подвел пару лошадей Илья Ключин. На Гошкин вопрос коротко бросил, поправляя тяжелые переметные сумы:

— С Карлом Ивановичем...

Сорвались с места застоявшиеся коньки. Проехали знаменитую Миллионную, промелькнуло последнее зимовье с оторванной дверью, с пожухлым прошлогодним бурьяном на плоской земляной крыше. Вот и вершина увала, заснеженного и мертвого, как и все вокруг. Холодным медным тазом висит в тусклом небе неласковое январское солнце. Все видно отсюда: и поселок, и затейливые витки дорог, и долину, сплошь изрытую ямами, заметными даже под снегом, и слабые дымки затухающих костров. А от поселка к увалу идут одиночно и группами беглецы с прииска. Идут, изредка посматривая на дымящиеся полыньи Желтуги, слушая чутким ухом ее рев на перекатах, где глубоко в гальке захоронены золотые самородки. Верховых мало: съедены ло-

шади, а часть дорого продана на мясо защитникам Желтуги. На увале некоторые останавливаются, смотрят на поселок и идут дальше, скрываясь в безлистом таежном чернолесье. А иной так и уходит, не взглянув назад, мерно раскачиваясь на привыкших к дальним переходам ногах.

— Пропадут, упрямы, — пробормотал Фассе. Ключин сообразил, что немец имеет в виду оставшихся.

— Ни за понюшку пропадут, — согласился Илья.

Не сговариваясь, оба ударили плетью коней и поскакали по дороге, обгоняя пеших старателей. Ключину не терпелось узнать, каковы планы немца в отношении золота на реке Сапожке, да не решался парень спросить. Немец же думал о своей необыкновенной карьере на этом необыкновенном золотом прииске: ему жаль было своей почетной должности. Но решение отстаивать прииски Карлу Фассе непонятно. Все надо делать в пределах разумного и личной пользы, наконец. О пользе какой-нибудь на прииске теперь говорить не приходится, а защищать его от целой империи бессмысленно. В этом он еще раз убедился, встретившись как-то в условленном месте у заставы с китайским гусайдой. Он сообщил Фассе, что получил подкрепление войсками и начнет решительный штурм Желтуги. По самоуверенному виду гусайды Фассе понял, что это не простая угроза, и принял решение покинуть Желтугу.

Ночь — длинная январская — опустилась на землю, вывездила небо. В тревожном сне забылись иззябшие, измученные тревогами дня золотоискатели в своих темных зимовьях. Спят китайские солдаты в палатках и шалашах. Всех сморил сон. Нет, не всех. Изредка в морозной темноте слышатся хриплые возгласы людей. Это меняются караулы, охраняющие покой Желтуги. Бодрствует гусайда в своей войлочной кибитке. Правду сказал он Фассе о подкреплении. Губернатор прислал ему еще пятьсот солдат и десять пушек. Солдат было больше, но дорогой обморозились и отстали двести человек. Холодная нынче зима, свирепая. Гусайде не жаль, что солдаты обморозились, жаль, что их стало меньше. Поправив огонь свечи, гусайда еще раз читает письмо губернатора, привезенное офицером, начальником пополнения.

В изысканных выражениях губернатор высказывает недовольство действиями гусайды. Миновала середина января, а «хищные псы» не разогнаны. Как же ему, губернатору, отчитываться перед могущественным и мудрейшим Ли Хун-чаном? Он, губернатор, отвечает на слезную просьбу гусайды и шлет ему солдат и пушки, так нужные здесь, в центре провинции. Но если и теперь не будет успеха, то пусть гусайда не рассчитывает на благоволение к нему со стороны его, губернатора Гусайда отлично знает, что означает потеря благоволения. Тогда его могут забить до смерти бамбуковыми палками, казнить и похуже, предварительно лишив чина. Гусайде стало холодно, и он потянул руки к жаровне с тлеющими углями. Тепло успокоило военачальника. Завтра он покажет этим золотоискателям-тайпинам! Уж после несомненной удачи на Желтуге он наверняка будет произведен в генералы. Ради этого стоит постараться...

Едва забрезжил свет утренней зари, гусайда приказал начать обстрел поселка из пушек. Петька и Гошка, стоявшие с пегобородым в карауле с восточной стороны, с интересом наблюдали, как сперва появлялось белое облачко дыма с огненной вспышкой, потом глухо доносился звук. Ядра со свистом пролетали над головами караульщиков и падали на окраине поселка. Но некоторые попали в зимовья и подожгли их. Старатели деловито тушили огонь. Орудийные залпы не причиняли желтугинцам заметного вреда — большинство ядер не взрывалось. Зато ружейные пули пчелами жужжали в воздухе, появлялись среди золотоискателей раненые и убитые.

— Дядь, а почему китайские солдаты на штурм не идут? — с детским любопытством спросил Петька.

— Пойдут еще, погоди маненько, — сурово нахмурился пегобородый. — Еще повоюешь, не торопись.

Неродов, Одноглазый, Ван руководили обороной. Ван предложил несколько выдвинутых в поле зимовьев превратить в своеобразие крепости. Для обороны использовали шурфы и отвалы песков. Народ приободрился, повеселел. «Постреляют и уйдут, — говорили старатели. — Бывало уж так».

— Теперь бы хлеба двойную пайку, — зубоскалил какой-то молодой парень.

— Брюхо подтяни, — весело посоветовал Неродов. И уже серьезнее продолжал: — Я гляжу, здесь и русские и китайцы распояской ходят. Всем опоясаться. И способнее ходить и теплее телу, ну и о пайке удвоенной слабже мысль.

Защитники прииска встретили эти слова дружным смехом. А когда отошли, Игнат сказал Вану:

— А насчет харча он дельно заметил. Ты заставь-ка Лю, пусть осмотрит, сколько провианту осталось по артелям. А поварам пусть скажет, чтоб скупее были. Оголодаем — голыми руками повяжут...

На сей раз командир вражеского отряда проявил необычайную настойчивость. Он всеми мерами подбадривал солдат, и те, неся серьезные потери, все ожесточеннее штурмовали поселок, сжимал вокруг «не его кольцо». Защитники Желтуги были выбиты из многих своих удобно расположенных «крепостей». Все чаще возникали пожары. Но старатели еще не теряли надежды отбиться, даже накануне решительного штурма приисков. Больше других старшин воодушевлял и подбадривал защитников Одноглазый.

— Держись, ребята! Отстоим Желтугу! — кричал он, поспевая туда, где особенно трудно приходилось старателям.

— Сила-а ведь, голубчики! Побьет нас маньчжур всех, — высказывал сомнение мужик-переселенец, что, однако, не мешало ему ловко орудовать топором — переселенец поправлял засеки.

— На миру и смерть красна, — отвечал Одноглазый.

Но вот наступил день, когда надежда на победу оставила желтугинцев. У них явно не хватало сил. Голодные, обмороженные, они еще отстреливались и ходили в рукопашную, но ряды их таяли. Солдаты заняли почти все зимовья Миллионной, тесня старателей к Орлиному полю. Сегодня особенно яростно шло сражение. Только усталость крайняя заставила обе стороны сделать передышку.

Поздний вечер, а на улице светло, как днем. Это кругом горят строения. Желтугинцы уже не тушат огонь: незачем. Оберегают лишь пороховой погреб, лазарет и здание управления.

В давно не топленном «зале» управления Игнат Неродов проводит последний совет старшин и старост.

Слабые огоньки двух жирников плохо освещают комнату. Лица у людей изможденные, почерневшие от морозных ветров, заросшие бородами. Одежда в лохмотьях. У многих в кровавых повязках головы.

— Уходить надо, братцы, — глухо сказал Игнат, окинув взглядом товарищей. — Пробиваться. Солдаты богдыхановы больше норовят китайцев похватать. «Всем головы поотрублю», — хвалится гусайда. И может отрубить. Потому всем дружно идти надо в Россию, а там видно будет.

— И нам идти? — спросил угрюмо Ван.

— И вам. Над китайцами особо лютует ваше начальство, сам видел. Значит, решили. Вести отряды назначаю...

Неродов назвал в числе других имена Одноглазого, Лапшина, Лю, пегобородого, Вана. Названный, не теряя времени, уходил оповещать и готовить людей к тяжелому походу.

Потом Неродов открыл шкафчик, висевший на стене, вынул оттуда увесистый мешочек, подбросил на заскознутой ладони и сунул его за пазуху. Пошарил и достал тетрадь и небольшой сверток. При свете жирника прочел надпись на тетради: «Законы Желтугинских вольных приисков». В свертке оказалась круглая печать Желтуги. Поразмыслив, Игнат и эти предметы отправил за пазуху, сказав:

— Пригодятся еще! — И крикнул Гошке: — Давай, паря, лезь «а крышу, снимай знамя. Нельзя знамя противнику оставлять.

Парень кошкой карабкается по крыше. Хорошо его видно при свете зарева пожара. И знамя видно, колышется слегка. Дергает Гошка за веревку, и знамя медленно спускается. Неродов и другие старатели на площади невольно снимают шапки.

— На, храни его, на твоей земле лоднято было, — говорит Неродов, беря от Гошки знамя и передавая его Вану. Тот, волнуясь, говорит по-китайски. Но Неродов понимает: польщен Ван, что ему дали сохранить знамя.

— Прощай, воля, — глухо сказал кто-то в темноте.

— Зачем прощай? — весь встрепенулся Ван. — Воля тут, — указал он на грудь, — в сердце.

— Верно говоришь, — поддержал Неродов: — Хуже,

когда сам себя не человеком, а псом покорным считаешь. Этого бойся. С остальным справишься.

В госпитале Розов возится с ранеными, готовит к дороге. Решили взять раненых с собой. Четверых придется нести на носилках. Посмотрев на легкую одежку старателей, Розов невольно поежился. Вряд ли выдержат бедняги на сорокаградусном морозе. Самого Розова Игнат спрашивал: «А ты, доктор, в Китай аль в Россию с нами пойдешь?» «Конечно в Россию, — ответил Розов. — Скроюсь в России, как игла в стогу сена». Сейчас, после стольких переживаний, Розов стал спокойнее, расчетливее. Разве мало в России неугодных правительству людей? Они успешно живут и работают против правительства, против несправедливости. Теперь доктор стал смелее и многое понял в этой жизни. Размышления Розова, прервал Гошка, стрелой ворвавшийся в госпиталь:

— Отец Петьки помирает. Тебя просит!..

В просторной избе жарко топится железный камелек, бросая красный свет на лица людей. У нар, на которых хрипит тяжелораненый Степан Конев, молчаливо стоят Одноглазый, Петька, Неродов, пегобородый. Люди раздвинулись, освободив место врачу.

Розов привычно осмотрел рану на животе Степана и устало сказал, моя руки в деревянной шайке:

— Рана смертельная.

Потревоженный осмотром, Степан Конев очнулся и застонал. Он приоткрыл глаза и посмотрел на столпившихся около него товарищей. Взгляд раненого остановился на сыне.

— Петь, земляков держись... — прохрипел Конев. — С людьми всегда... Золото! — умирающий попытался приподняться. — Золото возьми... лежит...

Так и не успел сказать старший Конев сыну, где припрятал он добытое золото. Игнат тронул широкой ладонью плечо окаменевшего от горя Петьки:

— Слыхал, что отец приказал? Не вешай нос.

— Отца жалко, — выдохнул Петька.

— Судьба, паря.,.

Покидали прииск еще затемно, стараясь не поднимать лишнего шума. Однако солдаты заметили отход старателей и подняли тревогу. Им удалось захватить

несколько артелей, отогнать обратно к поселку. Но основная масса людей прорвалась и рассыпалась кучами по тайге, держа путь на Амур.

Розов шел в группе Одноглазого. Тенью шагал сзади Петька с карабином в руках. Игнат наказал Одноглазому «поберечь доктора». Когда переходили по гладкому темному льду Желтуги, Розов увидел, как десятка два маньчжурских солдат напали на соседний отряд, состоявший из старателей китайцев. Китайцы храбро дрались, расчищая путь прикладами. Розов задержался, следя с волнением за исходом борьбы. Вот последний китаец перебежал речку. Нет, поскользнулся. Упал. Подоспели солдаты, крутят назад человеку руки, связывают веревкой. В это мгновение обрушилась крыша горящего напротив зимовья и пламя ярко осветило лицо пленника.

— Ван! — закричал Розов. — Вана поймали, — и метнулся было к борющимся на льду.

— Куда! — грубо выругался Одноглазый, схватив врача за воротник. — Беги в тайгу, живо!

К рассвету разыгралась пурга. Снег, сухой и острый, с силой обмороженные лица желтугинцев, упрямо шагающих вперед. Люди рассеялись цепочкой по бесконечному распадку, бредя порой по пояс в снегу, перелезая через лесные завалы. Вдвойне труднее путь, когда метет пурга. Розов и Петька идут рядом. Порой им кажется, что они потеряли отряд. Тогда останавливаются, ждут, пока из белой мятущейся пелены не появятся фигуры людей головной колонны. И опять уходят вперед Розов и Петька.

— Ты, однако, ходок, — с уважением сказал Розову Петька, когда они остановились отдохнуть, обогнуть ледяные сосульки с бровей и ресниц. — Одноглазый шибко опасался, что ты не дойдешь иль потеряешься в тайге. Не таежный ты человек.

— Идти я могу, — отозвался Розов. — Но не таежный — верно. — Розов вспомнил, как, посмеиваясь с затаенным сочувствием, старатели рассказывали о романтической истории любви Петьки к дочке урядника. Трагично заканчивается эта история: ни отца, ни золота. Ни невесты. Розову вдруг захотелось чем-то помочь незадачливому парню. Он достал из походной сумки кожаный большой кисет с золотым песком и подал его Петьке.

— Держи.

— Это зачем, доктор? Не положено так-то, — вяло сопротивлялся парень.

— Бери, у меня еще есть. А то не уломаешь урядника, не отдаст дочь за тебя.

— Век буду помнить, — схватил с благодарностью руку врача Петька. Розов повернулся навстречу ветру, зашагал раскачиваясь.

Задумался Петька, бредя вслед за доктором. И вдруг перестал видеть широкую спину Розова. «Вперед ушел», — успокоил себя Петька и прибавил шагу в надежде нагнать Розова. Сперва шел, потом бежал по распадку испуганный парень и кричал, звал доктора. Но звук голоса в двух саженьях от него пропадал, таял в пурге. Проплутав порядочно времени, Петька понял, что и отряд потерял. Опечаленный, решил идти к Амуру, полагая, что доктор и отряд обязательно туда пойдут.

Снег перестал идти, ветер поутих. Только поземка мела. И кажется, что дымилась голубоватым дымом рябая от застругов снежная равнина Амура. Дрожа от усталости, Петька поднимается на увал. И вот перед ним знакомые и близкие с детства места: Амур, родная станица Игнашино на том высоком берегу. Дома! Отчего-то в горле першит у Петьки и глаза от ветра слезятся. Чтoб их! Эх, доктор! Угораздило тебя. А может, он в селе чай пьет?

Молодость мечтает о хорошем. И Петька веселеет от мысли, что Розов и весь отряд в станице. Он уже уверовал в это предположение. Проваливаясь в сугробах, наметенных у крутого берега, Петька вышел на реку. Бегом бы, да ноги словно свинцовые. Петька поскользнулся и упал. А когда поднялся, то почувствовал, как чья-то рука схватила его за шиворот. Повернулся с трудом. Бородатый казак на коне. За ним еще четверо на конях. Кордон!

— Ты что, пес, хватаешься! — вздыбился Петька, норовя вырваться.

— Еще лаешься! — озлился казак и ударил Петьку.

Тем временем два других казака, спешившись, привычно обыскали парня и вытащили из-за пазухи мешочек с золотым песком.

— Не трожь золото!— завопил Петька. Для него вся жизнь была в этом холщевом мешочке, его с Уль-

кой счастье! И вот отбирают это счастье, когда оно уже завоевано тяжелыми лишениями, когда оно так близко и так нужно Петьке.

Казаки сели на коней и сразу потеряли интерес к Петьке. А он бежал сзади и кричал, не замечая слез на лице:

— Пошто дарма взяли! На кордонах всегда платят... Не по закону!..

— Я те дам, сопля, закон! — огрызнулся передний казак. — Это тебе не в Желтуге безобразничать. Дай ему, Лаптев, по морде.

Рискуя утонуть в полынье, что всю зиму дымит на-против станицы, переходит Амур казачий сын Петька, неудачливый старатель...

Лесные братья

Сегодня Розов проснулся и почувствовал себя здоровым. Он поднялся с широкой лавки, на которой спал, спустил босые ноги на холодный пол и сразу надолго

закашлялся. В избу неслышно вошла старуха. Она приветливо заговорила:

— Полегчало, сударь? А ты б еще полежал. Огневица — она тепла боится.

— Ничего, бабуся. Я уже почти здоров. Кашель пройдет. Я ведь, бабуся, доктор, сам себя буду теперь лечить, — весело отвечал Розов, радуясь возвращающейся силе.

Пять дней назад очнулся Розов в этой избе после тяжелой простудной болезни. Долго смотрел на чисто выскобленные бревенчатые стены, потолок избы, на солнечные зайчики, что играли на беленой русской печи. Непослушным языком попросил пить. Подошла и склонилась над ним вот эта старуха со строгим сухим лицом. Воды дала в деревянном ковше. На вопрос Розова, куда девались Игнат и Одноглазый, коротко сообщила: «По делам ушли. Обещали недели через три вернуться». Розов продолжал расспросы, но старуха нахмурилась сердито, проговорив: «Поправишься, сам проведешь свои дела. Ничего я боле не знаю», — и вышла из избы.

И вот он может твердо стоять на ногах и даже ходить. Хорошо быть здоровым, все тогда можешь. Сегодня Розов не пытается расспрашивать старуху о товарищах, зная, что она будет отмалчиваться. Он с удовольствием пьет молоко, терпко пахнущее полынью, ест горячую картошку с крепко соленой кетой, извечную еду амурцев. Потом, заверив старуху, что ему надо для здоровья прогуляться, выходит на улицу.

Наступал конец февраля, и было морозно и ветрено. Розов с жадным любопытством глядел на заснеженные избы станицы Игнашино, на безлюдную широкую улицу, белую долину Амура. Напротив избы старухи стоял трактир с множеством маленьких окон с синими резными наличниками. У коновязи перед трактиром — несколько лошадей, впряженных в сани. Розова неудержимо потянуло к людям, и он решил зайти в трактир. Это был тот самый трактир, в котором нанимал когда-то Лебедкин Игната и его товарищей рыть золото на безвестной Желтуге. Только хозяин был другой. Бывший владелец, Ипат Ефремов, разбогатевший на Желтугинских приисках, перепродал трактир, а сам целиком занялся прибыльным делом — золотопромыш-

ленностью, застолбив золотоносные участки на речках, впадающих в Верхнюю Зею. Многие посетители трактира неторопливо распивали чай. Заметив опытным взглядом «чистого» клиента, сам хозяин подошел к Розову, покинув свою конторку с кассой. Хозяин не назойлив и понятлив. Принес чай и баранки, словно сделанные из гранита («в Иркутске печены-с»).

— Может, газетку изволите почитать? Очень даже любопытно, — предложил хозяин, явно гордясь таким признаком просвещенности.

Через минуту перед Розовым лежала пачка потрепанных несвежих газет, но он рассматривал их с интересом. Вот знакомое «Восточное обозрение». Пробегаая отдельные статьи, Розов заметил, что газета уделяет много внимания событиям на Желтуге. Забыв остывший чай, читает доктор то сочувственные, то бесстрастные строки о желтугинцах и их республике.

«Из Нерчинска сообщают: маньчжурские солдаты сожгли зимовья на Желтуге, близ Игнашино. На льду Амура казнили семерых китайцев-золотоискателей. Головы вздернуты на колья, а трупы брошены у дороги».

«Все русские и многие китайские рабочие вышли с Желтуги большими партиями... без куска хлеба, одетые в войлок и укутав ноги в тряпье. На беду этих несчастных стоят морозы с 20 декабря до сорока градусов. Вообще выход желтугинцев напоминает нам историю французов 1812 года...»

Бойкий репортер на этот раз несколько не преувеличивал лишений беглецов с Желтуги. Розов невольно опустил голову. В его памяти возникла живая картина событий, о которых он не вспоминал за время болезни.

На поиски пропавшего Петьки потратили несколько часов. Кричали, заходили в соседние распадки, но безуспешно. «Пропать можем все из-за шельмеца, — ворчал Одноглазый. — Попался бы мне, выдрал бы розгой паршивца». Воркотней Одноглазый пытался скрыть тревогу о заблудившемся в тайге парне.

А зимний репортерный день приближался к концу. Пурга стихла. Измученные ходьбой по бездорожью, Одноглазый и Розов с остатками своей группы (часть людей ушла

вперед раньше) решили заночевать в тайге. Разожгли костер, нарубили лапника. Усталые люди дремали, склонив головы на колени. Бодрее всех выглядел Одноглазый. Он поддерживал огонь в костре, следил, чтобы не загорелась одежда у спящих. Одноглазый ухитрился даже вскипятить чай, натаив в котелке снегу, и угостил Розова.

— Пей, кипяток — верное средство от мороза. Кровь греет, — сказал Одноглазый, подавая горячую жестяную кружку доктору.

Неожиданно за деревьями послышался кашель и говор приближающихся людей. Одноглазый вскочил на ноги, взял ружье и, приказав доктору, как услышит выстрел, поднимать всех спящих, скрылся в темноте. Шли томительные минуты, выстрела не было. Потом неожиданно, Розов даже вздрогнул, на освещенную костром полянку из кустов вышло несколько мужчин. Впереди Одноглазый. Одного, сильно хромавшего человека, двое вели под руки. Они посадили его рядом с доктором. Присмотревшись, Розов с радостью узнал в пришедших пегобородого, Лапшина Егора и других золотоискателей. Хромым оказался Ван. Пегобородый, отогреваясь у костра, поворачиваясь к нему то грудью, то спиной, блаженно жмурился и рассказывал Розову:

— Отбили мы Вана у маньчжуров. Вот Лапшин подмог нам с Игнатом. Как навалимся на солдат, прикладами их разогнали. Я ажио по старой памяти моряцкую «полундру» закричал. Все б хорошо, да ногу подвернул Ван, тут недалеко, в распадке. Может, помотришь, доктор, ногу?

Розов определил вывих и вправил сустав. Ногу Вана на потолще замотали тряпьем.

Утром, когда тронулись в путь, Ван пытался встать на больную ногу, но, скрипнув зубами, сел на снег, Пегобородый и Лапшин попытались его поднять.

— Не могу. Уходите, — сказал Ван. — Сам идти надо, сам умрете можно тайге. Зачем?

— Да ты что, сдурел, паря бестолковая? — рассвирепел пегобородый. — К тебе со всей душой, а ты товарищей забываешь? Поднимайся!

Не обращая внимания на протесты Вана, пегобородый и Лапшин подхватили его под руки и двинулись вслед за отрядом, удалявшимся в предрассветную мглу.

Ван загребал больной ногой сухой снег, опираясь руками на могучие плечи товарищей, шагавших рядом.

Ясный солнечный день стоял, когда беглецы вышли на дорогу, идущую от Желтуги до устья Албазихи, к Амуру. За первым поворотом они нагнали другой отряд, состоявший в основном из китайцев. Здесь были Игнат Неродов и Лю. Скупое приветствование друг друга, люди шли дальше, шатаясь от усталости. Обросшие, обожженные морозом лица, голодный блеск в запавших глазах, лохмотья делали желтугинцев похожими друг на друга. Некоторые не могли нести скудные свои пожитки и бросали заплечные мешки. Нередко попадались прямо на дороге или в стороне, в снежных сугробах, трупы замерзших золотоискателей. Их обходили молча, стараясь не глядеть в мертвые лица.

Все воспрянули духом и задвигались быстрее, когда Одноглазый объявил, что до Амура осталось три версты. Старатели, опасавшиеся встречи с казаками, начали уже было успокаиваться. Но вот послышались испуганные возгласы передних. Навстречу бредущей по дороге толпе беглецов приближался на рысях конный казачий разъезд. Опередив отряд, к желтугинцам подскочил бородатый урядник. Он поравнялся с Игнатом, резко остановил коня и, пригнувшись, ударил Неродова плетью по спине. Неродов схватил коня за узду и, ненавидящим взглядом впившись в урядника, процедил сквозь зубы:

— Эх ты, копыто бессовестное. Пошто ударил?

— Отпусти коня! — взвизгнул урядник. Но по глазам видно: засовестился казак, отвел глаза. Игнат отпустил узду, и урядник поскакал вдоль дороги, с нарочитой шумливостью ругая «проклятых жиганов, из-за которых нету житья».

Подоспели казаки. Они ехали кучно, не выказывая особой неприязни к старателям. Некоторые, правда, озорства ради прошлись плетью по плечам близко оказавшихся желтугинцев. Среди казаков находился всадник, по посадке которого было заметно сразу, что мало ему приходилось ездить на коне. Он мешковато сидел в седле, растопырив локти, поводья держал обеими руками. И одет он был в штатское платье. Угреватое лицо, бегающие глаза навывкате. Увидев, что часть желтугинцев уже миновала разъезд, угреватый закричал казакам:

— Проверь паспорт у варнаков, чего смотри!

— Сам проверяй, нам недосуг, — дерзко ответил один из казаков под одобрительные смешки товарищей.

Угреватый был явно из сыскальной полиции. Это сразу определили Розов и Неродов. Игнат, подождав, когда доктор поравняется с ним, шепнул: «Полицейская крыса о паспортах-то печется». Казаки открыто игнорировали приказания угреватого, а он злился, брызгал слюной, угрожал:

— Вы ответите! Господин урядник, неповиновение!

— Не грози, барин, — к угреватому подъехал урядник, впился цепкими глазами.

— Китайцев-то не пускайте! Иностранные ведь, — верещал угреватый, вертя цыплячьей шейей.

— Они завсегда через границу вольно ходют, — хладнокровно заметил один из казаков. — И пусть. На че нам паспорта ихние?

— «На че», — передразнил угреватый. — Провинились они. Против царя своего пошли.

— Не наше дело, — не сдавался казак. — Сами пушай разбираются, кто против кого.

А угреватый готов был псом выть от бессилия. Что он, полицейский чиновник, для этих казаков, не очень-то привыкших к повиновению и подобострастию перед начальством? У них были свои взгляды на пограничную этику, и они их твердо придерживались.

— Мне твои слова не указ, понял? И не страшай. Ребята, айда за мной, — приказал урядник, и отряд ускакал дальше, в сторону Желтуги. Нелепо дрыгая ногами и расставив крылья-локты, затрусил им вслед угреватый на мохнатшерстной лошаденке. Видать, боялся сыскальной оставаться среди враждебной толпы беглецов из Амурской Калифорнии.

— Не ближние казаки-то, благовещенские, видать, — заметил Игнат Неродов, шагая с доктором. Тот не слышал Игната. Розова тошнило, голова кружилась, глаза болели от сверкающей белизны снега. Раздражали желтые и синие искорки — игра солнечных лучей в снежных кристаллах. Но вот искорки быстро увеличиваются в большие желтые, синие, красные звезды, закрывая весь мир своим сиянием. Доктор со стоном падает лицом в снег, раскинув руки...

Очнулся от прикосновения холодного ко лбу. Игнат

Неродов бережно держал голову доктора у себя на коленях и озабоченно спрашивал:

— Что, паря, тошно? Терпи, паря. Теперь немного уж. Сейчас Амур, там Игнашино — рукой подать. Может, коня найду. Терпи.

— Дойду, — попытался улыбнуться истрескавшимися в кровь губами Розов. Он встал на ослабевшие ноги и медленно побрел, поддерживаемый Игнатом. — Отставших нет больше? — осведомился он. Неродов ответил, что пока никто не отставал.

Вот и берег Амура. Здесь стоял казачий патруль. Казаки пропускали на левый берег всех, только оружие отбирали. Спустились на Амурский лед. У самого плеса под крутой скалой стояли замороженные в лед высокие колья. К верхушкам привязаны отрубленные головы китайцев-золотоискателей. Пять... шесть... семь... страшный счет! Измученные беглецы снимали шапки, когда проходили мимо. «Маньчжурские солдаты лютовали вчера тут, — рассказывали казаки. — Привели китайцев и сразу тут и сказнили. Мол, для острастки другим».

Увидев головы казненных, Розов подумал, что у него снова начался бред. Земля кружилась и надвигалась на него, наплывала снизу. А потом все провалилось в темную яму...

Еще раз очнулся доктор от сильного стука во что-то гулкое. Одноглазый и Неродов держали Розова под руки. Они все трое стояли на крылечке срубленной из толстых бревен избы. Игнат колотил кулаком в дверь. В крытом дворе, пристроенном к избе, брехала собака, гремя цепью. Долго не отзывались. Наконец за дверь послышался голос старухи:

— Проходите, добрые люди. Нечего мне вам подавать!

— Тетка Дарья, это я, Игнат!

Неродову пришлось несколько раз назвать себя, прежде чем старуха решила открыть дверь. Впустив в избу пришельцев, она захлопотала, причитая:

— Намерзлись, голубчики. А я оглохла, старая, не пускаю. Да и то, надоели старатели, что с Желтуги. День и ночь идут и русские и китайцы, все есть просят. Сначала подавала, а потом нечего стало подавать, самой впору в кусочки идти. Ну и отказываю, хотя это и грех великий — нищему отказать в подаении. Страсть, как

бедуют ваши желтугинские, — рассказывала старуха, успевая готовить ужин, раздевать и укладывать в постель дрожавшего, как осиновый лист, доктора. — Ночуют где-то в тайге, а днем побираются. Ни денег, ни одежды. У богатеев за хлеб только в работники нанимаются. Рубашку-то сними человеку, — приказала она, указывая на Розова. — Я его ханыпином натру, огневица у него, от холода.

— Оно и в нутро бы, — намекнул, ухмыляясь в бороду, Игнат.

— Ладно уж, только разве как замерзли, — смилостивилась старуха, гремя у печки ухватами.

...С той памятной ночи прошел почти месяц. Где сейчас Игнат, Одноглазый и другие старатели, что шли вместе с ним по морозной январской тайге? Старуха тоже ничего не знала о них. Отвечала односложно: «Живы, здоровы, чего еще желать!» Доктор поднял глаза, и ему почудилось, что он снова заболел и бредит. Напротив за столом сидел Игнат, смотрел на Розова насмешливыми глазами, поглаживая густую бороду.

— С ног сбился, искал его, а он чай распивает, ровно купец-миллионщик, — проговорил Игнат. — Думал, сбег совсем.

— Соскучился, к народу потянуло.

— Народ-то разный бывает, — Игнат быстро окинул взглядом трактир. — Я тебя нарочно прятал, на всякий случай. А сегодня слышу — тот угрястый шпынь в Покровском. Несколько политических поймал, собака. Так что ухо остро надо держать, хвост трубой.

Игнат поведал Розову о событиях, происшедших в то время, когда доктор болел. Тысячи людей, бежавших с Желтуги, заполнили все ближайшие станицы. Страшно бедствовали старатели, не имея средств уйти дальше, в поисках работы, крова и пищи. Артелями жили в лесу при таких-то морозах! Питались скудным подаванием амурцев.

— Но понемногу расходились по приискам, — продолжал Игнат. — Мы тут у Игнашино собрали с сотню китайцев и полета русских, и двинул я их на прииск к Ипату Ефремову. На Олекме он. Богатые участки застолбил. Всех я свел туда. Работают, харч есть, ожили люди. Ван и Лю с нами тоже. Компаньон Ефремова, из благородных, носом крутил, не хотел брать желтугин-

цев. «Буйный народ», — говорит. И угадал, варнак гадкий. На первой же неделе мы ему прижим учинили. Просим добавить гривенник — не дают компаньоны. Особенно благородный тот держится: «Никто у вас работать не будет», — говорим. «Кто не будет?» — спрашивает. «Мы не будем». — «Других найдем». — «Мы не позволим». — «Кто — мы?» — «Лесные братья», — говорим. Долго ругался благородный, и Ефремов горло драл, но условия наши приняли, потому деться им некуда, это верно.

— Значит, не забыли, не бросили название, которое Ван дал, — «лесные братья»! — взволнованно сказал Розов.

— Он башковитый, Ван. Братья и есть. И лесные — тоже верно. Кровью, морозом, голодом крещеные, одной плетью спины исполосованы... А что в газетах пишут? — опросил Игнат, заметив пачку газет на краю стола.

Розов коротко рассказал, прочел некоторые заметки о положении желтугинцев в русском Приамурье. Рассмешило Игната глубокомысленное замечание корреспондента, что среди китайцев, сбежавших с Желтуги в Россию, есть «много желающих принять православие, но, по-видимому, наши власти не знают, как подойти к этому вопросу».

— Черти бесхвостые! Ну на что китайцам наша вера? Им хлеб и работа нужны, а они — вера!

— «Пресловутая Амурская Калифорния», — читал Розов, — вот теперь-то убедила близоруких филантропов-народников, видевших в ней благо народа».

— Чтой-то больно мудрено, не пойму, — признался Игнат.

Розов разъяснил ехидные слова. Неродов долго молчал, потом хватил кулаком по столу и воскликнул:

— Не зря!

Трактирщик, вздрогнувший от неожиданности, недоумевал: о чем это говорит Неродов? Но доктор понял Игната: не зря все было — и Желтуга, и республика, и знакомство китайцев и русских, и их опыт совместной борьбы и братской взаимопомощи. Неродов по глазам доктора догадывался, о чем он думает, понимающе улыбнулся ему и, сразу посерьезнев, спросил:

— Куда думаешь податься?

Внимательно выслушал план Розова о возвращении в Петербург. Нужны деньги, а их пока нет.

— Выходит, тебе нельзя от нас отбиваться. Обращают тебя, — сказал Неродов. — Идем-ка, пока полиция утихомирится, на Олекму. Народ будешь лечить. А там и в Петербург...

Блок на дверях взвизгнул, и в трактир ввалилась группа людей, впуская с собой клубы морозного пара. Это были Одноглазый, Лапшин и Ван. Они заметили собеседников и подошли к их столу. Розов смотрел на золотоискателей и чувствовал, что очень близкими стали они для него. И этот прямодушный и вспыльчивый Одноглазый, и природный амурский старатель озорной Лапшин, и неторопливый и рассудительный китаец Ван с темными мудрыми глазами. Старатели до боли жали своими клешнями-ладонями руку доктора, выражая радость по поводу встречи.

— Доверяют нам купцы, — посмеивался Игнат. — Отправили вот всех четырех харчи закупать, достать припас золотишный. Кони у нас. В общем, говори, доктор: поедешь с нами или нет?

— Поеду, — быстро согласился Розов. И сразу стало легче, покойнее на душе.

Трактирщик самолично приносил «почетным» гостям чай в пузатых фаянсовых чайниках. Старатели пили крутой кипяток, ожесточенно дую в блюдца, и вспоминали Желтугу, последние события, боевые эпизоды.

— Сколько золота имели! — вздохнул Егор Лапшин. — Да каждый из нас вот этих трактиров по десятку бы купил! И где все? Ровно вода смыла золотишко.

— Оно, золото, к рабочим рукам не липнет, — серьезно проговорил Одноглазый. — Потому и нет золота, уплыло, как вода в той речке Желтуге.

— Не уплыл, не, не, — горячо возразил Ван. Глаза его блестели возбужденно. Он переводил взгляд с одного товарища на другого, словно в их глазах пытался найти нужное русское слово. И он нашел его.

— Дружба! Во! — и большой палец поднял торжествующе. — Хао!

— А ведь верно говорит! — поддержал Вана Игнат. — Что золото? Мы нашли хороших товарищей среди русских и китайцев. С китайскими мужиками побра-

тались. Да это подороже золота самой наилучшей пробы! Так говорю, Ван?

— Так, так! — кивал тот головой.

— Пригодится нам дружба и братство крепкое. Рядом с китайцами нам века жить, бок о бок, по соседству. А золото будет. У нас руки — золото. Эх, выпить бы по такому поводу! Нельзя, дел по горло и зарок давал: в пути ни-ни!

Лапшин рассказывал свежие новости о Желтуге. По сообщениям побывавших там старателей, всю долину реки Желтуги Ли Хун-чан объявил своей собственностью. Сейчас его приказчики набирают рабочих-золотоискателей, заработки сулят большие.

Беседу прервал внезапно появившийся за спиной Игната Петька. Парень что-то торопливо шепнул ему на ухо. Лицо Неродова стало озабоченным. Он встал со скамьи и, надевая шапку, сказал:

— Угрястый тот показался. Скоро в трактире будет. Ты, доктор, с Петькой через хозяйскую дверь — на задворки. Петька тебя спрячет. Потом я забегу. Уходить из села сегодня же будем, после обеда. Ну и нам тут глаза мозолить шпыню нечего, айда в село!

Петька вел доктора огородами, по узкой стежке, протоптанной в сугробах. Он был уже не прежний шуплый паренек, каким когда-то уходил на прииски, Петька раздался в плечах, вырос, возмужал, голос погрубел. Он привел доктора к избе с заколоченными, кроме одного, окнами. Громыкнул щеколдой и впустил своего спутника в полутемную, пахнущую нежилым избу.

— Темно, — махнул Петька на забитые жердями окна. — Не отбиваю, все одно ухожу опять. Не могу здесь без бати.

Доктор стал расспрашивать Петьку о том, как он пропал тогда в тайге, отбившись от отряда, как дошел домой. Про Гошку узнавал. На прииске у Ефремова тот, с пегобородым ушел.

— А как Улька? Свадьба твоя? Или не сдается без золота урядник?

Петька насупился, рукой махнул безнадежно.

— Сказал: «Хотя ты весь в золоте приди — не отдам дочь. Мое слово — олово!» Такой окаянный мужик! Ну, а Улька, та любит, плачет, известно. — Лицо парня просияло.

— Выходит, ты и Улька решили покориться судьбе? — допытывался Розов.

— Пошто покориться? — встрепенулся Петька. — Уговорил Ульку бежать из дому. Проклянет, говорит, батя. Авось, говорю, не проклянет. А потом — и что такого? Живут же которые самоходочкой ушли. Кажись, уломал. Сегодня и двинем. И ты, доктор, идешь? Хорошо-то как, ловко получается. А батька ейный — ну сущий гуран! Теперь опять грозитя за когой-то выдать Ульку. Не успеет, бык бешеный, уведу! Вы тут посидите, — вежливо попросил Петька, — я сбегая в лабаз, мешки все ли погрузили, Игнат наказывал доглядеть.

Слукавил Петька насчет мешков. К Ульке забежал он, стоит с нею за урядниковой баней, где сейчас из снега торчат голые жерди — стойки для кудрявого хмеля. Плачет Улька, заливаясь, то прижмет Петьку к себе, то оттолкнет крепкой девичьей рукой,

— Боюсь, — всхлипывает девушка.

— Чего бояться? Другие, что ль, не уходят. Не ты первая, не ты последняя. Мало на Амуре самоходок? — уговаривает Петька.

— Далеко уведешь. Какие там люди?.. Станицу бросать, — сомневается Улька.

— Эка, далеко! С полтыщи верст не будет. А люди там есть и получше здешних. В станице не житье нам.

— Не житье, — уныло соглашается Улька.

— Тогда собирайся, сегодня обоз отойдет, забегу. Отец не вернулся из Покровского?

— Сегодня обещал.

— Ну, я побежал, делов у меня еще...

— Подожди, — уцепилась за рукав Улька. — Страшно бежать!

— Тогда оставайся, — холодно говорит Петька, освобождая руку от Улькиных пальцев. — Так и говорила бы, что не любишь.

— Люблю, Петенька. — Улька отстранила от себя Петьку, посмотрела на него пристально и решительно заявила: — Бежим, не отпущу больше тебя одного. Будь, что будет.

Сказалась, видно, в девушке кровь смелых и непокорных предков, обживавших далекие края родной земли. И, разом отбросив все сомнения, терзавшие ее, загорелась сейчас одной мыслью: уйти!

...Пара резвых коней быстро везет расписные сани-кошевку отца Ульки. Урядник едет из Покровской. Доволен урядник, распирает его от самодовольства и, как на дрожжах забродившей в тучном теле, спеси. У самого атамана в гостях был. И не простым гостем, не на кухне поднесли чарку! Сам атаман сватов шлет к нему, простому уряднику, Ульку сватать. Жениться хочет атаман. Говорят, стар он. И не стар еще, на коне сидит молодецки. Двух жен схоронил атаман. «От побоев», — болтают злые языки. Да кто бабу не бьет? Видно, от болезни умерли. Ульку атаман любить будет, холить. А ежели чего, перестарается атаман на кулаках, так ведь его и припугнуть можно, — успокаивал себя урядник. Спешит он домой, коней подгоняет. Солнце уже низко нависло над шестинистой спиной сопки, длинные синие тени легли через дорогу от высоких сосен. Норовистая больно девка Улька. Сегодня не будет ей урядник говорить о сватовстве атамана. Слез не оберешься. Он ей лучше завтра все обскажет...

Не скоро увидит урядник дочку. Да и увидит ли вообще? Далеко в тайге скрипит полозьями обоз из шести тяжело груженных возов. Люди редко присаживаются на сани, больше шагают сзади, по снежному месиву дороги. Это Игнат Неродов со своими товарищами отправляется на далекий таежный прииск. За передним возом идут плечом к плечу Улька и Петька. В середине обоза пристроились Одноглазый и Ван, шагают, мерно раскачиваясь. А замыкают шествие Игнат Неродов, Лапшин и Розов. Лапшин, посмеиваясь, говорит, показывая на молодых людей:

— Приедет урядник, хватится, — ох и лютовать будет! На меня грешить станет. Подумает, я подбил Петьку увести девку. Больно сват я хорош. В те разы ловко лавочника урезонил.

Одноглазый с Ваном говорят о крестьянском труде, о том, где как пахут, сеют. Больше говорит Одноглазый, вспоминая милую Тулыцину. Ван слушает внимательно и иногда перебивает друга, радуясь, что услышал что-то знакомое:

— И у нас так!

— Мозоли-то у нас на руках одинаковые, — соглашается Одноглазый.

А о чем беседуют Петька и Улька? Они идут молча,

взявшись за руки. Они говорят взглядами, у влюбленных красноречивые глаза. Молодые люди изредка смотрят друг на друга и улыбаются. Уж больно они счастливы! Им даже немножко стыдно перед остальными, что они так богаты счастьем близости. И не думают они о гневе Улькиного отца, о бедах и испытаниях, их ожидающих. Не этим заняты их мысли. Они думают только о счастье. Счастье в них самих, в их любви и верности, счастье там, за хребтами далеких синих гор, до которых долго еще идти. Но они сильные и юные, они дойдут и по-хозяйски завладеют своей судьбой.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Тяжелые камни.....	3
Игнатова артель.....	12
Золото.....	20
Сватовство Петьки.....	27
«ГдерекаЖелтуга?».....	35
Негоцианты.....	42
Середкин принимает решение.....	50
Ссора.....	59
Ночью.....	67
Пассажиры шхуны «Альбатрос».....	75
Послы.....	84
Вече.....	91
Бунт поденщиков.....	101
Свои законы.....	111
Суд.....	120
Цинга.....	131
Веселье.....	140
Пахта.....	151
«Держаться!».....	163
Раз гр ом.....	172
Лесные братья.....	186